

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОЧИНЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ХРИСТИАНСКИХЪ АПОЛОГЕТОВЪ.

Приложеніе къ Православному Обозрѣнію.

~~*~*

МОСКВА,
въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1863.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Апрѣля 15 дня 1863 г.

Цензоръ Протопресвитеръ *Д. Новосіій.*

ПОСЛАНІЕ КЪ ДІОГНЕТУ.

О ПОСЛАНИИ КЪ ДІОГНЕТУ.

За твореніями, несомнѣнно принадлежащими св. Іустину, каковы: двѣ апологіи и разговоръ съ Трифономъ іудеемъ, въ рукописныхъ кодексахъ и печатныхъ изданіяхъ слѣдуютъ сочиненія также апологетическаго содержанія, которыя приписываются Іустину, но подлинность которыхъ подлежитъ сомнѣнію и пререканіямъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто по своей древности, а также по своему высокому литературному достоинству занимаетъ посланіе къ Діогнету.

Это сочиненіе есть отвѣтное письмо къ Діогнету, который, какъ видно изъ самого письма, былъ язычникъ и притомъ человекъ образованный и занимавшій высокое общественное положеніе (*). Безстрашіе, съ какимъ христіане подвергались за свою вѣру мученіямъ и смерти, и ихъ взаимная братская любовь возбудили въ немъ желаніе узнать объ источникѣ этого загадочнаго для него нравственнаго явленія. Онъ обратился къ христіанскому другу своему — писателю

(*) Отто предполагаетъ, что Діогнетъ, къ которому писано это посланіе, одно и то же лицо съ Діогнетомъ стояческимъ философомъ, учителемъ импер. Марка Аврелія. Но это предположеніе—безъ основаній.

посланія—съ вопросами о сущности христіанства, его различіи отъ язычества и іудейства, о причинѣ его столь позднаго явленія въ міръ. Отвѣчая на эти вопросы писатель посланія одобряетъ желаніе Діогнета узнать истину (гл. 1), и приглашая къ безпристрастному и непредвѣбжденному обсужденію дѣла, прежде всего показываетъ, почему христіане не почитаютъ языческихъ боговъ: эти боги—говоритъ онъ—суть произведенія самихъ людей, сдѣланныя изъ такого же тлѣннаго вещества, какъ и употребляемые въ обыкновенной жизни сосуды; они глухи, слѣпы, безъ души, безъ чувства, безъ движенія (гл. 2). Богопочтеніе іудеевъ разумнѣе язычества, поколику признаютъ единаго Бога, Творца и Владыку вселенной, но по своему чувственному и суетному служенію Ему кровію и жертвами, какъ будто Всеводовольный нуждается въ этомъ, они подобны язычникамъ (гл. 3. 4). Затѣмъ переходя къ христіанству, тайны котораго никакой человѣкъ не можетъ изъяснить, по замѣчанію автора, — онъ изображаетъ чудную картину жизни христіанъ и сравниваетъ ихъ положеніе и значеніе въ міръ съ душою человѣческою въ отношеніи къ тѣлу (гл. 5. 6). Чтобы объяснить необыкновенную силу христіанства, писатель (гл. 7. 8) говоритъ, что оно учреждено не людьми, какъ прочія религіи, но открыто самимъ Богомъ, и притомъ не чрезъ какую-либо высшую духовную тварь, но чрезъ собственнаго Его Сына, которому Отецъ изначала сообщилъ вѣчный совѣтъ Своей любви о спасеніи рода человѣческаго. До Христа не было истиннаго Богопознанія, даже у философовъ: чрезъ Христа Богъ Самъ Себя явилъ и даровалъ людямъ вѣрою созерцать Бога и быть участниками Его благодѣяній. Почему же христіанство такъ поздно явилось въ міръ? Богъ оставилъ людей, жившихъ до христіанства, собственнымъ похотямъ и

страстямъ, не потому, чтобы Онъ услаждался ихъ заблужденіями, но чтобы тѣмъ обличилось безсиліе человѣчества къ своему собственному спасенію. Когда исполнилась мѣра грѣховъ человѣческихъ, Богъ явилъ Свою безконечную любовь, предавши вочеловѣчившаго Сына Своего на искупленіе наше, Невиннаго за виновныхъ, Святаго за беззаконныхъ (гл. 9). Отвѣтивши на вопросы Діогнета, писатель посланія убѣждаетъ его принять христіанскую вѣру, представляя ему тѣ блага, которыя отъ того произойдутъ: онъ познаетъ Бога, чрезъ любовь сдѣлается Его подражателемъ и возвысившись надъ міромъ и страхомъ смерти, будетъ на землѣ вѣдать тайны и предвкушать блаженство неба (гл. 10).

Такимъ образомъ раскрытъ главный предметъ посланія, и здѣсь оно весьма естественно оканчивается: по видимому не достааетъ только заключительной формулы. Но въ рукописяхъ слѣдуютъ затѣмъ еще двѣ главы (11 и 12). Въ нихъ авторъ говоритъ о себѣ, что онъ «ученикъ апостольскій» и учитель язычниковъ, преподаетъ ученіе не чуждое, но апостольское, которое было открыто Богомъ чрезъ Его Слово ученикамъ: чрезъ это Слово истина и благодать изливается на тѣхъ вѣрующихъ, которые не преступаютъ предѣловъ вѣры и преданій отцевъ (гл. 11). Далѣе писатель приглашаетъ къ истинному вѣдѣнію и защищаетъ права его, указывая на то, что въ раю были насажены и древо жизни и древо познанія, и что не познаніе, а непослушаніе ввело осужденіе въ міръ (гл. 12). Съ перваго взгляда видно, что эти главы не идутъ къ содержанію предшествующихъ десяти главъ и не находятся ни въ какой внутренней связи съ ними. Авторъ нечаянно перемѣняетъ тонъ рѣчи и самый образъ выраженія: вмѣсто ясной, стройной, логически-связной рѣчи, обращенной къ одному лицу—Діогнету и занятой рѣшеніемъ его во-

просовъ, какую видимъ въ первыхъ 10 главахъ,—здѣсь встрѣчается общая, довольно неопредѣленная, иногда аллегорическая рѣчь, пляющая характеръ бесѣды, обращенной къ христіанамъ, а не къ язычнику. Къ этому различію въ слогѣ и содержаніи послѣднихъ двухъ главъ присоединяется то, что въ древнѣйшемъ манускриптѣ посланія къ Діогнету переписчикъ сдѣлалъ передъ ними отмѣтку, изъ которой видно сомнѣніе о подлинности этихъ главъ, донесшееся можетъ быть изъ глубокой христіанской древности (*). Поэтому ученые Бѣль, Земишь, Отто и Гефеле (послѣдніе двое прежде признавали подлинными эти главы), Голленбергъ и другіе признають ихъ отдѣльною прибавкою посторонняго писателя, происхожденіе которой относится къ позднѣйшему времени, именно не ранѣе 3-го вѣка (**).

Посланіе къ Діогнету было въ первый разъ издано въ 1592 г. французскимъ ученымъ Генрихомъ Стефаномъ, который пользовался рукописнымъ греческимъ кодексомъ, находящимся нынѣ въ Лейденѣ, и въ своемъ изданіи присоединилъ къ нему свои примѣчанія и латинскій переводъ. Въ немъ, а также въ страсбургской рукописи, тщательно разсмотрѣнной ученымъ издателемъ апологетовъ Отто, это посланіе носитъ на себѣ имя св. Іустина мученика. Этому писателю оно и приписывалось учеными въ слѣдъ за Стефаномъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Въ концѣ XVII вѣка возсталъ противъ утвердившагося мнѣнія Тиллемонъ, авторъ записокъ

(*) Отмѣтка эта читается: *καὶ ὅδε ἐκκοπὴν ἔχει τὸ ἀντιγράφον.*

(**) На это указываютъ выраженія о границахъ вѣры (*ορια πίστewς*), объ опредѣленіяхъ отцевъ (т.-е. церкви) и пр. (Земишь, *Iust. d. Mart.* ч. 1 стр. 175 примѣч.). По мнѣнію Бунзена (*Hippolytus und. seine Zeit.* 1.) эти главы суть заключеніе недавно открытаго сочиненія св. Ипполита противъ ересей, но это совершенно неосновательное предположеніе.

по церковной исторіи, и къ его взгляду примкнула большая часгь изслѣдователей отеческой литературы, каковы: Нурри, Галланди, Лумперъ и др. Въ новѣйшее время, противъ ученыхъ усилій Отто защитить мнѣніе о происхожденіи посланія отъ св. Іустина, Бѣль, особенно Земишъ и Голленбергъ представили новыя основанія, и нынѣ почти всѣми патрологами признано, что посланіе къ Діогнету не принадлежитъ св. Іустину.

Главнѣйшія доказъства этого мнѣнія суть слѣдующія: 1) языкъ и изложеніе посланія къ Діогнету представляетъ такое различіе отъ подлинныхъ сочиненій Іустина, котораго нельзя удовлетворительно объяснить ни болѣе раннимъ возрастомъ Іустина, ни характеромъ содержанія. Изложеніе св. Іустина носитъ на себѣ тотъ смѣшанный характеръ, который получилъ греческій языкъ при постепенномъ распространеніи всюду съ эпохи Александра Великаго; оно не отличается тщательностію и строгою правильностію, приближается къ обыденному, простонародному образу рѣчи и изобилуетъ отступленіями отъ раскрываемаго авторомъ предмета. Совершенно другое видно въ посланіи къ Діогнету: слогъ его обработанный и приближается къ чистотѣ-выраженія классическихъ образцевъ; ясность и сжатость рѣчи, живость антитезовъ, стройность въ сочетаніи предложеній и логическая послѣдовательность вмѣстѣ съ искреннею одушевленностію чувства составляютъ отличительныя свойства изложенія посланія. Кромѣ того въ немъ не встрѣчаются любимыя выраженія Іустина, и напротивъ употребляются слова и обороты, которыхъ нѣтъ у Іустина (*). 2) Къ тому же приводитъ насъ различіе между св. Іустиномъ и авто-

(*) Земиша *Iust. d. Mart.* 1. стр. 177. 178.

ромъ посланія къ Діогнету въ сужденіи относительно главнѣйшихъ пунктовъ излагаемаго ими дѣла. а) Іустинъ признаетъ языческихъ боговъ злыми духовными существами—демонами, которыя обитаютъ въ своихъ идолахъ для припятія отъ людей жертвъ ихъ; въ посланіи напротивъ боги язычества отождествляются съ ихъ идолами, которые суть бездушныя произведенія человѣческихъ рукъ, ничѣмъ не отличающіяся отъ простаго камня, золота и т. п. б) Іустинъ признаетъ іудейство съ его обрѣтаніемъ, жертвами, законами о субботѣ и другими обрядовыми постановленіями за Божественное учрежденіе, данное ради немощи іудеевъ, но все-таки находившееся въ связи съ новымъ завѣтомъ Христа. Напротивъ въ посланіи отрицается всякое высшее значеніе іудейскаго богопочтенія, исключая догмата его о Единомъ Богѣ, и оно низводится почти на одинаковую степень съ язычествомъ. в) Въ посланіи нѣтъ и слѣда той основной мысли Св. Іустина о дѣйствованіи Верховнаго Разума или Слова (*λογος*) въ до-христіанскомъ мірѣ, по которой время до Христа чрезъ Ветхозавѣтный законъ и пророчества у іудеевъ и чрезъ дѣятельность лучшихъ людей въ язычествѣ служило приготовленіемъ къ полному и всеобщему откровенію Слова во Христвъ Спасителѣ. По воззрѣнію писателя посланія къ Діогнету, христіанство какъ бы внезапно является въ мірѣ, и не нужда постепеннаго раскрытія Божественнаго домостроительства о спасеніи человѣчества была причиною его недавняго явленія, но Божественное намѣреніе чрезъ глубину нравственнаго паденія людей привести ихъ къ сознанію необходимости спасающей благодати.—Такимъ образомъ несправедливо приписывать Св. Іустину такое сочиненіе, которое при немногихъ сходныхъ мысляхъ, общихъ всей древней христіанской апологетикѣ, находится въ ясномъ про-

творѣчій съ его характеристическими воззрѣніями. При молчаніи древнихъ церковныхъ историковъ объ этомъ посланіи писатель его остается для насъ неизвѣстнымъ, и разныя предположенія о немъ не имѣють твердаго историческаго основанія (*).

Нѣтъ также данныхъ для точнаго опредѣленія времени, къ которому относится происхожденіе посланія. Попытки возвести его къ вѣку апостольскому не основательны. Слова въ 11 гл., гдѣ неизвѣстный авторъ называетъ себя «ученикомъ апостоловъ», не относятся къ писателю посланія, и притомъ могутъ быть приняты въ болѣе обширномъ, несобственномъ смыслѣ. Иудейскіе обряды и жертвоприношенія, о которыхъ говоритъ авторъ (гл. 3. 4), не предполагають непременно существованія Іерусалима и храма. Выраженіе о христіанствѣ, какъ явленіи недавнемъ, нынѣ (νυν) возникшемъ, также не препятствуетъ относить это посланіе ко времени позднѣйшему вѣка апостольскаго. Съ болшею основательностію ученые (Мёлеръ, Земишь, Чирнеръ) полагають время происхожденія его въ первой половинѣ 2-го вѣка, когда христіане уже отдѣлившіеся отъ іудеевъ составляли значительное и всюду распространенное общество и подвергались неоднократнымъ кровавымъ преслѣдованіямъ за то именно, что не хотѣли отречься отъ Бога (гл. 10).

Послѣ перваго изданія, сдѣланнаго Г. Стефаномъ въ 1592 г., посланіе къ Диогнету было напечатано въ изданіяхъ сочиненій Св. Іустина Сильбургомъ, Пруденціемъ Мараномъ и

(*) Такъ Голланди приписывалъ это посланіе Аполлосу, Дорнеръ и у насъ преосвященнѣйшій Филаретъ (въ историч. ученія объ Отцахъ церкви)—Квадрату.

въ исправленномъ по рукописямъ видѣ у Отто въ его изданіи апологетовъ. Гефеле помѣстилъ его въ своемъ изданіи твореній мужей апостольскихъ, а издатель «Cursus Completus Patrologiae въ II томѣ. Кромѣ прежнихъ критическихъ трудовъ Бёля (opuscula patrr. select. 1) заслуживаютъ вниманія статьи Мёлера (Patrol. I.), Земиша (въ его сочиненіи о Св. Іустинѣ) и монографіи Отто: Epistola ad Diognetum, 1852, и Голленберга (der Brief an Diognet. 1853), который усилилъ доказательства противъ принадлежности посланія Св. Іустину (*).

Свящ. П. Преображенскій.

(*) На русскомъ языкѣ посланіе къ Діогнету помѣщено въ переводѣ, не довольно исправномъ, въ Христ. чтеніи за 1825 г. т. 4.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДІОГНЕТУ.

1. Я вижу, превосходнѣйшій Діогнетъ, твое сильное желаніе узнать Богопочтеніе христіанское. Ты внимательно и съ живымъ участіемъ спрашиваешь о христіанахъ, на какого Бога они уповаютъ и какое служеніе воздаютъ Ему? что воодушевляетъ всѣхъ ихъ презирать самый міръ и не страшиться смерти? почему они не признаютъ боговъ, чтимыхъ эллинами (1), ни соблюдаютъ іудейскаго богопочтенія? откуда любовь, которую имѣютъ они другъ къ другу, и почему наконецъ этотъ новый родъ богопочтенія, это учрежденіе явилось въ настоящее время, а не раньше? Одобрю такое желаніе твое и прошу у Бога, дающаго намъ способность и говорить и слышать, чтобы даровано было — мнѣ сказать такъ, чтобы особенно слышавшій сдѣлался лучшимъ, а тебѣ выслушать такъ, чтобы говорившій не опечалился.

2. Когда очистишь себя отъ всѣхъ предубѣжденій, владѣющихъ надъ твоимъ умомъ, и отвергнешь оболѣщающія тебя привычныя мнѣнія, когда сдѣлаешься новымъ,

(1) То-есть язычниками вообще, коихъ образованнѣйшими представителями были эллины.

какъ-будто только-что родившимся человѣкомъ, такъ-какъ и ученіе, которое будешь слушать, даже и по твоему признанію, новое: то размотри не глазами только, но и разумомъ, изъ какого вещества и какой формы тѣ, кого вы называете и почитаете богами. Не есть ли одинъ изъ нихъ — камень, подобный тѣмъ, которые вы попираете ногами, другой — мѣдь, которая не лучше сосудовъ, сдѣланныхъ изъ нея для вашего употребленія; одинъ — дерево, и притомъ уже сгнившее, другой — серебро, которое требуетъ сторожа, чтобы его не украли, иной — желѣзо. изъѣденное ржавчиною, а другой—глина, которая нисколько не превосходить глины, употребляемой на издѣлія для самыхъ низкихъ нуждъ. Все это сдѣлано не изъ вещества ли, подверженнаго тлѣнію? Не посредствомъ ли желѣзныхъ орудій и огня? Не сдѣлано ли одно — каменосѣкомъ, другое мѣдникомъ, то — серебрянникомъ, иное — горшечникомъ? Каждое изъ этихъ веществъ не было ли передѣлываемо тѣмъ или другимъ художникомъ, какъ это и теперь бываетъ, прежде чѣмъ оно посредствомъ ихъ искусства получило образъ боговъ? Теперешніе сосуды изъ того же вещества не могутъ ли быть передѣланы въ изображенія боговъ, если попадутъ въ руки тѣхъ художниковъ? И на оборотъ, боги, которымъ поклоняетесь нынѣ, не могутъ ли быть передѣланы людьми въ сосуды, подобные прочимъ? Не всѣ ли они глухи, слѣпы, безъ души, безъ чувства, безъ движенія? Не всѣ ли они гниютъ, не всѣ ли повреждаются? Вотъ что вы называете богами, чему служите, чему поклоняетесь; и сами вы конечно дѣлаетесь подобными имъ. За то и ненавидите христіанъ, что они не признаютъ этихъ боговъ. Но вы, которые нынѣ почитаете ихъ за боговъ, не больше ли оказы-

ваете къ нимъ пренебреженія, чѣмъ христіане? Не больше ли вы смѣтаетесь надъ ними и оскорбляете ихъ, когда чтя боговъ изъ камня и глины оставляете ихъ безъ стражи, а боговъ изъ серебра или золота запираете на ночь и представляете къ нимъ днемъ сторожей, чтобы ихъ не похитили? Самыя почести, которые воздаете имъ, служатъ больше наказаніемъ для нихъ, если они только чувствуютъ; если же они лишены чувствъ, то вы обличаете ихъ въ этомъ, служа имъ кровью и запахомъ приносимыхъ жертвъ. Пусть ктонибудь изъ васъ испытаетъ это! Пусть ктонибудь позволить на себѣ этому быть! Но ни одинъ человѣкъ не потерпитъ добровольно такого наказанія, потому что имѣетъ чувство и смыслъ; камень это тернить, ибо лишенъ чувства. И вы конечно не доказываете чувствительности его ^(*). Что христіане не отдались въ рабство такимъ богамъ, объ этомъ я могъ бы сказать много и другаго; но хотя бы кому и показалось недостаточнымъ сказанное мною,—я считаю излишнимъ говорить больше.

3. Теперь, я думаю, тебѣ весьма хочется слышать, почему христіане неодинаковое имѣютъ богопочтеніе съ іудеями. Іудеи, правда, чужды служенія богамъ, о которомъ мы только-что сказали; они почитаютъ одного Бога и признаютъ Его владыкою вселенной: но если они подобно язычникамъ совершаютъ Ему такое же служеніе, то заблуждаютъ. Ибо алины, принося жертвы безчувственнымъ и глухимъ существамъ, показываютъ знакъ неразумія, а іудеи думая почтить Бога тѣми же жертвами, какъ будто Онъ имѣетъ въ томъ нужду, являютъ можетъ-быть болѣе глупость, нежели благочестіе. Тотъ, Кто сотворилъ небо и

(*) Т.-е. своими дѣйствіями — кропленіемъ кровію и пр. вы не доказываете, чтобы камень, или сдѣланный изъ него идолъ, имѣлъ чувство.

землю и все, что въ нихъ, и всёмъ намъ подаетъ все нужное, не можетъ, конечно, имѣть нужды ни въ чемъ томъ, что Самъ даруетъ тѣмъ, которые думаютъ что-либо Ему дать ⁽³⁾. И если они, принося Богу жертвы посредствомъ крови, куренія и всесожженій, думаютъ такими почестями прославить Его и что-либо доставить Тому, Который ни въ чемъ не имѣетъ нужды. то, мнѣ кажется, они ни чѣмъ не различаются отъ тѣхъ, которые оказываютъ такое же почтеніе богамъ безчувственнымъ, не могущимъ принимать той чести.

4. Что же касается до чрезмѣрной разборчивости іудеевъ въ пищу, ихъ суевѣрія въ соблюденіи субботы, тщеславія своимъ обрѣзаніемъ, лицемѣрія въ постахъ и новомѣсячіяхъ,—все это такъ смѣшно и не стоитъ слова, что, думаю я, нѣтъ нужды тебѣ узнавать объ этомъ отъ меня. **Но** изъ всего того, что Богъ сотворилъ для пользы человека, прилично ли одно принимать какъ сотворенное хорошо, а другое отвергать, какъ бесполезное и излишнее? Не нечестиво ли клеветать на Бога, будто онъ запрещаетъ въ день субботный дѣлать что-либо доброе? Также не достойно ли осмѣянія тщеславиться уменьшеніемъ плоти ⁽⁴⁾, какъ свидѣтельствомъ особеннаго избранія, какъ будто за это они преимущественно возлюблены Богомъ? Равнымъ образомъ и то, что они наблюдаютъ теченіе звѣздъ ⁽⁵⁾ и луны,

⁽³⁾ Сн. Дѣян. XVII, 24. 24.

⁽⁴⁾ Т.-е. обрѣзаніемъ.

⁽⁵⁾ Это указываетъ на то, что іудеи, начиная день, въ обширномъ смыслѣ понимаемый, съ вечера, опредѣляютъ начало субботы и другихъ праздничныхъ дней появленіемъ звѣздъ; такимъ образомъ, когда появится три звѣзды средней величины, то они говорятъ, что наступила ночь; когда—двѣ, то называютъ это временемъ *между солнцами*, а когда

замѣчаютъ мѣсяцы и дни, и распоряженія Божія, смѣны времени распредѣляютъ по своимъ собственнымъ желаніямъ, иное обращая въ праздники, другое въ дни плача, кто почитетъ это признакомъ Богопочтенія а не гораздо болѣе—безумія? Итакъ думаю, ты довольно понимаешь теперь, что христіане справедливо поступаютъ, удаляясь какъ отъ всеобщаго (*) суевѣрія и обольщенія, такъ и отъ іудейской суетной заботливости и тщеславія. А что касается до таинства собственнаго ихъ Богопочтенія, то не надѣйся научиться ему отъ челоуѣка.

5. Христіане не различаются отъ прочихъ людей ни страной, ни языкомъ, ни житейскими обычаями. Они не населяютъ гдѣ либо особенныхъ городовъ, не употребляютъ какого либо необыкновеннаго нарѣчія, и ведутъ жизнь ничѣмъ не отличающую отъ другихъ. Только ихъ ученіе не есть плодъ мысли или изобрѣтеніе людей ищущихъ новизны; они не привержены къ какому либо ученію челоуѣческому какъ другіе. Но обитая въ эллинскихъ и варварскихъ городахъ, гдѣ кому досталось, и слѣдуя обычаямъ тѣхъ жителей въ одеждѣ, въ пищѣ и во всемъ прочемъ, они представляютъ удивительный и поистинѣ невѣроятный образъ жизни. Живутъ они въ своемъ отечествѣ, но какъ пришельцы; имѣютъ участіе во всемъ, какъ граждане, и все терпятъ какъ чужестранцы. Для нихъ всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество—чужая страна. Они вступаютъ въ бракъ

только одна звѣзда, то день въ собственномъ смыслѣ еще не кончился. Поэтому у іудеевъ былъ такой законъ: кто въ пятокъ вечеромъ работалъ, когда еще не появились три среднія звѣзды, тотъ согрѣшилъ и долженъ принести очистительную жертву; кто при одной звѣздѣ, тотъ былъ свободенъ отъ жертвы. *Баль.*

(*) Т.-е. между язычниками.

какъ и всѣ, раждають дѣтей, только не бросаютъ ихъ. Они имѣють трапезу общую, но не простую (7). Они во плоти, но живутъ не по плоти (8). Находятся на землѣ, но суть граждане небесные (9). Повинуются постановленнымъ законамъ, но своею жизнію превосходятъ самые законы (10). Они любятъ всѣхъ и всѣми бывають преслѣдуемы. Ихъ не знаютъ, но осуждаютъ, умерщвляютъ ихъ, но они животворятся; они бѣдны, но многихъ обогащаютъ. Всего лишены, и во всемъ изобилуютъ (11). Безчестятъ ихъ, но они тѣмъ прославляются (12); клеветаютъ на нихъ, и они оказываются праведны; злословятъ, и они благословляютъ (13); ихъ оскорбляютъ, а они воздаютъ почтеніемъ; они дѣлають добро, но ихъ наказываютъ, какъ злодѣевъ; будучи наказываемы, радуются (14), какъ будто имъ давали жизнь. Иудеи всоружаются противъ нихъ какъ противъ иноплеменниковъ, и эллины преслѣдуютъ ихъ, но враги ихъ не могутъ сказать, за что ихъ ненавидятъ.

6. Словомъ сказать: что въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ христіане. Душа распространена по всѣмъ членамъ тѣла, и христіане по всѣмъ городамъ міра. Душа, хотя обитаетъ

(7) Т.-е. такую, которая освящается молитвами и благодареніемъ Богу. Отто. — Моранъ и Гефеле вмѣсто: *οὐ κοινὴν* (не простую) читаютъ: *οὐ κοίτην* — а не ложе общее.

(8) Св. 2 Кор. X, 3. Римл. VIII, 12.

(9) Св. Филип. III, 18—20.

(10) Здѣсь разумѣется высота христіанской нравственности и въ особенности *любовь*, о которой авторъ говоритъ въ дальнѣйшихъ словахъ: жизнію, полною любви, христіане превосходятъ самые законы, которые не заповѣдаютъ совершенной любви ко всѣмъ, даже врагамъ.

(11) Св. 2 Кор. VI, 9, 10.

(12) Св. 1 Кор. IV, 10.

(13) Св. 1 Кор. IV, 12.

(14) Св. 2 Кор. VI, 10.

въ тѣлѣ, но не тѣлесна, и христіане живутъ въ мірѣ, но не сѹтъ отъ міра ⁽¹⁵⁾. Душа, будучи невидима, помѣщается въ видимомъ тѣлѣ; такъ и христіане, находясь въ мірѣ, видимы, но Богопочтеніе ихъ остается невидимо. Плоть ненавидитъ душу и воюетъ противъ нея, ни чѣмъ не будучи обижена, потому, что душа запрещаетъ ей предаваться удовольствіямъ: такъ и міръ ненавидитъ христіанъ, отъ которыхъ онъ не терпитъ никакой обиды, — за то, что они вооружаются противъ его удовольствій. Душа любитъ плоть свою и члены, не смотря на то, что они ненавидятъ ее, и христіане любятъ тѣхъ, которые ихъ ненавидятъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но сама содержитъ тѣло; такъ и христіане, заключенные въ мірѣ, какъ бы въ темницѣ, сами сохраняютъ міръ. Безсмертная душа обитаетъ въ смертномъ жилищѣ; такъ и христіане обитаютъ, какъ пришельцы, въ тлѣнномъ мірѣ, ожидая нетлѣнія на небесахъ. Душа претерпѣвая голодъ и жажду становится лучшею; и христіане, будучи наказываемы, каждый день болѣе умножаются ⁽¹⁶⁾. Такъ славно ихъ положеніе, въ которое Богъ опредѣлилъ ихъ и отъ котораго имъ отказаться нельзя.

7. Ибо не земное, какъ я сказалъ, изобрѣтеніе предано имъ, не вымысль кого-либо изъ смертныхъ они такъ тщательно стараются сохранить, и не распоряженіе человѣческими тайнами имъ ввѣрено. Но самъ по истинѣ Вседержитель и Творецъ всего, невидимый Богъ, самъ вселилъ въ людей и напечатлѣлъ въ сердцахъ ихъ небесную истину и

⁽¹⁵⁾ Сн. Іоан. XVII, 11. 14. 16.

⁽¹⁶⁾ Т.-е. въ числѣ. Впрочемъ Отто, основываясь на предшествующей мысли, думаетъ, что слово «πλεονάζουσι» должно понимать о вутреннемъ возрастаніи, духовномъ укрѣпленіи христіанъ.

святое и непостижимое Слово свое. Онъ не послалъ къ людямъ, какъ могъ бы кто предположить, кого-либо изъ слугъ своихъ, или ангела или князя — правящаго земнымъ или того, кому ввѣрено управленіе небеснымъ, — нѣтъ; но самого Художника и Создателя всего, Которымъ Онъ сотворилъ небеса, Которымъ заключилъ море въ своихъ предѣлахъ, Котораго тайны ⁽¹⁷⁾ вѣрно сохраняютъ всѣ небесныя тѣла ⁽¹⁸⁾, отъ Котораго солнце получило опредѣленные мѣры дневныхъ теченій своихъ, повелѣнію Котораго повинуются луна, освѣщая ночью, Которому повинуются звѣзды, слѣдуя теченію луны, Которымъ все устроено, распредѣлено, и Которому все покорено: небеса и все что на небесахъ, земля и все, что на землѣ, море и все, что въ морѣ, огонь, воздухъ, бездна, все, что въ высотѣ и въ глубинѣ и въ срединѣ. Вотъ кого послалъ Онъ къ людямъ. Ужели для того, — подумаетъ кто-нибудь, — чтобъ показать имъ Свою власть, привести ихъ въ страхъ и ужасъ? Никакъ, но Онъ послалъ Его съ благостію и кротостію. Онъ послалъ какъ царь, посылающій царя сына, послалъ какъ Бога, послалъ къ человекамъ, послалъ какъ спасающій, какъ убѣждающій, а не принуждающій, ибо Богу не свойственно принужденіе; послалъ, какъ призывающій, а не преслѣдующій, послалъ, какъ любящій, а не судящій ⁽¹⁹⁾.

(17) Т.-е. законы и планы, по которымъ Творецъ управляетъ вселенной: они называются тайнами (*μυστήρια*), потому что сокрыты отъ разума людей и познаются ими только изъ дѣйствій ихъ. *Бель.*

(18) *τα στοιχία*. Здѣсь разумѣются не стихіи или элементы, но небесныя тѣла или тѣ, которыя и перечисляются потомъ — солнце, луна и прочія звѣзды, или двѣнадцать знаковъ зодіака, какъ нерѣдко употребляется это слово въ такомъ смыслѣ у александрійскихъ и другихъ церковныхъ писателей. Сн. Феофила антиох. ad Autol. I; 4. *Гефеле* и *Отто*.

(19) Сн. Іоан. III, 17.

Пошлетъ нѣкогда Его какъ судію, и кто стерпитъ Его пришествіе?... (20) Невидишь ли, что христіане бросаются на снѣденіе звѣрямъ для того, чтобъ они отверглись Господа, и они остаются непобѣдими. Не видишь ли, что чѣмъ большее число ихъ подвергается казнямъ, тѣмъ болѣе увеличивается число другихъ (21). Это не дѣло человѣческое, это есть сила Божія, это — доказательство Его пришествія.

8. Кто изъ людей зналъ что такое Богъ, прежде пришествія Его Самого? Или ты одобришь пустыя и вздорныя изреченія тѣхъ мнимо достовѣрныхъ философовъ, изъ которыхъ одни называли Богомъ огонь, — что захотятъ они, то и называютъ Богомъ — другіе воду, иные другое что-нибудь изъ стихій, сотворенныхъ Богомъ? Но если какое-либо изъ этихъ мнѣній достойно одобренія, то и всякая другая изъ сотворенныхъ вещей подобнымъ образомъ могла бы назваться Богомъ. Но все это есть ложь и обольщеніе обманщиковъ; изъ людей никто и не видѣлъ и не показалъ Бога; Онъ Самъ Себя явилъ. Онъ явилъ Себя чрезъ вѣру, которой одной даровано видѣть Бога. Ибо Господь и Создатель всего Богъ, Который все сотворилъ и устроилъ въ порядкѣ, показалъ людямъ не только любовь Свою, но и долготерпѣніе

(20) Здѣсь очевидный пропускъ, замѣченный еще древнѣйшимъ переписчикомъ посланія къ Діогнету. — Ученые (Сильбургъ, Баль, Маранъ и Отто) догадываются о содержаніи пропущенныхъ словъ, главный смыслъ которыхъ можно представить такимъ образомъ: этого будущаго пришествія Спасителя (о которомъ авторъ только что упомянулъ), столь страшнаго для злыхъ и невѣрующихъ, съ несомнѣнною надеждою ожидаютъ вѣрующіе во Христа, такъ что никакія бѣдствія, никакія казни не могутъ ихъ заставить отречься отъ Христа. Не видишь ли... и проч.

(21) Отто, какъ и выше въ гл. 6., разумѣетъ здѣсь укрѣпленіе и ободреніе другихъ христіанъ, которые берутъ примѣромъ для подражанія мужество казнимыхъ собратій своихъ.

Онъ таковъ всегда былъ, есть и будетъ, милостивъ, благъ, везлобивъ и истиненъ, и Онъ одинъ только благъ ⁽²²⁾. Онъ принялъ великое и неизрѣченное намѣреніе, которое сообщилъ одному Сыну Своему. Доколѣ Онъ держалъ и сохранялъ въ тайнѣ премудрый совѣтъ Свой, казалось, что Онъ оставилъ насъ и не имѣлъ о насъ попеченія. Но послѣ того, какъ Онъ открылъ чрезъ возлюбленнаго Сына Своего и объявилъ то, что было отъ вѣка уготовано, — даровалъ намъ вмѣстѣ все: и быть участниками Его благодѣяній, и видѣть Его и дѣйствовать. Кто когда либо изъ насъ ожидалъ этого? — Итакъ все это Онъ Самъ вѣдалъ вмѣстѣ съ Сыномъ, по Своему домостроительству.

9. Впрочемъ если Онъ попустилъ намъ въ прежнее время слѣдовать по собственному нашему произволу беспорядочнымъ страстямъ, увлекаться удовольствіями и похотями, то не потому, чтобы Онъ увеселялся нашими грѣхами; Онъ только терпѣлъ это; и неблаговолилъ о томъ неправедномъ времени, но приготавлиалъ настоящее время праведности, дабы убѣдившись въ прежнее время изъ собственныхъ нашихъ дѣлъ, что мы не достойны жизни, нынѣ удостоились ея по благодати Божіей, и показавши, что сами собою не можемъ войти въ царствіе Божіе ⁽²³⁾, получили эту возможность отъ силы Божіей. Когда же исполнилась мѣра нашей неправды и совершенно обнаружилось, что въ воздаяніе за нее слѣдуетъ ожидать наказанія и смерти, когда пришло время, въ которое Богъ по безпредѣльному челоувѣколюбію и по единой любви Своей предположилъ явить наконецъ Свою благодать и силу: тогда Онъ не возненави-

⁽²²⁾ Сн. Матѣ. XIX, 17.

⁽²³⁾ Сн. Іоан. III, 5.

дѣль насъ, не отвергъ, не вспомнилъ нашего зла, но съ долготерпѣніемъ снесъ его и Самъ принялъ на Себя грѣхи наши. Онъ предалъ Сына Своего въ искупленіе за насъ ⁽²⁴⁾, Святаго за незаконныхъ, Невиннаго за виновныхъ, Праведнаго за неправедныхъ, Нетлѣннаго за тлѣнныхъ, Безсмертнаго за смертныхъ. Ибо что другое могло прикрыть грѣхи наши ⁽²⁵⁾, какъ не Его праведность? Черезъ кого мы незаконныя и нечестивыя могли оправдаться, кромѣ Сына Божія? О сладостное измѣненіе! О непостижимое строительство! о неожиданныя благодѣянія! Беззаконіе многихъ покрывается однимъ Праведникомъ, и праведность одного оправдываетъ многихъ незаконниковъ. Итакъ обнаруживъ прежде безсиліе нашего естества къ полученію жизни, а нынѣ явивъ вамъ Спасителя, могущаго спасти и то, что не могло спастись, — тѣмъ и другимъ Богъ хотѣлъ расположить насъ къ тому, чтобы мы вѣровали въ его благодать, почитали Его Питателемъ, Отцемъ, Учителемъ, Наставникомъ, Врачемъ, Мудростію, Свѣтомъ, Честію, Славою, Жизнію, не заботясь объ одеждѣ и пищѣ ⁽²⁶⁾.

10. Если и ты пожелаешь этой вѣры, то получишь тотчасъ познаніе объ Отцѣ. Богъ возлюбилъ челоуковъ, для которыхъ Онъ сотворилъ міръ, которымъ покорилъ все на землѣ, далъ имъ умъ и разумѣніе; имъ только однимъ позволилъ обращать взоръ къ Себѣ, ихъ создалъ по собственному Своему образу, къ нимъ послалъ едиnorodнаго Сына Своего ⁽²⁷⁾, имъ обѣщалъ царство небесное и

⁽²⁴⁾ Сн. Рим. VIII, 32.

⁽²⁵⁾ Сн. Зак. V, 20.

⁽²⁶⁾ Сн. Мате. VI, 25—31.

⁽²⁷⁾ Сн. Іоан. III, 16 и 1. Іоан. IV, 9.

дать возлюбившимъ Его. О, какой радости ты исполнишься когда познаешь Отца? Какъ ты возлюбишь Того, Кто столько напередъ возлюбилъ тебя? когда же возлюбишь, то сдѣлаешься подражателемъ Его благодати. Не удивляйся что человекъ можетъ быть подражателемъ Божиимъ: Можетъ, если Онъ захочетъ. Ибо не въ томъ состоитъ блаженство, чтобъ имѣть власть надъ другими, или быть сильнѣе слабѣйшихъ, или быть богатымъ и притѣснять низшихъ, такимъ образомъ никто не можетъ подражать Богу; это не достойно Его величія. Но тотъ, кто принимаетъ на себя бремя ближняго, кто имѣя въ чемъ-либо превосходство благодѣтельствуешь другому низшему себя, кто полученныя имъ отъ Бога дары раздаетъ нуждающимся и дѣлается *такъ-сказать* Богомъ для получающихъ отъ руки его; тотъ есть подражатель Богу. Тогда ты находясь на землѣ, увидишь, что есть Богъ живущій на небесахъ, тогда начнешь повѣдать тайны Божіи; тогда возлюбишь ты и удивишься тѣмъ, которые терпятъ мученія за то, что не хотятъ отречься отъ Бога; тогда ты познаешь обольщеніе и заблужденіе міра, когда на самомъ дѣлѣ научишься жить на небѣ, когда будешь презирать злѣшнюю мнимую смерть, а бояться смерти дѣйствительной, уготовляемой для имѣющихъ быть осужденными на вѣчный огонь, который будетъ навсегда мучить вверженныхъ въ него. Тогда ты удивишься тѣмъ, которые за правду терпятъ огонь временный и почтешь ихъ блаженными, когда узнаешь тотъ огонь (28).

11. Я не новость сказываю, и не напрасно ищу убѣдить другихъ, но бывши ученикомъ апостольскимъ, и я

(28) Т.-е. вѣчный, котораго избѣгли вѣрные христіане.

сдѣлаея учителемъ язычниковъ. То, что мнѣ предано, стараюсь сообщить ученикамъ, достойнымъ истины. Ибо кто, будучи правильно наученъ и рожденъ отъ возлюбленнаго Слова (29), не постарается тщательно изучать то, что Слово ясно преподавало ученикамъ Своимъ? Имъ само Слово явившееся открывало и свободно говорило то, что было непонятно невѣрующимъ и что оно объясняло ученикамъ, и тѣ, которыхъ Оно нашло вѣрными, познали таинства Отца. Для сего самого Онъ и послалъ Слово, чтобъ явилось Оно міру, и отвергнутое народомъ іудейскимъ оно было проповѣдано апостолами и въ Него увѣровали язычники. Оно было ископи, но явилось въ послѣднее время; оказалось древнимъ и всегда снова рождается въ сердцахъ Святыхъ. Вѣчно сущій нынѣ призванъ Словомъ; чрезъ Него обогащается церковь, и благодать распространяясь множится во Святыхъ, даруетъ разумъ, открываетъ тайны, возвѣщаетъ времена, радуется о вѣрныхъ, даруется ищущимъ тѣмъ, которые не нарушаютъ предѣловъ вѣры и не преступаютъ преданій отцевъ. Такимъ образомъ и страхъ закона восхваляется, и благодать, давная пророкамъ, познается и вѣра евангелій утверждается и преданіе апостольское соблюдается, и благодать церкви торжествуетъ. Не оскорбляя этой благодати, ты познаешь то, о чемъ говоритъ Слово, чрезъ кого и когда Ему угодно. Ибо все то, къ чему возбуждаетъ насъ Божественное Слово, мы сообщаемъ вамъ изъ любви къ истинамъ, намъ открытымъ.

12. Внимая этому и слушая съ прилежаніемъ, вы уразумѣете все, что Богъ даруетъ истинно любящимъ Его, сдѣлае-

(29) Маранъ вмѣсто *λόγῳ προσεφίλει γεννηθείς* читаетъ: *λόγῳ προσεφίλησ γεννηθείς* (сдружившійся съ Словомъ).

тесъ раемъ утѣшеній, плодовитымъ зеленѣющимъ дровомъ, возрастая внутрь себя самихъ и украшаясь различными плодами. Ибо здѣсь въ раю было насаждено древо познанія и древо жизни. Но не древо познанія губить, а преслушаніе. Ибо ясно то, что написано, то-есть, что Богъ изъ начала насадилъ посреди рая древо жизни, указывая на познаніе, какъ путь къ жизни; но первые люди не чисто воспользовались имъ, и обнажились его коварствомъ змія. Ибо ни жизнь безъ познанія, ни познаніе безъ истинной жизни, не прочно. Поэтому-то то и другое дерево было насаждено другъ подлѣ друга. Апостоль усмотрѣлъ силу этого соединенія и потому укоряетъ вѣдніе, обращаемое въ жизнь безъ истинной заповѣди, говоря: « разумъ кичить, любовь созидаетъ ⁽³⁰⁾. Кто думаетъ знать что либо безъ истиннаго вѣднія, не засвидѣтельствованнаго жизнью, тотъ ничего не знаетъ, тотъ обольщается зміемъ, потому-что не возлюбилъ жизни. Но кто получилъ вѣдніе со страхомъ, и ищетъ жизни, тотъ съ надеждою насаждаетъ, ожидая плода. Да будѣтъ вѣдніе сердцемъ твоимъ; жизнью же истинное слово, тобою приемлемое. Насадивъ это древо, и принося плодъ, ты всегда будешь получать отъ Бога то, чего желаешь, къ чему ни змѣй не касается, ни обольщеніе не проникаетъ; тогда и Евва не растлѣвается, но остается дѣвою, и спасеніе является, и апостолы исполняются разумнѣя, Пасха Господня совершается и лики ⁽³¹⁾ сходятся и устанавлиются въ стройномъ чинѣ, Слово поучаетъ Святыхъ, и торжествуетъ, и Отецъ чрезъ Него прославляется. Слава Ему во вѣки. Аминь.

⁽³⁰⁾ 1 Кор. VIII, 1.

⁽³¹⁾ Тамъ же.

РЪЧЬ КЪ ЭЛЛИНАМЪ.

О РѢЧИ КЪ ЭЛЛИНАМЪ.

По словамъ Евсевія (Ц. Ист. IV, 18) Іустинъ написалъ, кромѣ такъ-называемыхъ двухъ апологій (*), еще книгу противъ эллиновъ, въ которой онъ обширно разсуждаетъ о весьма многихъ вопросахъ составляющихъ предметъ изслѣдованія какъ у христіанъ, такъ и у эллинскихъ философовъ и говоритъ о природѣ демоновъ. Подобнымъ образомъ свидетельствуетъ Іеронимъ (Cat. Scr. eccl. с. 23): «есть и другое сочиненіе его противъ язычниковъ, въ которомъ онъ разсуждаетъ и о природѣ демоновъ.» Это именно сочиненіе издатели и изслѣдователи твореній св. Іустина (Нурри, Маранъ, изъ новѣйшихъ Отто) думали видѣть въ дошедшемъ до насъ небольшомъ апологетическомъ произведеніи подъ названіемъ «рѣчь къ эллинамъ» (*λόγος πρὸς Ἑλληνας*). Она состоитъ изъ 5 главъ и содержитъ изложеніе основаній, по которымъ авторъ оставилъ язычество и сдѣлался христіаниномъ. Въ язычествѣ онъ не нашелъ ничего святаго: боги, какъ изображаютъ ихъ Гомеръ (гл. 1) и Гезіодъ (гл. 2), причастны всѣмъ грубымъ порокамъ и злодѣаніямъ; герои все не мужественны (гл. 3); религіозныя собранія и торжества представляютъ множество приманокъ для чувственности

(*) См. *Прав. Обзор.* за 1862 г. въ Приложеніи: объ апологіяхъ св. Іустина.

и побужденій къ распутству (гл. 4). Поэтому авторъ убѣждаетъ язычниковъ, подобно ему, сдѣлаться хрестіанами (гл. 5). Изъ этого содержанія рѣчи къ эллинамъ ясно открывается, что къ ней не могутъ относиться вышеприведенныя слова Евсевія о сочиненіи Іустина противъ эллиновъ: въ ней нѣтъ, по крайней мѣрѣ *пространнаю*, разсужденія о спорныхъ предметахъ у хрестіанъ и философовъ, ни въ частности о природѣ демоновъ.

На этомъ основаніи, а также по различію слога «рѣчи къ Эллинамъ» отъ подлинныхъ сочиненій Іустина, въ настоящее время ученые католическіе (Мёлеръ, Гефеле) и протестантскіе (Земишъ, Неандеръ) не признаютъ рѣчи къ эллинамъ сочиненіемъ Іустина, хотя происхожденіе ея относятъ ко временамъ этого апологета или немного позже его.

Въ изданномъ Кюртономъ въ 1855 году собраніи памятниковъ сирской литературы (*Specilegium Syriacum*) находится переводъ рѣчи къ эллинамъ, въ которомъ сирскій переводчикъ позволилъ себѣ кое-гдѣ сокращенія или распространенія противъ оригинальнаго текста. Въ сирскомъ переводѣ указанъ писателемъ этого сочиненія Амвросій, сенаторъ, который написалъ его для своихъ товарищей сенаторовъ, поднявшихъ крикъ негодованія по случаю перехода его въ хрестіанство: въ этомъ Амвросіѣ Кюртонъ и Нольте (*Theol. Quartalschr. Tüb. 1860*) видятъ Амвросія друга и покровителя Оригена.

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

РѢЧЬ КЪ ЭЛЛИНАМЪ.

1. Не думайте, Эллины, что мое отступленіе отъ вашихъ обычаевъ неразумно и неосновательно. Я не нашель въ нихъ ничего святаго или угоднаго Богу. Ибо и самыя творенія вашихъ поэтовъ ничто иное, какъ памятники необузданности и разврата. И кто обратится къ мудрѣйшему изъ нихъ, тотъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ людей. Впервые, напримѣръ, говорятъ, что Агамемнонь, содѣйствуя бѣшеной страсти и неумѣренной похоти своего брата (1), охотно принесъ свою дочь въ жертву (2) и привелъ въ волненіе цѣлую Грецію, изъ-за того, чтобы возвратить Елену, похищенную презрѣннымъ пастухомъ. Когда же, по начатіи войны, добыли они плѣнныхъ, самъ Агамемнонь плѣнень былъ Хризеидою и еще поднялъ ссору съ сыномъ Фетиды за Бризеиду (3). Самъ же сынъ Пелея (4), перескочившій чрезъ рѣку, разрушившій Трою и побѣдившій Гектора, этотъ

(1) Т.-е. Менелая, коего жена Елена была похищена Парисомъ: это и было поводомъ войны грековъ съ троянцами.

(2) Агамемнонь принесъ Ифигенію въ жертву богинѣ Діанѣ, чтобы испросить у нея свободный выходъ для своего войска задержаннаго ея гнѣвомъ въ беотійской Авлидѣ.

(3) Бризеида и Хризеида—плѣнныя дѣвушки, изъ-за которыхъ произошла распря между Агамемнономъ и Ахиллесомъ. Гом. Илиада 1, 7 и дал.

(4) Т.-е. Ахиллесъ.

герой вашъ сдѣлался рабомъ Поликсены, и былъ побѣжденъ мертвою амазонкою ⁽⁵⁾; когда онъ снялъ приготовленное богомъ оружіе и надѣлъ брачную одежду, то сдѣлался жертвою любви ⁽⁶⁾ въ храмѣ Аполлона. И сынъ Лаэрта ⁽⁷⁾, царь Итаки пріобрѣлъ славу добродѣтели только своимъ лукавствомъ. Ибо онъ не имѣлъ истиннаго благоразумія, и это показало его плаваніе въ мѣстахъ, гдѣ находились сирены, потому что не могъ закрыть своего слуха силою благоразумія. Также и Аяксъ, сынъ Теламона, носившій семикожный щитъ, будучи принужденъ уступить Одиссею въ спорѣ за оружіе Ахиллеса, сдѣлался бѣшеннымъ. Я не хочу такого рода уроковъ. Ибо я не домогаюсь такой добродѣтели—вѣрить баснямъ Гомера, такъ какъ предметъ его пѣснопѣній, начало и конецъ Илиады и Одиссеи,—женщина.

2. Послѣ Гомера Гезіодъ написалъ «труды и дни». Кто можетъ повѣрить его забавной Θεогоніи? Онъ говоритъ, что Кроносъ, сынъ Урана, отнялъ у отца власть и завладѣлъ скипетромъ; потомъ же, опасаясь подвергнуться подобной участи отъ своихъ дѣтей, рѣшился пожрать ихъ; что Зевсъ, скрывшись при помощи Куретовъ, заключилъ отца въ оковы, и раздѣлилъ его власть съ своими братьями: Зевсу, какъ говорятъ, достался эфиръ, Посидону море, Плутону же адъ. Плутонъ похитилъ Кору, и Деметра ⁽⁸⁾, скитаясь по пустынѣ, искала свою дочь. И эту басню про-

⁽⁵⁾ Умертвивши амазонскую царьцу, онъ прельщенъ былъ ея красотой.

⁽⁶⁾ Т.-е. жертвою мщенія, которымъ управляла ревнивая любовь: Ахиллесъ былъ убитъ Парисомъ.

⁽⁷⁾ Улиссъ.

⁽⁸⁾ Иначе—Прозеркину.

⁽⁹⁾ Или—Церера.

славиль елевзинскій огонь (10). Далѣ Посидонъ обезчестилъ Меланиппу въ то время, какъ она купалась, и также многихъ Нерейдъ, такъ что если будемъ перечислять ихъ имена, то потратимъ множество словъ. Точно также и Зевсъ совершалъ многообразныя любодѣянiя—съ Антіоною въ видѣ сатира, съ Данаею въ видѣ золота, для Европы измѣнился въ быка, а для Лиды сдѣлался крылатымъ существомъ. Его любовь къ Семелѣ изобличила и его похотливость и ревность Геры (11). Онъ также похитилъ, какъ рассказываютъ, фригійца Ганимеда, чтобъ онъ исправлялъ должность виночерпiя. Такимъ-то образомъ вели себя дѣти Крона. И вашъ знаменитый сынъ Латоны (12), славившійся искусствомъ прорицанiя, самъ себя изобличилъ во лжи. Онъ преслѣдовалъ Дафну, и не могъ ее настигнуть; онъ не предсказалъ близкой смерти сыну Аякса, который спрашивалъ его во время жертвоприношенiя. Я уже умалчиваю о дѣлахъ Аѳины, болѣе свойственныхъ мужчинѣ, о женоподобной жизни Діониса и о блудодѣянiяхъ Афродиты (13). Прочтите, эллины, Зевсу о законахъ постановленныхъ противъ тѣхъ, которые оскорбляютъ родителей, о наказанiяхъ положенныхъ за прелюбодѣйство, и о гнусности дѣторастлѣнiя. Научите Аѳину и Артемиду, какiя дѣла приличны женщинѣ, а Діониса тому, что свойственно мужчинѣ. Что достойнаго уваженiя представляетъ женщина, носящая оружіе? что хорошаго въ мужчинѣ, который украшается вѣнками, носитъ кимвалы и женскую одежду и проводитъ время въ пьяныхъ пирахъ съ толпою женщинъ?

(10) Сн. Мивуц. Фел. Octav. 21.

(11) Илч—Юноны, его жены.

(12) Аполлонъ.

(13) Иначе—Венеры.

3. Таковъ же и тревечерній Алкидъ ⁽¹⁴⁾, знаменитый храбростію предводитель битвъ, сынъ Зевса: онъ убилъ сильнаго льва и поразилъ многоглавую гидру, умертвилъ неукротимаго вепря, разсѣялъ летающихъ птицъ, которыя пожирали людей, и вывелъ изъ ада треглаваго пса ⁽¹⁵⁾, очистилъ отъ нечистотъ стойла Авгія ⁽¹⁶⁾, убилъ быковъ и оленя, извергавшихъ огонь изъ ноздрей своихъ, и съ самаго дерева досталъ золотой плодъ его, умертвилъ также ядовитаго змія, (за что онъ убилъ Ахелоя ⁽¹⁷⁾ и убійцу гостей своихъ Бузириса, не прилично говорить) перескочилъ горы, чтобы достать воды, издававшей, какъ говорятъ, членораздѣльные звуки. И онъ, который могъ совершить столько великихъ дѣлъ, какъ дитя, забавлялся кимвалами сатировъ, и побѣжденный любовью къ женщинѣ, находилъ себѣ удовольствіе въ томъ, что улыбающаяся Лидянка ⁽¹⁸⁾ сѣкла его. И наконецъ, не могли снять Нессова хитона ⁽¹⁹⁾, самъ устроилъ себѣ костеръ и окончилъ жизнь. Пусть не ревнуетъ и не завидуетъ Гефестъ ⁽²⁰⁾, если его, старика и хромаго, возненавидѣли и ему предпочли Арея молодаго и красиваго ⁽²¹⁾. Итакъ, боги ваши, эллины, избличены въ

⁽¹⁴⁾ Т.-е. Геркулесъ: онъ называется тревечернимъ потому, что Зевсъ его отецъ, пришедши въ отсутствіе Амфитріона къ женѣ его Алкменѣ, три ночи соединилъ въ одну.

⁽¹⁵⁾ Т.-е. Цербера.

⁽¹⁶⁾ Авгій, царь Эпейскій въ Элидѣ, имѣлъ необыкновенное множество стадъ.

⁽¹⁷⁾ Геркулесъ убилъ Ахелоя изъ-за Діаниры дочери царя Этолійскаго.

⁽¹⁸⁾ Омфала царица лидянь.

⁽¹⁹⁾ Центавръ Нессъ, убитый Геркулесомъ, подарилъ Діанирѣ свою великолѣпную одежду, которую она послала Геркулесу, почитая ее пропитанною составомъ, привораживающимъ любовь; но туника Несса была отравлена ядомъ, отъ котораго страшно страдало тѣло надѣвшаго ее Геркулеса, и чтобы прекратить свои мученія онъ сдѣлалъ для себя костеръ, на которомъ и сгорѣлъ.

⁽²⁰⁾ Вулканъ.

⁽²¹⁾ Т.-е. Марса, котораго полюбила Венера, жена Гефеста.

развратъ, герои ваши немужественны, какъ показываютъ ихъ дѣйствія доставившія предметы для вашихъ драмъ,— преступленія Атрея, прелюбодѣйство Тіеста, злодѣянія Пелопидовъ, зависть Даная, поведшая къ убійствамъ, и его опьяненіе, въ которомъ онъ истребляетъ своихъ дѣтей, ниры Тіеста ⁽²²⁾ учрежденные Эриніями ⁽²³⁾. Окриленная Прокна доселѣ стенаетъ и ея сестра ⁽²⁴⁾ Аоніянка лишенная языка издаетъ жалобный крикъ. Нужно ли упоминать о пронзенныхъ иглами ногахъ Эдипа, объ убіеніи имъ Лая ⁽²⁵⁾, о женьибѣ его на матери и о взаимномъ убійствѣ его братьевъ, которые въ то же время и его дѣти?

4. Я возненавидѣлъ и торжественныя собранія ваши. Тамъ чрезмѣрная наслажденія для чувственности, тамъ сладко-звучныя трубы возбуждающія къ безчиннымъ движеніямъ, тамъ обильныя намащенія благовоніями и украшенія вѣнками. И у васъ совершается такое множество порочныхъ дѣлъ, уничтожающихъ стыдъ и помрачающихъ умъ, когда движимые силою невоздержанія приходите въ неистовство: вы привыкли дѣлать нечестивыя и развратныя соитія. Поэтому я такъ сказалъ бы вамъ: зачѣмъ же ты, будучи эллиномъ, негодуешь на своего сына, когда онъ, подражая Зевсу, злоумышляетъ противъ тебя и подобно ему осквернилъ твое ложе? Зачѣмъ считаешь его врагомъ, а подобнаго ему обожаешь? Зачѣмъ гнѣваешься и на жену твою, если она живетъ развратно, а Афродитѣ воздвигаешь храмъ? Если бы обо всемъ этомъ говорили люди посторонніе, то

⁽²²⁾ Пирь Тіеста,—на которыхъ были предложены ему въ угощеніе его собственныя дѣти, убитыя братомъ его Атреемъ.

⁽²³⁾ Или—Фуріями, богинями гнѣва и мщенія, особенно за нарушеніе родственныхъ обязанностей.

⁽²⁴⁾ Филомела.

⁽²⁵⁾ Лай—отецъ Эдипа, а Иокаста—его мать.

это могло бы казаться пустымъ обвиненіемъ, а не истиною; но это воспѣвають ваши же поэты, объ этомъ гласятъ ваши же исторіи.

5. Итакъ придите, эллины, и приобщитесь несравнимой мудрости, примите наученіе отъ Слова Божія и познайте Царя нетлѣннаго и Его героевъ, которые не дѣлаютъ убійства людямъ. Самый вождь нашъ—Слово Божіе, которое постоянно предводительствуетъ нами, ищетъ не тѣлесной крѣпости, не красоты вида, не знатности происхожденія, но чистой души, огражденной святостію жизни; знаки нашего Царя—божественныя дѣла, такъ какъ чрезъ Слово вселяется въ душу нѣкоторая сила: (миротворящая труба для души волнуемой бравію, оружіе прогоняющее сильныя страсти, ученіе погашающее огонь душевный): эта сила не производитъ поэтовъ, не дѣлаетъ философовъ, ни знаменитыми ораторами; но своимъ влияніемъ подлежащихъ смерти дѣлаетъ бессмертными, людей—богами, и съ земли переноситъ превыше Олимпа. Придите же, научитесь; будьте такими, какъ я, ибо и я былъ таковъ, какъ вы. Меня увлекла Божественная сила ученія и могущество Слова. Ибо какъ искусный заклинатель, вызвавши ужаснаго змія изъ его убіжища, обращаетъ его въ бѣгство отъ себя, такъ и Слово изгоняетъ изъ внутренностей души всѣ пагубныя страсти, и прежде всего похоть, отъ которой рождается всякое зло—вражды, ссоры, зависть, злоумышленія, гнѣвъ и тому подобное. Когда же изгонится изъ души похоть, то въ ней водворяется тишина и спокойствіе. И освободившись отъ тяготѣвшихъ на ней золъ, она отходитъ къ Создавшему ее. Ибо ей должно возвратиться туда, откуда вышла, откуда получила начало или существуетъ.

УВѢЩАНІЕ БЪ ЭЛЛИНАМЪ.

ОБЪ УВѢЩАНІИ КЪ ЭЛЛИНАМЪ.

Съ большимъ правомъ, нежели «рѣчь къ эллинамъ», приписывается св. Іустину философу довольно обширное (состоящее изъ 38 главъ) сочиненіе апологетическаго содержанія, извѣстное нынѣ подъ именемъ «увѣщанія (*λογος παραυετικος*) къ эллинамъ».

Писатель его, имѣя въ виду побѣдить упорство язычниковъ въ суетвѣріи отцевъ своихъ и расположить ихъ къ принятію христіанства, старается показать неудовлетворительность язычества въ дѣлѣ богопознанія. Въ первой части сочиненія (гл. 1—13) онъ доказываетъ, что истиннаго познанія о Богѣ нельзя найти у языческихъ учителей: поэты и во главѣ ихъ знаменитый Гомеръ, представляютъ боговъ со всѣми постыдными слабостями и страстями людскими (гл. 2). Мнѣнія философовъ о Богѣ также неосновательны и несогласны между собою; даже Платонъ и Аристотель—эти столпы эллинской мудрости—не только разногласятъ одинъ съ другимъ, но и сами себѣ противорѣчатъ (гл. 3—7). «Всѣхъ философовъ—говоритъ онъ—можно похвалить только за одно, за то, что они старались обличать другъ друга въ заблужденіи и незнаніи истины». Такимъ учителямъ язычества вторъ противопоставляетъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—учите-

лей христіанскихъ, которые гораздо древнѣ языческихъ и говорили не сами отъ себя, но по вдохновенію св. Духа: они всё не смотря на то, что являлись въ различныя времена, согласно, какъ бы одними устами и однимъ языкомъ возвѣщали открытія имъ свыше истины о Богѣ и происхожденіи міра, о созданіи человѣка, безсмертіи души, о будущемъ судѣ и о прочемъ, что необходимо знать (гл. 8). Далѣе авторъ доказываетъ древность пророческаго ученія и приводитъ многочисленныя свидѣтельства языческихъ писателей о глубочайшей древности перваго пророка и законодателя евреевъ—Моисея; его писанія явились задолго ранѣ начала греческой литературы, и въ позднѣйшее уже время вмѣстѣ съ книгами другихъ пророковъ были переведены на греческій языкъ по желанію египетскаго царя Птолемея (9—13). Во *второй* части увѣщанія (14—38) доказывается, что и тѣ немногія религіозныя истины, которыя встрѣчаются у языческихъ поэтовъ и философовъ,—о единомъ Богѣ, о судѣ и воскресеніи и т. п., заимствованы ими изъ ветхозавѣтныхъ писаній, съ которыми, какъ извѣстно, они ознакомились во время путешествій своихъ по Востоку. Для этой цѣли авторъ представляетъ изъ твореній Орфея, Гомера, Софокла, Пинегора и Платона мѣста, сходныя по мыслямъ и даже выраженіямъ съ писаніями пророковъ. Ссылаясь на изреченія Сивиллины въ пользу истиннаго ученія онъ наконецъ обращается къ язычникамъ съ увѣщаніемъ—заняться чтеніемъ пророческихъ писаній и у нихъ научиться истинному боговѣдѣнію: «Пора уже вамъ, эллины, убѣдившись на основаніи внѣшнихъ историческихъ свидѣтельствъ, что Моисей и прочіе пророки жили гораздо ранѣ всѣхъ вашихъ мнимыхъ мудрецовъ,—оставить старое заблужденіе предковъ вашихъ; пора вамъ обратиться къ священнымъ сказаніямъ пророковъ и научиться у

нихъ истинной религіи: они не представляютъ словеснаго искусства, не употребляютъ пріемовъ краснорѣчія для убѣжденія,—это свойственно тѣмъ, которые хотятъ затемнить истину,—но въ простыхъ безыскусственныхъ словахъ они возвѣщаютъ то, что сошедшій на нихъ Святой Духъ хотѣлъ открыть чрезъ нихъ людямъ желающимъ познать истинное благочестіе. Итакъ нисколько не стыдясь откажитесь отъ стараго заблужденія людскаго, отъ пустаго шума тщеславія, въ котсромъ вы полагаете все удовольствіе ваше, и послѣдуйте тому, что полезно вамъ. Вы нисколько не погрѣшите противъ вашихъ предковъ, если теперь захотите обратиться отъ ихъ заблужденія къ противоположному ученію: можетъ-быть они сами теперь въ аду мучатся позднимъ раскаяніемъ, и еслибъ имъ можно было оттуда повѣдать вамъ о томъ, что постигло ихъ послѣ смерти, то узнали бы вы, отъ какихъ бѣдствій они желали бы избавить васъ.

Таково содержаніе увѣщанія къ эллинамъ, помѣщаемаго въ рукописныхъ кодексахъ и печатныхъ изданіяхъ съ именемъ Св. Іустина мученика. Въ перечнѣ твореній сего послѣдняго у Евсевія, Іеронима и Фотія, не находится сочиненія подъ названіемъ «увѣщанія (*λογος παραινετικος*)»; но они упоминаютъ о сочиненіи его противъ язычниковъ подъ заглавіемъ «Обличеніе» (*ελεγχος*), подъ которымъ справедливо можно разумѣть извѣстное нынѣ «увѣщаніе къ эллинамъ», такъ какъ господствующій въ немъ характеръ и направленіе его составляетъ обличеніе (*), раскрытіе заблужденій и нелѣпостей языческаго вѣроученія у поэтовъ и философовъ. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что Фотій въ своей «библіотекѣ» (сод. 232) приводитъ одно мѣсто изъ Стефана Гобара (VI в.), говоритъ, что оно заимствовано у Іустина му-

(*) На это указываетъ частое употребленіе въ увѣщаніи слова *ελεγγειν*.

ченика, и дѣлаетъ на него замѣчаніе ссылаясь на Іустина и его собственными словами; приводимыя у Гобара и Фотія мѣста нынѣ находятся въ «увѣщаніи» къ эллинамъ (гл. 23). Названіе же «увѣщаніе» вмѣсто «обличенія» это сочиненіе получило вѣроятно отъ начальныхъ словъ: «обращаясь съ увѣщаніемъ къ вамъ, эллины, я прошу» и пр., говоритъ писатель въ первой строкѣ сочиненія.

Противъ подлинности Увѣщанія, какъ прозведенія св. Іустина указываютъ на различіе въ слогѣ, который въ Увѣщаніи яснѣе и стройнѣе, нежели въ аналогіяхъ его, на рѣзкость отзывовъ въ Увѣщаніи о греческой философіи, и на то, что въ немъ все лучшее у философовъ объясняется изъ внѣшняго знакомства ихъ съ откровеніемъ, а не изъ внутренняго дѣйствія въ нихъ Слова. Но эти и подобныя различія значительно уменьшатся, если будутъ приняты въ разсмотрѣніе не однѣ только апологіи Іустина, но и разговоръ съ Трифономъ, и притомъ они могутъ быть объяснены обличительнымъ направленіемъ увѣщанія, зависѣвшимъ отъ личныхъ побужденій автора и внѣшнихъ поводовъ къ сочиненію (*).

Св. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

(*) Подлинность увѣщанія опровергали Арендтъ (Theol. Quartalschr. Tübing. 1834.) и Мелеръ (Patrol. 1.) и противъ ихъ возраженій защищали ее Отто (de Iust. scr. et doctrina) и Земишъ (Iust. d. Martyr), впрочемъ послѣдній въ богосл. словарѣ Герцога относитъ увѣщаніе къ сомнительнымъ сочиненіямъ Іустина.

УВѢЩАНІЕ КЪ ЭЛИНАМЪ.

1. Обращаясь съ увѣщаніемъ къ вамъ, элины, я прошу Бога, чтобы Онъ даровалъ мнѣ способность сказать, что нужно для васъ, а вамъ рѣшимость оставить прежнее упорство и освободившись отъ заблужденія предковъ принять то, что вамъ полезно, не думая, что погрѣшите противъ предковъ вашихъ, если признаете нынѣ полезнымъ ученіе противоположное тому, котораго прежде они ошибочно держались. Ибо внимательное изслѣдованіе дѣла показываетъ въ иномъ видѣ то, что нерѣдко казалось прекраснымъ, раскрывая чрезъ тщательное испытаніе истину. Намъ предстоитъ изслѣдованіе объ истинной религіи.—о такомъ предметѣ, котораго важнѣе, думаю, ничего не можетъ быть для тѣхъ, которые желаютъ жить безопасно, потому что послѣ этой жизни будетъ судъ, предвозвѣщаемый не только нашими предшественниками въ богопочтеніи—пророками и законодателями, но и мужами, славящимися у васъ мудростію—поэтами и философами, которые выставляютъ себя знающими божественное и истинное ученіе; поэтому я заблагоразсу-

диль прежде всего разсмотрѣть учителей нашей и вашей религіи, кто и каковы они были и въ какое жили время, чтобы такимъ образомъ тѣ, которые прежде приняли отъ предковъ своихъ ложную религію, познали теперь истину и оставили то древнее заблужденіе, а мы ясно доказали, что именно мы слѣдуемъ религіи предковъ въ богопочтеніи.

2. Кого же вы, эллины, называете учителями вашей религіи? Поэтовъ? Но этого вы не можете сказать тѣмъ, которые знакомы съ ихъ твореніями. Этимъ людямъ извѣстны вѣрныя мнѣнія ихъ о происхожденіи боговъ, которыя можно видѣть и у знаменитѣйшаго и перваго изъ поэтовъ нашихъ—Гомера. Ибо, во первыхъ, онъ говоритъ, что боги имѣютъ происхожденіе изъ воды, въ слѣдующихъ словахъ:

...Безсмертныхъ отецъ Океанъ и мать Тееиса (1).

Далѣе надо упомянуть и о томъ, что онъ говоритъ о первомъ между богами, котораго часто называетъ отцомъ боговъ и людей; онъ сказалъ:

Зевсъ межъ людьми браней рѣшитель (2).

Онъ говоритъ, что Зевсъ не только былъ рѣшителемъ брани для сражающихся, но и виновникомъ клятвopреступничества Троянъ, прішедшаго изъ-за его дочери. Кроме того, Гомеръ изображаетъ Зевса и влюбленнымъ и огорченнымъ и преслѣдуемымъ злоумышленіями другихъ боговъ. Онъ ставляетъ его такъ говорить о своемъ сынѣ:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ
Днесъ суждено подъ рукою Патрокловой пасть (3).

И далѣе о Гекторѣ:

(1) Илиад. XIV. 302. Мы приводимъ эти и слѣдующія стихи Гомеровоы Илиады по переводу Гнѣдича.

(2) Илиад. XIX. 224.

(3) Илиад. XIV 433 ид.

Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града
Видять очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце (*).

Также изъ слѣдующихъ стиховъ видно, что онъ гово-
ритъ о злоумышленіяхъ и другихъ боговъ противъ Зевса:

Въ день, какъ отца оковать олимпійскіе боги дерзнули,
Гера и царь Посидаонъ и съ ними Афина Палада (†).

И еслибы страхъ того, кого зовутъ Бриареемъ (‡), не удержалъ блаженныхъ боговъ, непременно они связали бы Зевеса. Необходимо упомянуть и о томъ, что Гомеръ говоритъ о неумѣренномъ любострастіи Зевеса. Ибо такъ говоритъ у него Зевсъ Герѣ:

Такая любовь никогда ни къ богинѣ ни къ смертной
Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моею не владѣла!
Такъ не любилъ я, плѣняя младаю Иксиона супругой,
Ни Данаей прельстясь, бѣлоногою Акризія дочерью,
Ни владѣя младаю знаменитаго Феникса дочерью,
Ни прекраснѣйшей смертной плѣняя Алкменою въ Фивахъ,
Даже Семелой, родившею радость людей—Діониса;
Такъ не любилъ я, плѣняя лѣпокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера (‡)!

Я почитаю не излишнимъ здѣсь же привести, что можно узнать изъ Гомеровою поэмы и о другихъ богахъ и о томъ, что терпѣли они отъ людей. Ибо онъ говоритъ, что Арей и Афродита были ранены Діомедомъ, и рассказываетъ о страданіяхъ и многихъ другихъ боговъ. Для примѣра приведемъ здѣсь слова Діоны утѣшающей свою дочь:

Милая дочь, ободрись, претерпи, какъ ни горестно сердцу.
Много уже отъ людей на Олимпѣ живущіе боги
Мы пострадали, взаимно другъ другу бѣды устраоя.

(*) Ил. XXII. 168 и д.

(†) Ил. I. 399 и д.

(‡) Бриарей—одинъ изъ трехъ сторукихъ исполиновъ съ 50 головами, помощію которыхъ олимпійскіе боги воспользовались для одолженія титановъ: они представители могущественной силы воды.

(§) Илиад. XIV. 315—327.

Такъ пострадалъ и Арей, какъ его Эфіалтесъ и Отосъ,
Два Алоида огромные, страшную цѣпью сковали:
Скованъ тринадцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился.
Гера подобно страдала, какъ сынъ Амфитріона мощный
Въ перси ее поразилъ треконечную горькой стрѣлою:
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала.
Самъ Айдесъ, межъ богами ужасный, страдалъ отъ пернатой.
Тотъ же погибельный мужъ, Громовержцева отрасль, Айдеса
Ранивъ у вратъ подлѣ мертвыхъ, въ страданія горкія ввергнулъ.
Онъ въ Эгіоховъ домъ на Олимпѣ высокій вознесся
Сердцемъ печаленъ, болѣзнью терзаемъ; стрѣла роковая
Въ мощномъ Айдесовомъ рамѣ стояла и мучила душу (*).

Если еще нужно напомнить вамъ и о междоусобной войнѣ
прочихъ боговъ, то пусть самъ поэтъ вашъ расскажетъ
вамъ:

Такъ взволновалось все, какъ безсмертные къ брани сошлись.
Противъ царя Посидаона, мощнаго Энносигея,
Сталъ Аполлонъ длиннокудрый носящій крылатыя стрѣлы;
Противъ Арея—съ очами лазурными дѣва Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня
Гордая меткостью стрѣлъ Артемида, сестра Аполлона,
Противу Леты стоялъ благодѣтельный Гермесъ крылатый (*).

Такими и тому подобными чертами изображаетъ Гомеръ
вашихъ боговъ и не только Гомеръ, но и Гезіодъ. Посему,
если вы вѣрите знаменитѣйшимъ поэтамъ вашимъ, которые
передали также и генеалогію боговъ вашихъ, то необхо-
димо вамъ или почитать боговъ такими, какими они изо-
бражаютъ ихъ, или же совсѣмъ не признавать ихъ бо-
гами (10).

3. Но если вы отвергнете свидѣтельство поэтовъ ва-
шихъ, говоря, что они могли создать мифы и наказать о
богахъ много баснословнаго и далекаго отъ истины, то кого

(*) Иліад. V. 382—387 и 392—400.

(*) Иліад. XX. 66—72.

(10) Снес. Татіана (orat. adv. gent. с. 21), Аѳинагора (Supplic. pro Christ. с. 22).

же еще вы почитаете учителями религіи вашей и отъ кого, скажите, они научились ей? Не можетъ же быть, чтобы они знали столь великіе и божественные предметы, не научившись прежде у людей свѣдущихъ. Конечно, вы укажете на вашихъ мудрецовъ и философовъ: къ нимъ какъ къ твердой стѣнѣ вы обыкновенно прибѣгаете, когда кто-нибудь выставитъ противъ васъ мнѣнія вашихъ поэтовъ о богахъ. Такъ какъ прилично начать съ древнѣйшихъ и первыхъ, то я, начавши съ нихъ, изложу мнѣнія каждаго изъ нихъ, которыя еще смѣшнѣе богословія вашихъ поэтовъ. Фалесъ милетскій ⁽¹¹⁾, который былъ основателемъ философіи природы, признавалъ воду началомъ всѣхъ вещей; ибо по его словамъ, изъ воды все происходитъ и все разрѣшается въ воду. Послѣ него Анаксимандръ, тоже уроженецъ Милета, говорилъ, что начало всего—безпредѣльное, такъ какъ изъ него все рождается и въ него все возвращается. Далѣе Анаксименъ, также изъ Милета, утверждаетъ, что воздухъ есть начало всего существующаго, ибо изъ него происходитъ и въ него все разрѣшается. Гераклитъ (и Гиппась) метапонтинецъ признаетъ началомъ вещей огонь, такъ какъ изъ огня все происходитъ и огнемъ все кончается. Анаксагоръ клазоменскій признаетъ началомъ всего оміомеріи ⁽¹²⁾; Архелай аеинянинъ, сынъ Аполлодора,—безпредѣльный воздухъ, его разрѣженное и сгущенное состояніе. Всѣ они, по преемству отъ Фалеса, занимались такъ называемой ими философіею природы.

⁽¹¹⁾ Писатель увѣщанія заимствовалъ почти буквально слѣдующее изложеніе мнѣній философовъ о началѣ вещей изъ сочиненія Лже-Плутарха de placitis philosoph. I. с. 3. Дальнѣйшее же съ 6 гл. много разнится отъ Плутарха. *Отто*.

⁽¹²⁾ Оміомеріи (*ομοιομερεία*), т.-е. первоначальные элементы однокачественные, въ которыхъ самыя части однородны другъ другу.

4. Затѣмъ отправляясь отъ другаго начала, Пифагоръ самосскій, сынъ Мнесарха, признаетъ началами всего числа, ихъ отношенія и сочетанія, также составленныя изъ тѣхъ и другихъ элементы, сверхъ того единицу и неопредѣленную двойцу. Эпикуръ аѳинянинъ, сынъ Неокла, началомъ всего существующаго называетъ тѣла, созерцаемая разумомъ, чуждыя пустоты, безначальныя и неразрушимыя, которыя не могутъ ни раздѣляться, ни составляться изъ частей и ни измѣняться; и потому-то они созерцаются только разумомъ. Эмпедоклъ агригентскій, сынъ Метона, признаетъ четыре стихіи,—огонь, воздухъ, воду, землю, и двѣ основныя силы—дружбу и вражду, изъ которыхъ одна соединяетъ, а другая раздѣляетъ. Изъ этого вы видите заупрямность мнѣній у людей, признаваемыхъ у васъ за мудрецовъ, которыхъ вы почитаете учителями вашей религіи. Одни изъ нихъ признаютъ началомъ всѣхъ вещей—воду, другіе—воздухъ, иные—огонь, а иные еще что-либо изъ вышеупомянутыхъ стихій. И всѣ они при этомъ пользуются краснорѣчіемъ въ подкрѣпленіе своихъ неосновательныхъ мнѣній и стараются доказать, что собственное ученіе того или другаго изъ нихъ превосходитъ прочихъ. Таковы ихъ понятія. Какимъ же образомъ, эллины, тѣмъ, которые желаютъ получить спасеніе, можно быть увѣреннымъ, что они могутъ научиться истинной религіи отъ тѣхъ людей, которые не могли даже другъ друга убѣдить не спорить между собою и не противорѣчить въ своихъ мнѣніяхъ.

5. Но можетъ-быть тѣ, которые не хотятъ оставить древняго и закоренѣлаго заблужденія, скажутъ, что они приняли ученіе религіи не отъ вышеупомянутыхъ философовъ, но у знаменитѣйшихъ и славящихъ добродѣтелию—

Платона и Аристотеля: они, какъ говорятъ, научили совершенной и истинной религіи. Но я прежде спросилъ бы тѣхъ, которые такъ говорятъ, отъ кого приняли эти ихъ учителя свое ученіе, такъ какъ не можетъ же быть, чтобы они могли столь высокое и божественное ученіе и сами узнать и правильно преподавать другимъ, не научившись ему отъ людей свѣдущихъ. Потомъ я считаю необходимымъ также изслѣдовать и ихъ мнѣнія: тогда мы увидимъ, не разногласятъ ли и они въ своихъ мнѣніяхъ другъ съ другомъ. Если же найдемъ, что и они не согласны другъ съ другомъ, то думаю, не трудно будетъ изъ этого заключить, что и они равно не знали истины (13). Платонъ, который какъ бы сошелъ съ неба и хорошо видѣлъ все, тамъ находящееся, говорить, что Всевышній Богъ заключается въ огненной стихіи (14). Аристотель же, излагая въ своемъ сочиненіи Александру македонскому сущность своей философіи, открыто опровергаетъ мнѣніе Платона, говоря, что Богъ обитаетъ не въ огненной стихіи, но выдумывая какое-то пятое эфирное и неизмѣняемое тѣло, говорить, что въ немъ заключается Богъ. Онъ прилетъ такъ: «я думаю не такъ, какъ другіе, которые, заблуждаясь въ своихъ мнѣніяхъ о божествѣ, говорятъ, что Богъ заключается въ огненной субстанціи» (15). И далѣе, какъ бы не довольствуясь этимъ порицаніемъ Платона, приводитъ въ доказательство своихъ словъ объ эфирномъ тѣлѣ

(13) Сн. гл.—Іуст. ап. 1. гл. 44. ап. 2. гл. 10. 13. Татіана (ор. с. gent. с. 25), Теофила (ad. Autol. II. с. 8. III. с. 3).

(14) Сн. гл. 31 и 36. Писатель увѣщанія приписываетъ Платону мнѣніе объ огненной сущности Божества, вѣроятно введенный въ заблужденіе тѣмъ, что Платонъ въ образѣ солнца находилъ символическое представленіе благотворной природы Божества (de Republ. XI).

(15) Писатель довольно свободно приводитъ мѣсто, находящееся въ сочиненіи Аристотеля о мірѣ (de mundo с. 2).

Гомера, котораго Платонъ исключилъ изъ своей республики и назвалъ лжецомъ и третьимъ подражателемъ истины (16). Аристотель пишетъ: «и Гомеръ также сказалъ:

Зевсу досталось межъ тучъ и эфира пространное небо (17). Посредствомъ Гомерова свидѣтельства онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе достовѣрнымъ свое мнѣніе, не видя, что если приводить въ доказательство истины своихъ словъ свидѣтельство Гомера, то на томъ же самомъ основаніи многія мнѣнія Аристотеля окажутся несправедливыми. Ибо Фалесъ милетскій, основатель философіи, словами того же Гомера опровергнетъ ученіе его о началахъ. Аристотель утверждалъ, что начало всего Богъ и вещество, а древнѣйшій изъ философовъ Фалесъ называетъ началомъ существующаго воду, потому что, говоритъ онъ, все происходитъ изъ воды и все разрѣшается въ воду. А въ этомъ мнѣніи своемъ онъ основывается во первыхъ на томъ, что сѣмя всѣхъ животныхъ, служащее имъ началомъ, влажно; во вторыхъ на томъ, что всѣ растенія влагою питаются и приносятъ плодъ, при недостаткѣ же ея засыхаютъ. Потомъ, какъ бы не довольствуясь этими заключеніями, ссылается на Гомера, на свидѣтеля достойнаго вѣры, который такъ говоритъ:

.... древней рѣки Океана, отъ коего все родилось (18)

Не имѣетъ ли права Фалесъ сказать Аристотелю: «почему же ты, Аристотель, желая опровергнуть мнѣнія Платона, обращаешься къ Гомеру, какъ говорящему истину, когда же утверждаешь мнѣніе, противоположное моему, не признаешь его словъ справедливыми?»

6. Что знаменитые философы ваши не согласны между

(16) De republ. X.

(17) Илиад. XV. 192. См. Аристот. de mundo с. 6.

(18) Ил. XIV. 246.

собою и въ другихъ предметахъ, это легко видѣть изъ слѣдующаго. Ибо Платонъ признаетъ три начала всего: Бога, вещество и идею,—Бога, какъ творца всего; вещество, какъ основу для первоначальнаго происхожденія вещей и поводъ къ Его художнической дѣятельности; идею же, какъ образецъ каждой изъ сотворенныхъ вещей. Аристотель напротивъ не признаетъ идеи началомъ, говоря, что два только начала,—Богъ и матерія (19). Кромѣ того, Платонъ говоритъ, что въ первой неподвижной сферѣ самаго высшаго неба находятся первый Богъ и идеи, Аристотель же послѣ перваго Бога поставляетъ не идеи, но какія то мысленныя божества. Такъ разногласятъ они между собою въ ученіи о небесномъ: легко понять, что тѣ, которые не могли познать и того, что у насъ на землѣ и объ этомъ несогласны между собою, не могутъ быть достовѣрными сказателями о небесномъ. Равнымъ образомъ они не согласны между собою и въ ученіи о душѣ человѣческой, какъ это видно изъ собственныхъ словъ каждаго изъ нихъ. Платонъ говоритъ, что она состоитъ изъ трехъ частей—разумной, раздражительной и пожелательной. Аристотель понимаетъ душу не такъ обширно, чтобы въ ней заключались и части подлежащія разрушенію, но признаетъ въ ней только разумную часть. Платонъ прямо сказалъ: «душа вся безсмертна» (20); Аристотель же, называя ее энтелехію (21), утверждаетъ, что она не безсмертна, но смертна. Первый признаетъ ее движущеюся; а второй неподвижною, хотя и управляющею всякимъ движеніемъ.

(19) Эти слова о Платонѣ и Аристотелѣ почти буквально находятся у Кирилла Александрійскаго (adv. Julian. II), который въ этомъ сочиненіи своемъ часто пользуется словами «увѣщанія».

(20) Плат. Phaedr.

(21) Энтелехія, г.-е. существо законченное, представляющее единство матеріи, какъ возможности; и формы.

7. Въ этомъ обличается ихъ взаимное несогласіе. Но если кто захочетъ внимательнѣе разсмотрѣть творенія каждаго изъ нихъ, то найдетъ, что они непостоянны и въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ. Платонъ, напримѣръ, то принимаетъ три начала: Бога, вещество и идею, то четыре, прибавляя къ нимъ еще всеобщую душу. И еще: сказавши сначала, что вещество не сотворено, потомъ называетъ его сотвореннымъ; сперва приписалъ формѣ самостоятельное начало и самобытное существованіе, а потомъ говоритъ, что она существуетъ въ понятіяхъ ума. И еще признавши сперва, что все сотворенное тлѣнно, потомъ утверждаетъ, что нѣкоторыя изъ сотворенныхъ существъ могутъ быть неразрушима и вѣчны. Отъ чего же такъ почитаемые у васъ мудрецами расходятся не только другъ съ другомъ, но часто и сами съ собою? Очевидно отъ того, что не захотѣли учиться у людей свѣдущихъ, вообразивъ себѣ, что посредствомъ человѣческаго ума своего могутъ достигнуть яснаго познанія о небесномъ, тогда какъ сами не могли узнать и земнаго. Такъ одни изъ вашихъ философовъ утверждаютъ, что душа человѣческая находится въ насъ, а иные, что около насъ. И въ этомъ даже они не захотѣли согласиться, но какъ бы раздѣлившись между собою въ разной мѣрѣ невѣденіе, спорять и разногласять другъ съ другомъ и о душѣ. Ибо одни изъ нихъ почитаютъ душу огнемъ, другіе воздухомъ, иные умомъ, другіе движеніемъ, иные дыханіемъ; еще нѣкоторые—силою, истекающею изъ звѣздъ, иные же числомъ, одареннымъ силою движенія, наконецъ другіе—водою, имѣющею родотворную силу (22). Такимъ образомъ у нихъ господствуетъ путаница и разногласіе въ

(22) Подобное см. у Эрмія (*irrisio gentil. philos. c. 1.*)

мнѣніяхъ: и только за одно по справедливости можно похвалить ихъ,—за то, что они старались обличать одинъ другаго въ заблужденіи и незнавіи истины.

8. Итакъ если отъ вашихъ учителей не возможно узнать ничего истиннаго о богопочтеніи, ибо они взаимными несогласіями достаточно доказали вамъ свое незнаніе, то слѣдуетъ—я думаю—обратиться къ предкамъ нашимъ, которые и по времени гораздо древнѣе вашихъ учителей и ничему не учили насъ по своему собственному вымыслу, притомъ не разногласили между собою, и не старались опровергать мнѣнія другъ друга, но безъ всякихъ споровъ и разногласій приняли отъ Бога вѣденіе и передали его намъ. Ибо невозможно людямъ знать столь высокія и божественныя истины ни по естеству, ни чрезъ дѣятельность человѣческаго ума, но только посредствомъ дара, который свыше сходилъ тогда на святыхъ мужей. Имъ не нужно было ни словесное искусство, ни умѣнье спорить и состязаться, но нужно было имъ только представить себя чистыми для дѣйствія Божественнаго Духа, чтобы Онъ, какъ бы спустившійся съ неба смычокъ, пользуясь праведными мужами какъ цитрою или лирою, открывалъ намъ посредствомъ нихъ вѣденіе о небесновъ и божественномъ. Поэтому-то они съ такою вѣрностію самимъ себѣ, съ такимъ согласіемъ другъ съ другомъ, какъ бы одними устами и однимъ языкомъ учатъ насъ о Богѣ, о сотвореніи міра, о созданіи человѣка и о безсмертіи души человѣческой. о будущемъ послѣ сей жизни судѣ и обо всемъ, что необходимо намъ знать, и ученіе ихъ неизмѣнно и взаимно согласно; и притомъ это божественное ученіе они передавали намъ, живя въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена.

9. Теперь я начну съ перваго нашего пророка и законодателя Моисея, и изложу прежде всего о томъ, въ какое время онъ жилъ, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ у васъ свидѣтельствъ. Я постараюсь подтвердить мои слова не изъ нашихъ только священныхъ сказаній, которымъ вы не хотите вѣрить, ослѣпленные закоренѣлымъ предразсудкомъ вашихъ предковъ, но изъ вашихъ исторій, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ нашей религіи. Вы увидите, что первый учитель нашей религіи Моисей былъ гораздо древнѣе всѣхъ вашихъ мудрецовъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и законодателей, какъ это показываютъ намъ сказанія эллиновъ. Еще во времена Огига и Инаха, которыхъ нѣкоторые изъ вашихъ почитаютъ сынами земли, упоминается о Моисеѣ, какъ о вождѣ и начальникѣ народа іудейскаго. Такъ Полемонъ въ первой книгѣ своей греческой исторіи и Аппіонъ, сынъ Посидонія, въ сочиненіи противъ іудеевъ и въ четвертой книгѣ своей исторіи упоминаютъ, что въ царствованіе Инаха, царя аргосскаго, іудеи отложились отъ Амазиса, царя египетскаго, и вождемъ ихъ былъ Моисей. Также Птолемей Мевдисій, рассказывая исторію египтянъ, во всемъ этомъ сходится съ ними. И аѳинскіе историки: Элланикъ, авторъ «Аттики» Филохоръ, Касторъ и Фаллосъ, Александръ Полигисторъ, равно какъ и ученѣйшіе историки іудейскіе Филонъ и Іосифъ, говорятъ о Моисеѣ, какъ о древнѣйшемъ вождѣ іудеевъ. Такъ Іосифъ, желая въ самомъ надписаніи своихъ книгъ показать древность исторіи, такъ озаглавилъ исторію: «Флавія Іосифа іудейская археологія», обозначая словомъ: «археологія» древность исторіи. Наконецъ нужно просокупить знаменитаго изъ вашихъ историковъ Діодора, который сдѣлалъ извлеченіе изъ библіотекъ

и въ цѣлыя тридцать лѣтъ, какъ онъ самъ пишетъ ⁽²³⁾, ради великой любознательности прошелъ Азію и Европу, и весьма многое видѣлъ своими глазами и написалъ сорокъ книгъ своей исторіи ⁽²⁴⁾. Онъ въ первой своей книгѣ, сказавши, что узналъ отъ египетскихъ жрецовъ о Моисеѣ, какъ о первомъ и древнѣйшемъ законодателѣ, такъ написалъ о немъ: « послѣ древняго порядка жизни въ Египтѣ, который въ мифологіи представляется періодомъ боговъ и героевъ, рассказываютъ, что первый научилъ народы употребленію писанныхъ законовъ Моисей, мужъ славный и величіемъ духа и пользою, принесенною имъ роду человѣческому » ⁽²⁵⁾. Потомъ, немного послѣ, упоминая о древнихъ законодателяхъ, во главѣ ихъ ставитъ Моисея. Вотъ его слова: « говорятъ, что у Іудеевъ Моисей законы свои написалъ Богу, называемому Іао ⁽²⁶⁾, потому ли, что почитали дивною и божественною мысль, которая имѣла принести пользу множеству людей, или же потому, что думали, что народъ обращая вниманіе на совершенства и могущество учредителей законовъ, будетъ больше повиноваться имъ. Вторымъ законодателемъ египетскимъ называютъ Саухнуса, славнаго своею мудростію. Третьимъ египетскимъ законодателемъ почитаютъ Сезонхозиса царя, который не только прославился между Египтянами воинскими подвидами, но и тѣмъ, что обуздалъ законами воинственный на-

⁽²³⁾ Діодора Сицил. Biblioth. hist. 1. с. 4.

⁽²⁴⁾ Это мѣсто, начиная выше съ словъ: « во времена Огига и Инаха... » имѣлъ предъ своими глазами Юлій Африканскій. См. у Евсевія граеар. evangel. X. с. 10.—*Отто*.

⁽²⁵⁾ Діодор. въ вышеприв. кн. с. 94. Сн. Кирил. алекс. adv. Jul. 1.

⁽²⁶⁾ Въ текстъ «увѣщанія» это мѣсто изъ Діодора написано неисправно по ошибкѣ ли автора или писца, и потому оно здѣсь переведено сообразно съ смысломъ подлинника. Также ошибочно оно приводится и у Кирилла алекс., давая тотъ смыслъ, будто Моисей названъ Богомъ.

родъ. Четвертымъ законодателемъ былъ царь Вохорисъ, мудрый и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый. Послѣ него занимался законодательствомъ царь Амазисъ, который говорятъ привелъ въ порядокъ все, что касается начальниковъ провинцій и управленія всего Египта. Наконецъ шестымъ законодателемъ Египтянъ называютъ Даріа, отца Ксеркса».

10. Такъ, эллины, о древности Моисея свидѣтельствуютъ писатели, чуждые нашей религіи, говоря, что все это узнали они отъ египетскихъ жрецовъ, между которыми Моисей не только родился, но и удостоенъ былъ научиться всей премудрости египетской, такъ какъ онъ былъ взятъ царскою дочерью вмѣсто сына и поэтому о немъ имѣли великое попеченіе; это повѣствуютъ ученѣйшіе историки, которые описывали его жизнь и дѣянія и великую судьбу народа іудейскаго—Филонъ и Іосифъ. Они рассказывая исторію іудеевъ, говорятъ, что Моисей происходилъ изъ племени халдеевъ; когда же его предки, по причинѣ голода, переселились изъ Финикіи въ Египетъ, то тамъ родился человѣкъ, котораго Богъ захотѣлъ почитать за высокую его добродѣтель и поставилъ начальникомъ, вождемъ и законодателемъ своего народа, когда Онъ благоволилъ вывести еврейскій народъ изъ Египта въ его собственную землю. Ему первому Богъ сообщилъ тотъ божественный и пророческій даръ, который свыше сходилъ на святыхъ людей; его первого Богъ поставилъ учителемъ нашей религіи, а послѣ него и другихъ пророковъ, которые получили тотъ же даръ и тому же учили насъ, чему и онъ. Вотъ какихъ людей мы называемъ учителями нашей религіи,—которые учили насъ не по собственному человѣческому домышленію, но по дару свыше полученному ими отъ Бога.

11. Но такъ какъ вы, слѣдуя закоренѣлому заблужденію вашихъ предковъ, не хотите вѣрить этимъ учителямъ, то кого же наконецъ почитаете вы учителями вашей религіи, которые были бы достойны вѣры? Ибо, какъ я уже не разъ сказалъ, не можетъ быть, чтобы они, не научившись прежде у людей свѣдущихъ могли и сами знать и другимъ правильно преподавать столь высокія и божественныя истины. Изъ сказаннаго достаточно обличается все невѣдѣніе и вся ложь, которыми исполнены ученія вашихъ философовъ; и потому вы оставивши философовъ точно также, какъ прежде и поэтовъ, можетъ быть обратитесь къ прорицавіямъ оракуловъ; такое признаніе я слышалъ отъ нѣкоторыхъ. Поэтому почитаю нужнымъ сказать вамъ теперь то, что прежде о нихъ слышалъ отъ васъ. Ибо какъ вы сами говорите, когда нѣкто спрашивалъ вашего оракула, какіе люди были когда либо благочестивые, то оракулъ далъ такой отвѣтъ:

Одни лишь Халдеи постигли премудрость, а также Евреи,
Что Бога царя самобытнаго чтили.

А такъ какъ вы полагаете, что отъ оракуловъ можно узнать истину; то, читая повѣствованія о жизни Моисея, писанныя людьми, совершенно чуждыми нашей религіи, и зная, что Моисей и прочіе пророки происходили изъ халдейскаго и еврейскаго племени, не почитайте страннымъ, если Богъ восхотѣлъ почитать такимъ даромъ челоуѣка происшедшаго изъ благочестиваго рода и жившаго сообразно съ благочестіемъ своихъ предковъ и если Онъ благоволилъ явить его первымъ изъ всѣхъ пророковъ.

12. При всемъ томъ я признаю необходимымъ принять въ разчетъ и время, когда жили ваши философы, для того, чтобы вы знали, что промежутокъ времени, отдѣляющій ихъ отъ васъ, очень коротокъ. Притомъ отсюда же вы легко

можете видѣть древность Моисея. Но чтобы, пустившись въ хронологію, не уклониться далеко чрезъ обиліе доказательствъ, то удовольствуюсь слѣдующимъ. Сократъ былъ учителемъ Платона, Платонъ учителемъ Аристотеля. Періодомъ ихъ славы были времена Филиппа и Александра македонскаго, времена процвѣтанія также и аѳинскихъ ораторовъ, что ясно доказываютъ намъ рѣчи Демосѳена, написанныя противъ Филиппа. А что Аристотель былъ современникъ царствованію Александра, это доказываютъ повѣствователи о дѣяніяхъ Александра. Изъ всего этого уже легко видѣть, что исторія Моисея гораздо древнѣе всѣхъ свѣтскихъ исторій. Кромѣ того вамъ должно быть не безъизвѣстно и то, что у эллиновъ до Олимпіадъ нѣтъ никакой достовѣрной исторіи ⁽²⁷⁾, и нѣтъ ни одного памятника, свидѣтельствующаго о дѣяніяхъ эллиновъ или варваровъ. До этого времени существовала одна исторія пророка Моисея, которую онъ написалъ, по внушенію Божію, на еврейскомъ языкѣ. А эллинской письменности тогда еще не было, какъ показываютъ сами учителя литературы, которые говорятъ, что Кадмъ первый принесъ письма изъ Финикіи и научилъ имъ эллиновъ. И первый изъ вашихъ философовъ, Платонъ свидѣлствуетъ о томъ, что уже въ позднее время изобрѣтены эллинскія письма. Онъ пишетъ въ Тимей, что мудрѣйшій изъ мудрыхъ Соловъ, возвратившись изъ Египта рассказывалъ Критію слышанное имъ отъ одного не очень стараго египетскаго жреца. Жрецъ этотъ такъ говорилъ: «о Соловъ, Соловъ, вы эллины, все еще дѣти, нѣтъ между эллинами старца». И далѣе еще: «вы все еще юноши душами; нѣтъ у васъ никакихъ древнихъ учрежденій, ни

(27) Сн. Юлія Аѳрик. у Евсевія граер. evang. X.

древнихъ преданій. До того вы погрязли въ невѣжествѣ, что тѣ, которые жили за много поколѣній прежде, умерли безгласно по отсутствію письменности». Должно же знать, что всѣ историческія сочиненія написаны эллинскими буквами, которыя изобрѣтены уже въ довольно позднее время. И потому, если кто захочетъ обратиться къ кому-либо изъ древнихъ поэтовъ, или законодателей или историковъ или философовъ, или ораторовъ, то найдетъ, что веѣ они писали свои творенія на эллинскомъ языкѣ.

13. Если же кто скажетъ, что книги Моисея и другихъ пророковъ написаны также на эллинскомъ языкѣ, то пусть узнаетъ изъ свѣтскихъ исторій, что Птоломей, царь египетскій, всюду собирая книги для наполненія построенной имъ въ Александріи библіотеки, какъ скоро узналъ, что еще сохранились древнія историческія сказанія, написанныя на еврейскомъ языкѣ, то, желая узнать ихъ содержаніе, призвалъ изъ Іерусалима 70 ученыхъ мужей, знающихъ еврейскій и эллинскій языки и приказалъ имъ перевести книги. Для того же, чтобы, безъ всякой помѣхи, они могли скорѣе сдѣлать переводъ, онъ приказалъ построить, не въ самомъ городѣ, но въ семи отъ него стадіяхъ, гдѣ воздвигнуть маякъ, столько маленькихъ домовъ, сколько было переводчиковъ, чтобы каждый изъ нихъ отдѣльно занимался переводомъ. При этомъ онъ приказалъ приставленнымъ служителямъ доставлять имъ все нужное и прислуживать имъ, но не допускать ихъ до взаимнаго сношенія для того, чтобы послѣ о точности перевода можно было судить по ихъ согласію. Когда онъ узналъ, что 70 мужей въ своемъ переводѣ не только удержали тѣ же мысли, но употребили одни и тѣже слова, ни въ одномъ выраженіи не разошлись ме-

жду собою, но написали одно и тоже; то удивившись, и въруая, что переводъ этотъ написанъ съ помощію божественной силы, призналъ ихъ достойными всякой почести, какъ людей богоугодныхъ, и приказалъ съ великими наградами отпустить ихъ въ отечество, (а книги почитая божественными, какъ слѣдовало, положилъ въ бібліотекъ (28)). Это мы рассказываемъ вамъ, эллины, не басни и не вымышленную исторію. Мы сами были въ Александріи, видѣли доселѣ уцѣлѣвшіе остатки домиковъ въ Фаросѣ, и что слышали отъ туземцевъ, знающихъ это по преданію отъ отцевъ, то теперь рассказываемъ вамъ; тоже вы можете узнать и отъ другихъ, особенно отъ ученыхъ и уважаемыхъ историковъ, излагавшихъ объ этомъ предметѣ,—Филона и Іосифа и многихъ другихъ. Если же кто изъ охотниковъ противорѣчить, скажетъ, что книги эти принадлежатъ не намъ, а іудеямъ, у которыхъ поэтому доселѣ онѣ хранятся въ синагогахъ, и что напрасно мы думаемъ находить въ нихъ ученіе нашей религіи; тотъ пусть узнаетъ изъ того, что написано въ этихъ самыхъ книгахъ, что ученіе это принадлежитъ не имъ, а намъ. То, что книги эти, относящіяся къ нашей религіи, доселѣ еще хранятся у Іудеевъ, это есть дѣло божественнаго промысленія о насъ. Ибо, если бы мы представляли книги находящіяся въ нашей Церкви, то подали бы поводъ подозрѣвать въ обманѣ людямъ, которые ищутъ случая оклеветать насъ; но мы предлагаемъ достать книги изъ іудейскихъ синагогъ, чтобы изъ самыхъ этихъ книгъ, доселѣ хранящихся у нихъ, можно было ясно видѣть, что намъ принадлежатъ правила ученія, написанныя святыми мужами.

(28) Исторія перевода 70-ти излагается св. Іустиномъ, только короче, въ 1 апол. гл. 31.

14. Итакъ, должно вамъ, эллины, предусматривая будущее и взирая на судъ, возвѣщаемый не только нашими святыми мужами, но и чуждыми намъ, не держаться слѣпо заблужденія вашихъ предковъ и не считать за истину того, что они, по обольщенію своему, предали вамъ; но понимая, какъ опасно погрѣшить въ столь важномъ дѣлѣ, вы должны тщательно изслѣдовать и испытывать то, что сказано вашими, какъ вы называете ихъ, учителями. Ибо и они, по дѣйствию божественнаго промысленія о людяхъ, были принуждены невольно сказать многое въ нашу пользу, особенно тѣ, которые были въ Египтѣ и воспользовались религіознымъ ученіемъ Моисея и его предковъ. Думаю не безызвѣстно нѣкоторымъ изъ васъ, если читали вы сочиненія Діодора и другихъ историковъ, что Орфей, Гомеръ и Солонъ, написавшій законы афинянамъ, также Пифагоръ и Платонъ и другіе нѣкоторые, бывши въ Египтѣ и воспользовавшись писаніями Моисея, послѣ того высказывали мысли противоположныя прежнимъ ихъ ложнымъ мнѣніямъ о богахъ.

15. Я считаю нужнымъ напомнить вамъ, что наконецъ возвѣщалъ о единомъ Богѣ Орфей своему сыну Музею и прочимъ приближеннымъ слушателямъ, Орфей, который первый былъ учителемъ вашего многобожія, какъ сказалъ бы кто-нибудь. Вотъ его слова:

«Я буду говорить тѣмъ, кому прилично, а вы, профаны, затворите двери. Послушай же, Музей, сынъ свѣтоносной луны! Скажу истину, чтобы прежнія внушенія мои не лишили тебя блаженной жизни. Взирай на божественное Слово, къ нему стремись, направляя свое сердце и умъ; иди путемъ правымъ и знай одного Царя міра. Онъ единъ самобытный; единымъ все сотворено; во всемъ Онъ живеть и никто изъ смертныхъ не видитъ Его, а самъ Онъ всѣхъ видитъ. Онъ послѣ добра посылаетъ смертнымъ зло—и войну, приводящую въ ужасъ, и скорби, причиняющія

слезы. Нѣтъ другаго кромѣ великаго Царя. Но Его не вижу я: ибо облако скрываетъ Его отъ взора смертныхъ. У всѣхъ нихъ очи слабы, чтобы видѣть правителя всего Зевса Онъ утвердился на вершинѣ желѣзнаго неба, на золотомъ престолѣ и попираетъ землю ногами; десницу Свою Онъ простираетъ до предѣловъ океана; вокругъ его трясутся огромныя горы, рѣки и глубина яснаго лазуреваго моря» (29).

И еще въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ:

«Одинъ Зевсъ, одинъ Аидъ, одинъ Геліосъ, одинъ Діонисъ, одинъ Богъ во всѣхъ. Что сказать тебѣ больше этого?

И въ своихъ Заклинаніяхъ онъ такъ говоритъ:

«Заклинаю тебя небомъ, премудрымъ дѣломъ великаго Бога; заклинаю тебя первымъ Словомъ Отца, которое произнесъ Онъ, когда утвердилъ вселенную своими законами» (30).

Что значать слова:

«Заклинаю тебя первымъ словомъ Отца, которое произнесъ Онъ. Подъ словомъ здѣсь разумѣется Слово Божіе, чрезъ которое получили бытіе небо и земля и всякая тварь, какъ научаютъ божественныя пророчества святыхъ мужей: съ ними-то отчасти познакомился Орфей во время путешествія въ Египеть и позналъ, что все сотворено Словомъ Божиимъ. Поэтому послѣ словъ:

«Заклинаю тебя первымъ Словомъ Отца, которое произнесъ Онъ, тотчасъ прибавляетъ:

«Когда Онъ утвердилъ вселенную своими законами.

Здѣсь Орфей употребилъ собственно выраженіе: голосъ ($\alpha\delta\gamma\acute{\iota}$) вмѣсто слова ($\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$) ради мѣры стиха. Что это такъ, видно изъ того, что немного прежде, когда позволила ему стихотворная мѣра, называетъ Его Словомъ.

«Взирай на божественное Слово и къ нему стремись.

(29) Эти стихи, съ небольшими измѣненіями, приводятся въ сочиненіи о единовластительствѣ гл. 2, у Климента алекс. (Protrept. с. 7. §. 74; см. Str. V. с. 12), Евсевія (Praepar. evang. XIII. с. 12), Кирилла алекс. (adv. Jul. 1) и друг. О лжеорфическихъ стихотвореніяхъ см. изслѣдованіе Лобека: *Aglaophamus sive de theologiae mysticae graecorum causis* (Regiom. 1829), а также изданіе Гермона: *Orphica*

(30) Этотъ отрывокъ находится также у Кирилла (adv. Jul. 1).

16. Еще приведу вамъ изреченія весьма древней Сивиллы, въ которыхъ она учитъ васъ о единомъ Богѣ: объ этой Сивиллѣ Платонъ, Аристофанъ и другіе многіе упоминаютъ, какъ о вдохновенной пророчицѣ. Она такъ говоритъ:

«Единъ есть Богъ превеликій, Безначальный, всемогущій, невидимый, всевидящій, самъ же незримый ни для какой смертной плоти»⁽⁸¹⁾.

Потомъ въ другомъ мѣстѣ:

«Мы заблудились отъ путей Безсмертнаго, мы неразумныиъ сердцемъ чтимъ рукотворенныя издѣлія, идола боговъ и преходящихъ людей»⁽⁸²⁾.

И еще въ другомъ мѣстѣ:

«Блаженны будутъ на землѣ тѣ люди, которые будутъ чтить великаго Бога, благословляя Его прежде вкушенія пищи и питья и благочестиво уповая на него: они отвергнутъ храмы и алтари — суетныя возвышенія безчувственныхъ камней, которыя осквернены кровію животныхъ и жертвами четвероногихъ, но будутъ взирать на великую красоту единого Бога»⁽⁸³⁾.

Вотъ что говорила Сивилла.

17. Поэтъ Гомеръ, злоупотребляя свободою поэзіи и слѣдуя мнѣнію Орфея о множествѣ боговъ, выраженному имъ сначала⁽⁸⁴⁾, упоминаетъ правда о многихъ богахъ, для того чтобы не отступать отъ Орфеевой поэзіи; онъ взялъ ее себѣ за образецъ и свое расположеніе къ нему показалъ въ самомъ первомъ стихѣ поэмы: Орфей въ началѣ своей поэмы сказалъ:

⁽⁸¹⁾ Эти стихи находятся у Теофила (ad. Autol. II. с. 36), во вступленіи къ Sibyll. oracc. v. 7—9 (Galland. Bibl. vet. pp. t. 1) и у Лактанція Divin. Just. 1. с. 6).

⁽⁸²⁾ Oracc. Sibyll. III. v. 659—661.

⁽⁸³⁾ Oracc. Sib. IV. v. 24—30. Последніе 4 стиха приводятся и у Климента алекс. (Protr. с. 4. § 62).

⁽⁸⁴⁾ Сначала, т.-е. или въ началѣ Орфеева стихотворенія, или вообще — первоначально, до знакомства съ истинами откровенія.

Гнѣвъ, богиня, воспой плодородной Деметры ⁽⁸⁵⁾,
А Гомеръ написалъ:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
рѣшившись, какъ мнѣ кажется, даже на нарушение закон-
ной мѣры стиха въ началѣ поэмы ⁽⁸⁶⁾, только чтобы не
показалось, что онъ тотчасъ пренебрегъ имя боговъ. А не
много послѣ онъ ясно и открыто излагаетъ свою мысль о
единомъ Богѣ, говоря — то устами Феникса къ Ахиллессу:

Хотя бы самъ Богъ общалъ всемогущій,
Старость совлекиши вновь возвратить мнѣ цвѣтущую мла-
дость ⁽⁸⁷⁾,

гдѣ чрезъ мѣстоименіе «самъ» обозначаетъ Того, кто поистинѣ
есть Богъ; то влагая Одиссею такія слова къ эллинскому
народу:

Нѣтъ въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель ⁽⁸⁷⁾.
А онъ хотѣлъ показать на дѣлѣ, что многовластіе не добро,
а напротивъ зло, и для того разсказалъ войны многихъ на-
чальниковъ, битвы, возмущенія и взаимныя злоумышленія
ихъ, между тѣмъ какъ единовластительство непреоборимо.
Вотъ что находимъ у поэта Гомера.

18. Если же нужно присовокупить въ подтвержденіе
единства Божія свидѣтельства и поэтовъ драматическихъ,
то послушайте Софокла, который такъ говоритъ:

«Единъ по истинѣ, единъ есть Богъ, который создалъ небо и
«великую землю, лазуревыя волны моря и порывистыя вѣтры. Но
«многіе смертныя, заблуждаясь сердцемъ, въ свое утѣшеніе среди
«несчастій сдѣлали идоловъ боговъ изъ камня или дерева, изъ
«слоновой кости или золота. Такимъ-то богамъ мы приносимъ жерт-

⁽⁸⁵⁾ Авторъ намекаетъ на погрѣшности перваго стиха *Иліады*, замѣ-
ченныя и Евстаѳіемъ толкователемъ. *Пикль*.

⁽⁸⁶⁾ *Иліад.* IX. 445 и слѣд.

⁽⁸⁷⁾ *Иліад.* II. 204.

«вы, посвящаемъ торжественныя собранія, и въ этомъ поставляемъ свое благочестіе (88)!

Такъ говорить Софокль.

19. И Пиеагоръ, сынъ Мнесарха, изложившій ученіе своей философіи прикровенно посредствомъ символовъ, какъ говорятъ его жизнеописатели, имѣлъ, кажется, мысли о единомъ Богѣ, свидѣтельствующія объ его путешествіи въ Египетъ. Ибо почитая единицу началомъ всего и источникомъ всякаго блага, онъ вносказательно учитъ, что единъ Богъ. Это именно видно изъ того, что по его словамъ единица и одно весьма различаются между собою: единица имѣетъ мѣсто въ томъ, что постигается умомъ, а одно— въ числахъ. Если же хотите имѣть яснѣйшее доказательство Пиеагорова ученія о единомъ Богѣ, то выслушайте его собственное мнѣніе. «Единъ Богъ, говоритъ онъ,—не внѣ міра, какъ нѣкоторые думаютъ, но цѣлый въ самомъ себѣ Онъ всецѣло обнимаетъ своимъ взоромъ всѣ твари, содержитель всѣхъ вѣковъ, зиждитель своихъ силъ и дѣлъ, начало всего, свѣтильникъ неба и всеобщій отецъ, умъ и душа вселенной, движущая сила всѣхъ сферъ» (89) Таковы слова Пиеагора.

20. Платонъ, вѣроятно, раздѣлялъ ученіе Моисея и другихъ пророковъ о единомъ Богѣ, съ которымъ познакомился бывши въ Египтѣ, но наученный несчастною судьбою Сократа боялся вооружить противъ себя какого-нибудь Анита

(88) Эти же-Софокловы стихи приводятся въ сочиненіи «о единовластительствѣ» (гл. 2), у Климента Алекс. (Protr. с. § 74; Strom. V. с. 14); у Евсевія (праер. Evang. XIII. с. 13); Кирилла алекс. (adv. jul. 1); св. Аѳин. suppl. p. chr. с. 5.

(89) Тоже мѣсто приводятъ Климентъ александр. (protr. с. 6. § 72); Кириллъ алекс. (adv. Iul. 1); св. Минудія фел. (Octav. с. 19); Лактанц. (Divin. institt. 1. с. 5).

или Мелита, которые обвинили бы его предъ Аѳинянами и сказали: «Платонъ ведетъ себя нечестиво и безпокойно, не почитая боговъ, которыхъ чтутъ граждане» (40). Изъ страха цикуты онъ употреблялъ о богахъ неодинаковый и прикровенный образъ рѣчи и искусно представлялъ, что есть боги—для тѣхъ, которые допускали это, и что нѣтъ ихъ—для тѣхъ, которые думали иначе: это легко видѣть изъ его собственныхъ словъ. Сказавши прежде, что все сотворенное подвержено смерти, онъ потомъ говорить, что боги сотворены. Если же онъ признаетъ началами всего—Бога и вещество, то очевидно по необходимости слѣдуетъ заключить, что боги произошли изъ вещества. Если они произошли изъ вещества, изъ котораго, по словамъ Платона, произошло и зло, то людямъ здравомыслящимъ предоставляется судить, какое мнѣнiе должно имѣть о богахъ, происшедшихъ изъ вещества? Потому-то и матерiю онъ призналъ несотворенною, чтобы не подумали, что онъ почитаетъ Бога творцомъ зла. Вотъ что говорить онъ о богахъ, созданныхъ Богомъ: «боги боговъ, которыхъ Я создатель» (41). О Богѣ же истинномъ онъ имѣетъ правильное мнѣнiе. Ибо онъ узналъ въ Египтѣ, что Богъ, посылая Моисея къ евреямъ, сказалъ ему: «Я есмь Сый» (42), изъ чего Платонъ понималъ, что Богъ сказалъ пророку не собственное имя Свое.

21. Дѣйствительно, Бога нельзя назвать никакимъ собственнымъ именемъ. Ибо имена существуютъ для обозначенiя и различенiя предметовъ при ихъ множествѣ и разно-

(40) Такъ обвиняли Сократа враги его: Ксеноф. Мем. Сocr. 1. с. 1. и Платон. Apol-Socr.

(41) Плат. въ Тимеѣ.

(42) Исход. III, 14.

образіи, но никого прежде не было, кто далъ бы Богу имя, и Онъ не имѣлъ нужды давать самому Себѣ имя, будучи только одинъ ⁽⁴³⁾, какъ Онъ самъ свидѣтельствуешь чрезъ пророковъ Своихъ, говоря: «Я Богъ первый и послѣдній и кромѣ Меня нѣтъ другаго Бога» ⁽⁴⁴⁾. Поэтому, какъ я выше сказалъ, Богъ, посылая Моисея къ евреямъ, не упоминаетъ ни о какомъ имени Своемъ, но таинственно обозначаетъ Себя посредствомъ причастія (Сый) и тѣмъ даетъ знать, что Онъ есть единъ. «Я—Сый» говоритъ Онъ, противопоставляя Себя, какъ сущій, тѣмъ, которые не существуютъ, дабы прежде заблуждавшіеся познали, что они были привязаны не къ сущимъ, а къ тѣмъ, которые не существуютъ. Ибо Онъ зналъ, что между людьми еще не исчезло то древнее заблужденіе прородителей, въ которое захотѣлъ вовлечь ихъ челоуѣконенавистникъ демонъ, говоря: «если вы послушаетесь меня преступить заповѣдь Божию, будете какъ боги» ⁽⁴⁵⁾, называя богами несуществующихъ, чтобы люди думая, что есть и другіе боги, повѣрили, что и имъ можно сдѣлаться богами; поэтому-то Богъ сказалъ: «Я есмь Сый», чтобы посредствомъ причастія «Сый» показать различіе сущаго Бога отъ несуществующихъ. Когда же люди, повѣривши обольщенію демона, осмѣлились преслушаться Бога и вышли изъ рая, то они запомнили, что имъ было говорено о богахъ, а Богъ еще не открылъ имъ, что нѣтъ другихъ боговъ (кромѣ Его); ибо несправедливо было несоблювшихъ первой заповѣди, которую сохранить было такъ легко, еще учить, но слѣдовало подвергнуть ихъ пра-

⁽⁴³⁾ Сн. Іуст. 2 апол. гл. 6.

⁽⁴⁴⁾ Исаи XLIV, 6.

⁽⁴⁵⁾ Сн. Быт. III; 5.

ведному наказанію. Итакъ изгнанные изъ рая, они думая, что изгнаны только за непослушаніе Богу, а не за то также, что повѣрили, будто есть боги, которые не существуютъ,—передали эту мысль о богахъ и своимъ потомкамъ. Таково происхожденіе ложной мысли о богахъ, которая получила начало отъ отца лжи. Богъ видя, что ложная мысль о многобожїи, подобно какой-нибудь болѣзни, обременила душу людей, восхотѣлъ уничтожить ее; поэтому Онъ, явившись сперва Моисею, сказалъ Ему: «Я есмь Сый». Ибо я думаю, надлежало, чтобы будущій начальникъ и вождь еврейскаго народа первый изъ всѣхъ позналъ сущаго Бога. Посему явившись ему первому, сколько возможно Богу явиться чело-вѣку, сказалъ ему: «Я есмь Сый». Потомъ, посылая его къ евреямъ, повелѣлъ ему сказать тоже и имъ: «Сый послалъ меня къ вамъ» (46).

22. Все это Платонъ узналъ въ Египтѣ и конечно ему понравилось ученіе о единомъ Богѣ, но боясь ареопага, онъ почиталъ не безопаснымъ упоминать предъ аэинянами объ имени Моисея, учившаго о единствѣ Божиёмъ, и его ученіе о Богѣ изложилъ въ тщательно обдѣланномъ разговорѣ «Тимей», въ которомъ онъ разсуждалъ о божественныхъ вещахъ,—не какъ ученіе, преподанное Моисеемъ, но какъ свое собственное мнѣніе; впрочемъ онъ сказалъ то же самое, что и Моисей написалъ о Богѣ. Онъ сказалъ: «надобно по моему мнѣнію прежде всего различать, что есть всегда-сущее и неизмѣющее начала, и что—бывающее, но никогда не сущее» (47). Спрашиваю, эллины, тѣхъ, кто можетъ ра-

(46) Исход. III, 14.

(47) Плат. Тим. Такое же сходство въ словахъ Платона съ словами у Моисея находятъ Евсевій (praepar. evang. XI. с. 9) и Кириллъ алекс. (adv. Iul. 1).

зумѣть: не одно ли то же въ словахъ Моисея и Платона, съ разницею только въ членѣ? Моисей сказалъ: СЫИ (δ ὄν), а Платонъ: сущее (τὸ ὄν). То и другое выраженіе, очевидно, приличествуетъ Богу всегда-сущему; ибо только Онъ одинъ всегда есть и не имѣетъ начала. Что же другое противопологается всегда-сущему», о чемъ Платонъ сказалъ: «всегда бывающее, но никогда не сущее?» Разсмотримъ это внимательно, и увидимъ, что онъ ясно и прямо безначальнаго называетъ вѣчнымъ, а получившихъ начало или созданныхъ,—какъ у него гсворится о нихъ: «боги боговъ, которыхъ Я создатель»,—называетъ происходящими и погибающими. Вотъ его собственныя слова: «надобно по моему мнѣнію прежде всего различать, что есть всегда-сущее, но неимѣющее начала, и что бывающее, но никогда не сущее. Одно понимается разумнымъ мышленіемъ, будучи всегда тождественно, другое же подлежитъ мнѣнію посредствомъ неразумнаго ощущенія, такъ-какъ оно происходитъ и погибаетъ, но никогда не есть». Эти слова тѣмъ, которые могутъ правильно мыслить, дадутъ разумѣть погибель и уничтоженіе созданныхъ боговъ. Считаю необходимымъ обратить вниманіе и на то, что Платонъ называетъ Бога не творцомъ, но создателемъ боговъ, ибо по мнѣнію того же Платона есть большая разница между тѣмъ и другимъ: творецъ не нуждается ни въ чемъ постороннемъ и собственною силою и могуществомъ производить творимое, создатель же или художникъ получаетъ возможность для своего созиданія отъ вещества и изъ него образуетъ свое произведеніе.

23. Но можетъ-быть нѣкоторые, не желая отстать отъ мнѣнія о множествѣ боговъ, возразятъ намъ, что самъ Ху-

дожникъ сказалъ вотъ что созданнымъ богамъ: «посели-
ку вы получили начало, то вы не безсмертны и не со-
вершенно неразрушимы, впрочемъ вы не разрушитесь и
не подвергнетесь року смерти, получивши въ удѣлъ мою
волю—эту сильнѣйшую и крѣпчайшую связь» (48). Здѣсь
Платонъ, опасаясь читателей многобожія, влагаетъ въ уста
Создателя слова, ставящія его въ противорѣчіе съ самимъ
собою. Ибо по его изложенію, тотъ, который прежде ска-
залъ, что все получившее начало подлежитъ смерти, те-
перь утверждаетъ противное: Платонъ не замѣчаетъ, что такимъ
образомъ никакъ нельзя избѣжать обвиненія во лжи;
потому что или несправедливо первое утвержденіе, что
все получившее начало смертно, или ложно другое, когда
говорится противное сказанному прежде о богахъ. Если
совершенно необходимо, чтобы получившее начало подле-
жало смерти по его первому положенію, то какимъ обра-
зомъ то, что безусловно невозможно, могло стать возмож-
нымъ? Итакъ Платонъ напрасно думаетъ своему Художнику
даровать невозможное, когда объявляетъ, что тѣ, которые,
произшедши изъ вещества по тому самому уже подлежатъ
смерти, будутъ, благодаря ему, свободны отъ смерти и
разрушенія. Ибо сила вещества, которая по мнѣнію Пла-
гона безначальна и совѣчна Создателю, можетъ противиться
Его волѣ; у того, кто не творилъ, нѣтъ никакой власти
надъ несотвореннымъ, такъ что не можетъ быть сдѣлано
насиліе надъ веществомъ, которое свободно отъ всякой
внѣшней необходимости. Поэтому и самъ Платонъ, имѣя

(48) Плат. Tim. Это мѣсто изъ увѣщанія приводитъ Фотій въ Bibli-
oth. с. 232.

это въ виду написалъ: «необходимо признать, что Богу ничто не можетъ сдѣлать насилія (49).

24. Какимъ же образомъ Платонъ изгоняетъ Гомера изъ своей республики, когда онъ вложилъ въ уста Феникса въ посольствѣ къ Ахиллесу слѣдующія слова:

Удобопреклонны и самые боги (50).

Въ нихъ Гомеръ говоритъ не о царѣ и Платоновскомъ создателѣ боговъ, но о тѣхъ богахъ, которыхъ эллины допускали великое число, какъ мы видимъ и изъ выраженія Платона: «боги боговъ». Единому же и первому Богу Гомеръ приписываетъ власть и могущество надъ всѣмъ посредствомъ золотой цѣпи, о которой онъ говоритъ (51); и полагаетъ такое различіе между Его божествомъ и прочими богами, что не сомнѣвается именовать ихъ вмѣстѣ съ людьми. Такъ Одиссей представляется говорящимъ Ахиллесу о Гекторѣ:

Буйно свирѣпствуетъ крѣпкій на Зевса; въ ничто онъ вмѣняетъ

Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ страшнымъ (52).

Здѣсь, мнѣ кажется, и Гомеръ, подобно Платону, узнавши въ Египтѣ о единомъ Богѣ, ясно выражаетъ это, говоря, что надѣющийся на сущаго Бога не обращаетъ вниманія на тѣхъ боговъ, которые не существуютъ. Такъ поэтъ и въ другомъ мѣстѣ употребляетъ другое равнозначительное выраженіе—мѣстоименіе, которое значитъ тоже, что у Платона причастіе, и которое указываетъ на сущаго Бога, о

(49) Платонъ de Legg. V.

(50) Иліад. IX; 497.

(51) Иліад. VIII. 18 и дал.

(52) Иліад. IX. 338.

кoемъ Платонъ сказалъ: « всегда сущее, и неизмѣющее начала ». Ибо не просто, мнѣ кажется, сказаны Фениксомъ слова:

Хотя бы самъ Богъ общалъ всемогущій
Старость совлекши вновь возвратитъ мнѣ цвѣтущую младость.

Мѣстоименіе « самъ » означаетъ Бога по истинѣ сущаго. То же самое выражаетъ извѣстное вамъ изреченіе оракула о халдеяхъ и евреяхъ; ибо когда нѣкто спросилъ, кто были когда либо благочестивые люди, то онъ по вашимъ словамъ такъ отвѣчалъ:

Одни лишь Халдеи постигли премудрость, а также Евреи,
Что самого безначальнаго Бога царя почитали ⁽⁵⁶⁾.

25. Почему же Платонъ порицаетъ Гомера за то, что онъ называлъ боговъ удобопреклонными, тогда-какъ Гомеръ сказалъ такъ ради пользы, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ? Ибо тѣмъ, которые думаютъ посредствомъ молитвы и жертвъ получить милость, свойственно оставлять свои грѣхи и каяться въ нихъ; но если они почитаютъ божество непреклоннымъ, то не думаютъ отстать отъ своихъ грѣховъ, считая бесполезнымъ всякое раскаяніе. Какимъ же образомъ философъ Платонъ осудилъ поэта Гомера за его слова:

Удобопреклонны и самые боги,
а самъ представляетъ своего Создателя боговъ такъ легко измѣняющимся, что называетъ боговъ то смертными, то бессмертными? Также говоря не только о богахъ, но и о веществѣ, изъ котораго необходимо произошли боги, называемые имъ созданными, онъ то признаетъ его безначальнымъ, то сотвореннымъ, не замѣчая, что самъ онъ явно

⁽⁵⁶⁾ См. выше гл. II. Здѣсь этотъ стихъ приводится нѣсколько иначе, вмѣсто *αυτῶς*; стоитъ *αὐτῶν*.

впадаетъ въ ту же ошибку, въ которой упрекаетъ Гомера. Платонъ называетъ Создателя боговъ удобопреклоннымъ, между тѣмъ какъ Гомеръ говоритъ о немъ со всѣмъ не то; ибо онъ представляетъ Бога говорящимъ о самомъ себѣ:
... невозвратно то слово, непреложно

И не свершиться не можетъ когда Я главой помагаю ⁽⁵⁴⁾. Впрочемъ Платонъ, вѣроятно, нарочно, опасаясь чти-телей многобожія, сказалъ такую нелѣпость о богахъ. То, что узналъ отъ Моисея и пророковъ о единомъ Богѣ, когда почитаетъ нужнымъ, онъ высказываетъ прикровенно, давая понимать свое мнѣніе для тѣхъ, которые желаютъ чтить Бога. Ибо когда ему понравились слова Бога къ Моисею: «Я есмь Сый» и онъ долго размышлялъ о краткомъ изреченіи, выраженномъ посредствомъ причастія, то понялъ, что въ словахъ: «Я есмь Сый», Богъ желалъ показать Моисею вѣчность Свою, такъ-какъ слово «Сый» означаетъ не одно какое-либо время, но три времени—прошедшее, настоящее и будущее. Такъ и Платонъ употребляетъ слово «Сый» для означенія безконечнаго времени въ своемъ выраженіи: «никогда не существующее»: слово «никогда» относится не къ прошедшему только, какъ нѣкоторые думаютъ, но и къ будущему времени: такъ опредѣлили и свѣтскіе писатели. Поэтому и Платонъ, выразивши прикровенно посредствомъ причастія мысль о вѣчности Божіей, какъ бы для того, чтобы сдѣлать ее понятною и для неразумѣющихъ, написалъ слѣдующія слова: «Богъ, какъ говоритъ древнее преданіе, составляетъ начало, конецъ и средину всего» ⁽⁵⁵⁾. Здѣсь Платонъ ясно называетъ древнимъ преданіемъ законъ Моисеевъ, опасаясь только упоминать имя Моисея по стра-

⁽⁵⁴⁾ Илиад. 1. 526 и слѣд.

⁽⁵⁵⁾ Плат. de legib. IV.

ху цыкуты; ибо звалъ, что ученіе этого мужа противно эллинской религіи, но ясно намекаетъ на Моисея въ своемъ выраженіи о древнемъ преданіи. А что законъ Моисея весьмый древній и первый, это достаточно доказали мы выше изъ Діодора и прочихъ историковъ; ибо Діодоръ говоритъ, что онъ былъ первымъ изъ всѣхъ законодателемъ, когда еще не были изобрѣтены эллинскія письма, посредствомъ которыхъ они написали свои исторіи.

26. Пусть никто не удивляется, что Платонъ повѣрилъ Моисею и такъ написалъ о вѣчности Божіей. Можно найти, что онъ прикровенно приписываетъ, послѣ истиннаго Бога, и пророкамъ истинное вѣденіе вещей. Такъ въ «Тимее» разсуждая о нѣкоторыхъ началахъ онъ написалъ: «мы предполагаемъ начало огня и другихъ тѣлъ, слѣдуя вѣроятнымъ заключеніямъ разума, но начала этихъ вещей знаетъ только Богъ и тотъ изъ людей, кто угоденъ Ему». Кого же онъ разумѣетъ подъ людьми угодными Богу, какъ не Моисея и прочихъ пророковъ? Съ ихъ пророчествами онъ познакомился, отъ нихъ узвалъ ученіе о судѣ, и потому говоритъ въ первой книгѣ своей о республикѣ: «когда приблизится кто къ тому времени, когда думаетъ скоро умереть, то нападаетъ на него страхъ и безпокойство о томъ, что прежде не всходило на мысль. Извѣстныя сказанія объ адѣ и мученіяхъ, которымъ долженъ тамъ подвергнуться живущій здѣсь неправедно, прежде вызывавшія смѣхъ, начинаютъ тогда безпокоить его душу, не будетъ ли это на самомъ дѣлѣ; и онъ по немощи ли старческой или по причинѣ приближенія своего къ той судьбѣ больше занимается ею. Онъ терзается сомнѣніемъ и страхомъ, размышляетъ и разсматриваетъ, не сдѣлалъ ли кому зла. И тотъ, кто находитъ, что въ жизни

своей сдѣлалъ много зла, подобно дѣтямъ, часто пробуждается отъ сна, страшится и живетъ съ мрачной надеждою; а съ тѣмъ, кто сознаетъ, что не сдѣлалъ зла, всегда присутствуетъ сладкая надежда, питательница старости, какъ сказалъ Пиндаръ. Прекрасно, Сократъ, сказалъ поэтъ, что кто провелъ жизнь свято и праведно,

«Тотъ имѣетъ сердце исполненное радости и ему сопутствуетъ надежда, питательница старости, надежда, которая по большей части управляетъ измѣнчивою мыслию смертныхъ»⁽⁵⁶⁾.

Это находится въ первой книгѣ Платона о республикѣ.

27. Въ десятой книгѣ того же сочиненія Платонъ ясно излагаетъ ученіе о судѣ послѣ смерти, которое узналъ онъ изъ пророковъ; впрочемъ онъ по боязни эллиновъ не осмѣливается сказать, что заимствовалъ у пророковъ, но представляетъ, будто слышалъ отъ одного человека, убитаго на войнѣ, который долженъ былъ быть погребенъ и былъ положенъ на костеръ, но ожилъ и разсказалъ видѣнное имъ тамъ. Вотъ слова Платона: «онъ говорилъ, что былъ въ то время, какъ одинъ спрашивалъ другаго, гдѣ Аридей великій. Этотъ Аридей былъ тиранномъ въ одномъ городѣ Панфиліи: говорили, что онъ убилъ старика-отца своего и старшаго брата и совершилъ много другихъ злодѣйствъ. Спрошенный отвѣчалъ: онъ не пришелъ и не придетъ сюда. Видѣли мы и вотъ какое страшное зрѣлище. Когда мы приблизились къ отверстию, желая возвратиться оттуда и потерпѣвши всѣ прочія испытанія,—мы внезапно увидѣли Аридея и другихъ, которые по большей части были также тиранны, частію же и простые люди, совершившіе великія преступленія: всѣ они надѣялись выйдти, но отверстіе не

(56) Плат. de Republ. 1.

принимало ихъ и издавало рыканіе всякій разъ, какъ кто-либо изъ закоренѣло-злыхъ пытался выйдти, не исполнивши надлежащаго наказанія. Здѣсь стояли страшные люди, огненные на видъ, которые, услышавши рыканіе, иныхъ схватывали и уводили, Аридея же и другихъ связавши ноги, руки и голову, повергали на землю, мучили, тащили вонъ и бросали на терновые кусты; и рассказывали присутствующимъ, за что они ввергаются въ тартаръ. Но изъ многихъ ужасовъ всякаго рода, постигавшихъ тамъ, ужаснѣе всего для того, кто всходитъ, слышать рыканіе отверстія и каждый чувствуетъ величайшую отраду, когда не слышитъ его при своемъ выходѣ. Таковы-то мученія и казни ада; но противоположно имъ состояніе добродѣтельныхъ людей» (57). Здѣсь Платонъ, мнѣ кажется, заимствовалъ у пророковъ не только ученіе о судѣ, но и о воскресеніи, въ которое не вѣрятъ эллины. Говоря, что душа судится вмѣстѣ съ тѣломъ, онъ ясно показываетъ, что онъ повѣрилъ ученію о воскресеніи. Ибо какимъ образомъ Аридей и прочіе могли бы нести такое мученіе во адѣ, еслибы оставили на землѣ тѣло съ головой, руками, ногами и кожей? Не скажутъ же, что душа имѣетъ голову, руки, ноги и кожу. Но Платонъ узналъ въ въ Египтѣ свидѣтельства пророковъ и принялъ ихъ ученіе о воскресеніи тѣла, и потому учить, что душа подвергается суду вмѣстѣ съ тѣломъ.

28. И не Платонъ только, но и Гомеръ, также узнавшій это въ Египтѣ, разказалъ подобное о мученіяхъ Титія. Вотъ какъ Одиссей говоритъ о Алкиною видѣніи тѣней умершихъ:

(57) Плат. de Republ. X. Здѣсь Сократъ передаетъ рассказъ нѣкаго Эра, который былъ убитъ на сраженіи и когда былъ положенъ на костеръ, ожилъ.

Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Геи,
 Девять занявъ десятинь подѣ огромное тѣло, недвижимъ
 Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали
 Печень его и терзали когтями утробу ⁽⁵⁸⁾.

Очевидно печень принадлежит не душѣ, а тѣлу. Такимъ же образомъ Гомеръ написалъ о тѣлесныхъ мученіяхъ Сизифа и Тантаала. А что Гомеръ былъ въ Египтѣ и многое изъ того, что узналъ тамъ, онъ перенесъ въ свою поэзію, объ этомъ ясно свидѣтельствуемъ намъ славнѣйшій изъ историковъ Діодоръ. Такъ, по его словамъ, Гомеръ въ Египтѣ узналъ, что Елена принесла въ Спарту «непентесъ, сокъ сладкій и сердцу забвенью бѣдствій дающій» ⁽⁵⁹⁾, который она получила отъ Полидамны, жены Θона, и этимъ лекарствомъ, какъ говоритъ Гомеръ, Елена воспользовалась, чтобы утолить скорбь Менелая, возбужденную присутствіемъ Телемаха. Венеру Гомеръ назвалъ золотою на основаніи того, что видѣлъ въ Египтѣ: онъ зналъ тамъ и храмъ, посвященный золотой Венерѣ, и поле, названное этимъ именемъ. Но для чего мы приводимъ все это? Для того, чтобы доказать, что Гомеръ также внесъ въ свои поэмы многое изъ священныхъ сказаній пророковъ, и во первыхъ то, что говорится Моисеемъ о началѣ міротворенія. Моисей написалъ такъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, потомъ солнце, луну и звѣзды» ⁽⁶⁰⁾. Гомеръ, который въ Египтѣ съ удовольствіемъ прочиталъ то, что написано Моисеемъ въ книгѣ Бытія, воспроизвелъ ту же картину творенія міра на щитѣ Ахиллеса, сдѣланномъ Гефестомъ. Вотъ Гомерово описаніе:

⁽⁵⁸⁾ Одисс. XI. 575—577.

⁽⁵⁹⁾ Одисс. IV. 221.

⁽⁶⁰⁾ Быт. 1, 1. 16.

Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо и море,
Солнце въ пути немстимое, полный серебряный мѣсяць,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо ⁽⁶¹⁾.

И описаніе у Гомера сада Алкиноева весьма походить на
изображеніе рая; онъ представляетъ его всегда цвѣтущимъ
и наполненнымъ плодами. Вотъ стихи Гомера:

. росло тамъ
Много деревь плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершин-
ныхъ,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣту-
щихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, заражая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частию ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли, иль осыпавъ
Цвѣтъ созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались ⁽⁶²⁾.

Эти слова не представляютъ ли яснаго подражанія описа-
нію рая у перваго пророка Моисея? Если кто также обра-
титъ вниманіе на столпотвореніе, посредствомъ котораго
люди того времени мечтали устроить себѣ восходъ на небо,
то найдетъ у того же поэта аллегорическое подражаніе
сему. Говоря объ Отъ и Эфіалтъ, Гомеръ такъ изобража-
етъ ихъ:

Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ
ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволну-
ють;

⁽⁶¹⁾ Иліад. XVIII. 483—485.

⁽⁶²⁾ Одисс. VII. 114—126.

Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пелієнь многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
Взять... ⁽⁶³⁾.

Подобныя образы, кто будетъ внимательно смотрѣть, найдетъ у Гомера и о паденіи съ неба врага человечества, котораго священныя Писанія называютъ діаволомъ и который получилъ такое имя отъ первой клеветы, употребленной для оболъщенія человѣка. Поэтъ не упоминаетъ имени діавола, но даетъ ему названіе отъ самого низкаго его дѣйствія; онъ называетъ его Атою (Обидою) и говоритъ о низверженіи ея съ неба, какъ бы вспоминая слова о немъ пророка Исаи. Такъ онъ написалъ въ своей поэмѣ:

.... Схватилъ онъ Обиду за пышноблестящія кудри,
Страшнымъ пылающій гнѣвомъ, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимпъ и звѣздами вѣнчанное небо
Ввѣкъ не взыдетъ Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ.

Такъ произнесъ онъ; и махомъ десницы отъ звѣзднаго неба
Ринулъ ее, и упала она на дѣла человѣка ⁽⁶⁴⁾.

29 Платонъ говоря о третьемъ началѣ послѣ Бога и матеріи, которое онъ называетъ идеею, очевидно, воспользовался указаніемъ Моисея и самое имя идеи заимствовалъ изъ словъ этого пророка; впрочемъ его не научили тогда свѣдущіе люди, что нельзя ясно познать ничего изъ сказаннаго Моисеемъ безъ таинственнаго созерцанія. Моисей написалъ, что Богъ такъ заповѣдалъ ему относительно скинии: «и ты сдѣлаешь Мнѣ образецъ скинии по подобію той, что покажу тебѣ на горѣ» ⁽⁶⁵⁾. И еще: «ты воздвигнешь скинию по образцу всѣхъ принадлежностей ея, и такъ сдѣ-

⁽⁶³⁾ Одисс. XI. 313—316.

⁽⁶⁴⁾ Иліад. XIX. 126—131.—Сн. Исаи XIV, 12. Писатель увѣщанія предполагаетъ, что Гомеръ позднѣе Исаи.

⁽⁶⁵⁾ Исход. XXV, 9.

лаешь» (66). И еще не много далѣе: «посмотри, и сдѣлай по образцу, показанному тебѣ на горѣ» (67). Платонъ прочиталъ это и не съ надлежащимъ созерцаніемъ усвоилъ написанныя слова; оттого думалъ, что идея существовала отдѣльно и прежде чувственныхъ вещей; идею онъ часто называетъ также образцомъ сотворенныхъ вещей, потому что у Моисея такъ написано о скинни: «по образцу показанному тебѣ на горѣ, такъ сдѣлаешь это» (68).

30. Въ подобную же ошибку впалъ Платонъ и относительно неба, земли и человѣка: онъ думаетъ, что есть ихъ идеи. Моисей написалъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю», и затѣмъ присовокупляетъ: «земля же была невидима и неустроена» (69); поэтому Платонъ думалъ, что словами: «земля была» означаетъ преждесуществующая земля, такъ-какъ Моисей сказалъ: «земля же была невидима и неустроена»; словами же: «сотворилъ Богъ небо и землю», онъ думалъ, означаетъ чувственная земля, созданная Богомъ по преждсуществующей идеѣ (70). Также Платонъ ошибся и о небѣ: сотворенное небо, которое названо (у Моисея) твердію, по его мнѣнію есть небо видимое, а другое есть мыслимое, о которомъ пророкъ сказалъ: «небо небесное (принадлежитъ) Господу, а землю онъ далъ сынамъ человѣческимъ» (71). Подобная ошибка и относитель-

(66) Исход. XXVI, 30. Этотъ стихъ ниже повторяется нѣсколько иначе.

(67) Исх. XXV, 40.

(68) См. примѣчаніе 66.—Мысль, что скинія есть образъ міра, и идеи той скинии были идеями міра, встрѣчается ранѣе Іустина и послѣдующихъ отцевъ,—у Филона (de vita Mosis III. с. 3; Quaest. in Exod. II. с. 82) у Іосифа Флавія (antiqu. iud. III. с. 7).

(69) Быт. 1, 1. 2.

(70) Еще Филонъ, слова коего повторяются Евсевіемъ (per Evang. XI. с. 23), подъ землею невидимою разумѣлъ идеи.

(71) Псал. 113. 16.

но человека. Моисей сперва упоминает имя человека, а потом послѣ всѣхъ тварей говорить о созданіи человека въ слѣдующихъ словахъ: «и сотворилъ Богъ человека, (взявъ) персть отъ земли» (72). Платонъ подумалъ, что прежде упомянутый человекъ предсуществовалъ человеку созданному, а созданный потомъ изъ земли сотворенъ попредсуществовавшей идее. О созданіи человека изъ земли и Гомеръ зналъ изъ древней священной исторіи, въ которой говорится: «ты—земля и возвратишься въ землю» (73); поэтому онъ бездыханное тѣло Гектора называетъ нѣмою землею. Онъ такъ говоритъ объ Ахиллѣсѣ, влчившемъ тѣло мертваго Гектора:

... Землю нѣмую неистовый мужъ оскорбляетъ (74).

И еще въ другомъ мѣстѣ онъ излагаетъ слова Менелая, обращенныя къ тѣмъ, которые не приняли съ готовностію вызова Гектора на единоборство:

Но погибнете всѣ вы, разсыпетесь водою и прахомъ! (75)

Здѣсь въ крайнемъ гнѣвѣ своемъ онъ превращаетъ ихъ въ прахъ земной, ихъ первобытное начало. Вотъ что Гомеръ и Платонъ изложили въ своихъ твореніяхъ, научившись въ Египтѣ отъ древнихъ сказаній.

31. Откуда, какъ не изъ чтенія пророческихъ книгъ, Платонъ заимствовалъ изображеніе Зевса, ѣздящаго по небу на быстрой колесницѣ? Онъ зналъ слова пророка о херувимахъ: «и вышла слава изъ дома и взошла на херувимовъ, и херувимы подняли крылья свои и колесницы (поднялись) съ ними и слава Господа Бога израилева была надъ херувимами» (76). Этимъ возбужденный краснорѣчивый Платонъ

(72) См. Быт. 1, 26; II, 7.

(73) Быт. III, 19.

(74) Илиад. XXIV. 54.

(75) Илиад. VII. 99.

(76) Иезекіил. X, 18. 19.

съ величайшей свободою восклицаетъ: «великъ на небѣ Зевсъ, летающій на быстрой колесницѣ» (77). Изъ какого другаго источника узналъ онъ это, какъ не изъ Моисея и пророковъ? Съ чего онъ взялъ поводъ сказать, что Богъ заключается въ огненной субстанціи? Не изъ третьей ли книги царствъ, гдѣ написано: «не въ вѣтрѣ Господь, послѣ вѣтра—трясеніе, не въ трясеніи Господь и послѣ трясенія огонь, не въ огнѣ Господь и послѣ огня—голосъ тонкаго вѣянiя» (78). Въ эти слова необходимо благочестивымъ вникнуть съ великимъ размышленіемъ; но Платонъ, не обративъ на нихъ должнаго вниманія, сказалъ, что Богъ заключается въ огненной субстанціи.

32. Если же кто захочетъ внимательно рассмотреть то, что касается дара, свыше сходящаго отъ Бога на святыхъ мужей, который священные пророки называютъ Духомъ Святымъ,—то найдетъ, что Платонъ и о немъ говоритъ въ разговорѣ съ Менономъ, только онъ называетъ его другимъ именемъ. Ибо, опасаясь назвать даръ Божій Духомъ Святымъ, дабы, слѣдуя ученію пророковъ, не показаться врагомъ эллиновъ, онъ признаетъ, что даръ этотъ сходить свыше отъ Бога, но разсудилъ назвать его не Духомъ Святымъ, а добродѣтелию. Такъ въ разговорѣ съ Менсономъ о воспоминаніи, сначала онъ говоритъ много о добродѣтели, изслѣдуя, можно ли научиться добродѣтели или нѣтъ, а она пріобрѣтается упражненіемъ, или же нельзя ни научиться ей, ни пріобрѣсти навыкомъ, но она дается людямъ отъ природы, или какимъ-нибудь другимъ образомъ; наконецъ выражается въ слѣдующихъ словахъ: «если въ этой

(77) Плат. Phaedr.

(78) 3 цар. XIX, 11. 12.

бесѣдѣ нашей мы разсуждали правильно, то должны заключить, что добродѣтель достается не отъ природы, ни отъ ученія, но дается божественнымъ Промысломъ, безъ вѣдома тѣхъ, кому дается». Здѣсь, я полагаю, Платонъ, узнавши отъ пророковъ о Духѣ Святомъ, замѣняетъ его именемъ добродѣтели. Ибо, точно также, какъ святые пророки говорятъ, что одинъ и тотъ же Духъ раздѣляется на семь даровъ духовныхъ, и Платонъ признавая добродѣтель единою раздѣляетъ ее на четыре добродѣтели. Хотя онъ здѣсь и не говоритъ ни слова о Духѣ Святомъ, но очень ясно посредствомъ иносказанія излагаетъ ученіе пророковъ о св. Духѣ. Въ концѣ разговора съ Меномъ онъ такъ говоритъ: «изъ нашего разсужденія, Менонъ, можно видѣть, что добродѣтель дается божественнымъ Промысломъ тѣмъ, кому она достается; яснѣе же узнаемъ мы, какимъ образомъ людямъ дается добродѣтель, если внимательно рассмотримъ сначала, что такое добродѣтель». Видите, какъ онъ свыше сходящій даръ называетъ только добродѣтелию, но вмѣстѣ съ тѣмъ почитаетъ достойнымъ изслѣдованія, должно ли даръ этотъ называть добродѣтелию, или другимъ чѣмъ либо, опасаясь открыто назвать его Духомъ Святымъ, чтобы не показаться послѣдователемъ ученія пророковъ.

33. Откуда также Платонъ узналъ, что время произошло вмѣстѣ съ небомъ, ибо онъ такъ пишетъ: «время сотворено вмѣстѣ съ небомъ, для того, чтобы вмѣстѣ явившись, вмѣстѣ и уничтожиться, если только когда нибудь будетъ ихъ уничтоженіе»? Не изъ священной ли исторіи Моисеевой онъ узналъ это? Ибо онъ узналъ, что бытіе времени получило начало свое изъ опредѣленнаго раздѣленія на дни, мѣсяцы и годы. Итакъ первый день сотворенный вмѣстѣ съ не-

бомъ, былъ началомъ всего времени; ибо такъ пишетъ Моисей: «въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю», и къ этому прибавляетъ: «и былъ день одинъ», посредствомъ части означая все время ⁽⁷⁹⁾. Платонъ же день называетъ временемъ, чтобы упомянувши о днѣ, онъ не былъ обвиненъ Аевинянами, какъ послѣдователь Моисея. Откуда также онъ взялъ мнѣніе о разрушеніи неба? Не изъ ученія ли священныхъ пророковъ онъ заимствуетъ это мнѣніе?

34. Если же обратить вниманіе на статуи, откуда первые изобрѣтатели ихъ взяли ту мысль, что боги имѣютъ человѣческой образъ, то окажется, что и это они узнали изъ священной исторіи. Такъ какъ въ исторіи Моисеевой отъ лица Бога говорится: «сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію» ⁽⁸⁰⁾; то думая по этимъ словамъ, будто люди подобны богамъ наружнымъ видомъ своимъ, начали дѣлать изображенія боговъ, полагая, что подобное можетъ быть изображено подобнымъ. Но для чего здѣсь упоминаю я объ этомъ, эллины? Чтобы вы знали, что не возможно научиться истинному богопочтенію у тѣхъ, которые даже и о томъ, чѣмъ заслужили себѣ удивленіе людей, чуждыхъ нашей религіи, не могли написать ничего своего, но иносказательно изложили въ своихъ сочиненіяхъ то, что заимствовали изъ Моисея и другихъ пророковъ.

35. И такъ пора уже вамъ, эллины, убѣдившись на основаніи внѣшнихъ историческихъ свидѣтельствъ, что Моисей и прочіе пророки жили гораздо ранѣе всѣхъ вашихъ мнимыхъ мудрецовъ, оставить старое заблужденіе вашихъ предковъ; пора вамъ обратиться къ священнымъ сказаніямъ

⁽⁷⁹⁾ Быт. 1, 1. 5.

⁽⁸⁰⁾ Быт. 1. 26.

пророковъ и научиться у нихъ истинной религіи: они не представляютъ пріемовъ краснорѣчія для убѣжденія—это свойственно тѣмъ, которые хотятъ затемнить истину,—но въ простыхъ безыскусственныхъ словахъ возвѣщаютъ то, что сошедшій на нихъ святой Духъ хотѣлъ открыть черезъ нихъ людямъ желающимъ познать истинное благочестіе. И такъ, нисколько не стыдясь откажитесь отъ стараго заблужденія людскаго, отъ пустаго шума тщеславія, въ которомъ вы полагаете все ваше удовольствіе и послѣдуйте тому, что вамъ полезно. Ибо вы нисколько не погрѣшите противъ вашихъ предковъ, если теперь захотите обратиться отъ ихъ заблужденія къ противоположному ученію: можетъ быть они сами теперь въ аду мучатся позднимъ раскаяніемъ, и еслибъ имъ можно было оттуда повѣдать вамъ о томъ, что постигло ихъ по смерти, то узнали бы вы, отъ какихъ бѣдствій они желали бы васъ избавить. Но такъ какъ въ настоящее время вамъ невозможно ничего узнать ни отъ нихъ, ни отъ тѣхъ, которые преподаютъ ту лжеименную философію, то вамъ остается наконецъ отказаться отъ заблужденія предковъ вашихъ и проникнуть въ ученіе святыхъ пророковъ, не требуя отъ нихъ изящества рѣчи (ибо сущность религіи нашей не въ словахъ, а въ дѣлахъ) и отъ нихъ научиться истинамъ, которыя приведутъ васъ къ вѣчной жизни. Ибо тѣ, которые напрасно только унижаютъ имя философіи, обличаются въ томъ, что ничего не знаютъ, какъ и сами принуждены невольно сознаться,—потому что не только спорять и разногласять другъ съ другомъ, но и въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ не постоянны.

36. Если открытіе истины, по словамъ этихъ философовъ, составляетъ цѣль философіи, то заслуживаютъ ли на-

званія философовъ тѣ, которые не достигли ея? Ибо если и мудрѣйшій изъ мудрецовъ вашихъ Сократъ, о которомъ по вашимъ разсказамъ, оракулъ вашъ такъ свидѣтельству-етъ словами:

Сократъ, изъ всѣхъ челоуѣковъ мудрѣйшій, если и онъ признается, что ничего не знаетъ, то какъ же бывшіе послѣ него приписываютъ себѣ знаніе даже небеснаго? Сократъ самъ говоритъ, что онъ названъ мудрецомъ за то, что между тѣмъ, какъ другіе приписываютъ себѣ знаніе, котораго въ дѣйствительности не имѣютъ, онъ не задумываясь признаетъ себя ничего незнающимъ. Вотъ его слова: «кажется мнѣ, что въ одномъ только томъ я мудрѣйшій, что я не присвоиваю себѣ знанія о томъ, чего не знаю⁽⁸¹⁾. Здѣсь никто не долженъ предполагать, что Сократъ прои-чески говоритъ о своемъ незнаніи,—на томъ основаніи, что онъ часто дѣлаетъ такъ въ разговорахъ. Ибо послѣднія слова его апологіи, которую онъ произнесъ стравляясь въ темницу, показываютъ, что онъ искренно признается въ незнаніи истины. Онъ сказалъ: «время уже намъ разойтись мнѣ чтобы умереть, а вамъ—жить, но никто кромѣ одного Бога не знаетъ, кому предстоитъ лучшая доля». Произнеся въ Ареопагѣ эти свои послѣднія слова, Сократъ пошелъ въ темницу, приписывая одному Богу знаніе невѣдомыхъ намъ вещей; а бывшіе послѣ него не въ состояніи будучи узнать ничего земнаго, приписывали себѣ знаніе небеснаго, какъ будто они видѣли это своими глазами. Аристотель, напримѣръ, какъ будто лучше Платона видѣлъ небесное, помѣщаетъ Бога не въ огненной субстанціи, какъ говорилъ Платонъ, но утверждалъ, что онъ обитаетъ въ пятой зевровидной

(81) Плат. апол. Сocr.

стихіи. И онъ, который требовалъ вѣры своимъ словамъ за краснорѣчіе ихъ, когда не могъ узнать природы Халкидскаго Эврида, отъ огорченія своимъ безславіемъ и отъ стыда, лишилъ себя жизни ⁽⁸²⁾. Посему никто изъ людей благоразумныхъ не долженъ предпочитать своему спасенію краснорѣчіе тѣхъ философовъ, но, какъ говорится въ древнихъ сказаніяхъ, пусть залѣпиль уши воскомъ и бѣжитъ далѣе отъ гибельнаго сладкогласія этихъ сиренъ. Ибо вышеупомянутые нами мужи, разчитывая на изящество своей рѣчи, какъ на обольстительную приманку, стараются многихъ отвлечь отъ истиннаго благочестія, подражая тому, кто дерзнулъ научить первыхъ человѣковъ многобожію. И я убѣждаю васъ не слѣдовать имъ, но внимать пророчествамъ святыхъ мужей. Если же нерадѣніе или закоренѣлое суевѣріе вашихъ предковъ препятствуютъ вамъ обратиться къ этимъ пророчествамъ, изъ которыхъ вы можете почерпнуть познаніе единаго Бога, что составляетъ первый признакъ истинной религіи, то повѣрьте хоть Орфею, который сперва училъ многобожію, но потомъ избравъ лучшее и полезнѣйшее направленіе для своихъ пѣснопѣній, говорилъ то, что я привелъ не много выше,—повѣрьте другимъ, тоже писавшимъ о единомъ Богѣ ⁽⁸³⁾. Ибо божественное промысленіе о васъ такъ устроило, что всѣ они, хотя невольны, свидѣтельствовали истину пророческаго ученія о единомъ Богѣ, чтобы изъ того, что они отвергли ученіе многобожія, вы могли убѣдиться въ необходимости другаго истиннаго познанія.

⁽⁸²⁾ О такомъ образѣ смерти Аристотеля не говоритъ Діогель Лаэртій; посему думаютъ, что это—выдумка его завистниковъ. Кромѣ Іустина, она повторяется у Григорія Назіанзина въ словѣ противъ Юліана.

⁽⁸³⁾ Т.-е. Сивиллѣ (гл. 16), Гомеру (гл. 17), Софоклу (88), Пиеагору (19) Платону (20 и д.).

37. Но еще легче вамъ будетъ познать истинную религію отчасти изъ словъ древней Сивиллы, которой прорицанія, произшедшія отъ сильнаго вдохновенія, такъ сходны съ ученіемъ пророковъ. Говорятъ, что она родилась въ Вавилонѣ и была дочь Бероза, написавшаго Халдейскую исторію; потомъ, когда—не знаю какъ—она пришла въ предѣлы Кампаніи, начала прорицать въ городѣ, называемомъ Кумы, который, какъ извѣстно, находится въ шести миляхъ отъ Байи, гдѣ находятся Кампанскія бани. Въ бытность свою въ этомъ городѣ мы видѣли тамъ мѣсто, на которомъ находится огромная базилика высѣченная изъ цѣльной скалы, зданіе, великолѣпное и достойное всякаго удивленія: здѣсь—то она возвѣщала свои прорицанія, какъ разсказываютъ тамошніе жители, слышавшіе объ этомъ отъ своихъ предковъ. Въ срединѣ базилики показывали намъ три бассейна, высѣченные изъ того же камня; въ водѣ ихъ она мылась, и одѣвшись удалялась въ внутреннюю часть базилики и тамъ, сѣвши по срединѣ ея на высокомъ сѣдалищѣ, прорицала. Объ этой Сивиллѣ, какъ о прорицательницѣ, кромѣ другихъ писателей, упоминаетъ и Платонъ въ «Федръ». И мнѣ кажется, что, судя по ея прорицаніямъ, Платонъ призналъ пророковъ за людей боговдохновенныхъ. Ибо онъ видѣлъ, что ея древнія предсказанія исполнились на дѣлѣ. Удивляясь имъ, онъ такъ пишетъ въ разговорѣ съ Менономъ, восхваляя пророковъ: «по истинѣ должно назвать людьми боговдохновенными тѣхъ, которыхъ мы называемъ пророками; не ошибемся мы, если скажемъ, что они божественны и боговдохновенны, такъ-какъ словами своими дѣлаютъ многое и весьма важное, сами не зная того, что говорятъ». Здѣсь онъ ясно намекаетъ на проща-

ніе Сивиллы. Ибо она не имѣла способности, какъ поэты по написаніи стиховъ, исправлять и очищать ихъ особенно относительно правильности мѣры ихъ, но во время вдохновенія она прорицала, когда же вдохновеніе прекращалось, она даже забывала сказанное ею. Это и было причиною того, что не всѣ стихи Сивиллы сохранились до нашего времени. Мы сами, бывши въ томъ городѣ, узнали объ этомъ отъ проводниковъ, которые показывали намъ и мѣста, гдѣ она прорицала, и сосудъ, сдѣланный изъ мѣди, гдѣ по ихъ словамъ сохраняется ея прахъ. Между прочимъ какъ слышанное ими отъ предковъ, они рассказывали и то, что получавшіе прорицанія, по своей необразованности, часто искажали правильность размѣра въ ея стихахъ: этой причинѣ приписывали они нестройность нѣкоторыхъ ея стиховъ, такъ какъ прорицательница, по прекращеніи вдохновенія, не помнила ничего сказаннаго, писцы же по своему невѣжеству погрѣшали относительно правильности мѣры стиховъ. На этомъ-то основаніи Платонъ, имѣя въ виду прорицанія Сивиллы, сказалъ о прорицателяхъ слѣдующія свои слова: «они прорицаніями своими дѣлаютъ многое и весьма важное, сами не зная того, что говорятъ.»

38. Но такъ какъ сущность истинной религіи, эллины, еостоятъ не въ стихотворныхъ размѣрахъ и не въ учености, которую вы такъ высоко цѣните; то, оставивши въ сторонѣ стройность стиховъ и рѣчи, безъ всякихъ споровъ обратитесь къ изреченіямъ Сивиллы и смотрите, сколько благъ она доставитъ вамъ, ибо ясно и открыто предсказываетъ пришествіе Спасителя нашего Іисуса Христа, который, будучи Слово Божіе необъятное по могуществу своему, воспринялъ человѣка, созданнаго по образу и по подобію

Божію и возвратилъ насъ къ вѣрѣ прародителей, коихъ потомки оставили ее и начали почитать боговъ несуществующихъ, обольщенные завистливымъ демономъ. Если же вы сомнѣваетесь въ чемъ либо касательно сотворенія чело-вѣка, то повѣрьте тѣмъ, на кого вы еще полагаетесь, по-вѣрьте вашему оракулу, который, когда его просили вос-пѣть гимнъ всемогущему Богу, среди своего гимна такъ сказалъ:

Онъ и перваго смертнаго создалъ и назвалъ Адамомъ.

Этотъ гимнъ тщательно хранятъ очень многіе знакомые намъ люди, для убѣжденія тѣхъ, которые не хотятъ вѣрить истинѣ, свидѣтельствуемой всѣми. Итакъ если вы, эллины, почитаете ваше спасеніе выше ложной выдумки о богахъ несуществующихъ, то вѣрьте древнѣйшей Сивиллѣ, которой книги хранятся по всему міру. Въ нихъ она, движимая мо-гущественнымъ вдохновеніемъ, ясно учитъ, что тѣ, кото-рыхъ вы называли богами, вовсе не существуютъ, и очень ясно и открыто предсказываетъ будущее пришествіе Спаси-теля нашего Іисуса Христа и всѣ его дѣянія. Познаніе этого будетъ для васъ необходимымъ приготовленіемъ къ пророчествамъ святыхъ мужей. Если же кто думаетъ, что онъ принялъ ученіе о Богѣ отъ древнѣйшихъ и знамени-тыхъ философовъ, тотъ пусть послушаетъ Аммона и Гермеса: Аммонъ называетъ въ своихъ сочиненіяхъ Бога всесо-кровеннымъ, Гермесъ же ясно говоритъ о Немъ такъ: «Бога постигнуть весьма трудно, а если кто и востигнетъ Его, то невозможно выразить своего понятія». Итакъ очевидно, что ни откуда нельзя получить познанія о Богѣ и истинной религіи, кромѣ пророковъ, которые учили насъ по божественному вдохновенію.

О ЕДИНОВЛАСТИТЕЛЬСТВѢ.

О СОЧИНЕНИИ „О ЕДИНОВЛАСТИ- ТЕЛЬСТВѢ“.

Въ небольшомъ сочиненіи «о единовластительствѣ (*περί μοναρχίας*)» т.-е. о единствѣ Божіемъ, авторъ послѣ нѣсколькихъ словъ о началѣ языческаго многобожія обличаетъ нелѣпость его и подтверждаетъ христіанское ученіе о единомъ Богѣ, праведномъ судіи всѣхъ людей, свидѣтельствами изъ уважаемыхъ язычниками поэтовъ и писателей какъ-то: Эсхила, Орфея, Софокла, Эврипида, Филемона и Менандра. Показавши ничтожество языческихъ боговъ, писатель убѣждаетъ обратиться къ почитанію единого истиннаго Бога (I—VI гл.).

Это сочиненіе многими учеными (*) было приписываемо св. Іустину Философу на основаніи свидѣтельства Евсевія, который говоритъ: «сверхъ того (до насъ дошло) другое сочиненіе Іустина «о единовластительствѣ Божіемъ», которое онъ доказываетъ не только изъ нашихъ Писаній, но и изъ

(*) Каковы наприм. Дюпень, Нурри, Грабе, Маранъ, Тильмонъ и Отто. Мёлеръ колеблется между отрицаніемъ подлинности этого сочиненія и возможностью приписать его св. Іустину. Земишъ и у насъ преосв. Филаретъ отвергаютъ его подлинность.

сочиненій эллинскихъ» (церк. ист. IV. 18. Сн. Иерон. de viris ill. с. 23. Фот. Biblioth. cod. 125). Но слова Евсевія показываютъ, что въ книгѣ Іустина были приведены мѣста и изъ св. Писанія; извѣстное же нынѣ сочиненіе «о единовластительствѣ» есть ничто иное, какъ сборникъ свидѣтельствъ только изъ языческихъ писателей, и не содержитъ ни слова изъ Писанія. Предположеніе нѣкоторыхъ (Отто), будто первая часть сочиненія, въ которой были собраны библейскія свидѣтельства, по ихъ общеизвѣстности выпущена позднѣйшимъ переписчикомъ,—опровергается самымъ составомъ составомъ сочиненія, представляющимъ полному и тѣсную связь между вступленіемъ и заключеніемъ. Другіе (Маранъ) придаютъ словамъ Евсевія такой смыслъ, что Іустинъ въ томъ сочиненіи доказывалъ единство Божіе «не изъ писаній нашихъ, а изъ языческихъ сочиненій». Но такое толкованіе дѣлаетъ насиліе тексту Евсевія. Кромѣ того ошутительное различіе въ слогѣ, а также взглядъ на происхожденіе языческаго многобожія, по которому оно объясняется изъ постепеннаго забвенія между людьми истиннаго понятія о Богѣ и обоготворенія извѣстныхъ героев (между тѣмъ какъ Іустинъ въ языческихъ богахъ признавалъ демоновъ, происшедшихъ изъ смѣшенія ангеловъ съ человѣческими женами), препятствуютъ признать сочиненіе «о единовластительствѣ» произведеніемъ Іустина, хотя оно и по направленію и по содержанію своему единогласно относится къ апологетической литературѣ II-го вѣка.

Св. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

О ЕДИНОВЛАСТИТЕЛЬСТВѢ. ⁽¹⁾

Человѣческая природа изначала получила вмѣстѣ съ блаженствомъ и разумъ для познанія истины и поклоненія, подобающаго единому Владыкѣ всего, но зависть ⁽²⁾ къ возвышенному достоинству человѣковъ хитро подкравшись къ нимъ обратила ихъ къ дѣланію идоловъ, а съ теченіемъ времени господствующій обычай передаетъ толпѣ заблужденіе, какъ что-то родное и истинное. Долгъ человѣколюбиваго или лучше—боголюбиваго просвѣщать тѣхъ, которые забыли самое важное познаніе. Истина имѣла сама въ себѣ достаточную силу доказать изъ существующаго подъ небомъ премудрость Создателя; но забвеніе о Богѣ, по долготерпѣнію Его, такъ утвердилось въ умѣ людей, что имя приличествующее единому истинному Богу было перенесено на смертныхъ. Зараза зла перешла отъ малаго числа людей ко многимъ, въ которыхъ предразсудокъ толпы помрачилъ знаніе постоянного и вѣчнаго; ибо первые, учредившіе мистеріи и общественныя служенія въ честь извѣстныхъ героевъ,

(1) Т. е. Божіемъ. Слово *μοναρχία* безъ прибавленія *θεοῦ* встрѣчается у Татіана (гл. 14), Теофила (ad Autol. 8). Иринеи по словамъ Евсевія (Ист. V. 20) написалъ письмо къ Флорину *περὶ μοναρχίας*.

(2) Т.-е. врага рода человѣческаго, діавола. Сн. увѣщ. къ эллин. гл. 25.

прервали преданіе вселенскаго вѣрованія (3), которое наконецъ было советѣмъ забыто ихъ потомками. Я же, какъ сказалъ выше (4), движимый боголюбивою мыслию употребляю человѣколюбивый языкъ и постараюсь убѣдить людей, сколько-нибудь смыслящихъ,—а такими должны быть всѣ пользующіеся благами мудраго устройства вселенной,—чтобы они воздавали должное служеніе Тому, кто вѣдаетъ все. Я не буду прибѣгать къ изукрашенной рѣчи; но заимствую доказательства изъ поэтическихъ произведеній, относящихся къ древнѣйшимъ временемъ эллинской исторіи, изъ сочиненій, находящихся во всеобщемъ употребленіи: пусть тѣ, которые предали толпѣ законъ идолослуженія, будутъ обличены въ своемъ неразуміи самими признанными у нихъ поэтами и писателями.

2. И вопервыхъ Эсхиль, изложивъ господствующее въ его время мнѣніе, такъ говоритъ о единомъ Богѣ:

«Бога отличай отъ смертныхъ, и не думай, что Онъ, подобно тебѣ, облеченъ плотію. Ты не знаешь Его; то является Онъ, какъ неукратимая сила огня, то какъ вода, то какъ тьма. Иногда «Онъ бываетъ подобенъ звѣрямъ, вѣтру, облакамъ, молніи, грому, дождю. Ему служатъ море и скалы, рѣки и всякіе потоки. Отъ страшнаго взора Господа трепещутъ горы и земля, безмѣрная глубина моря и недоступная высота горъ, ибо Онъ всемогущъ. «Слава всевышнему Богу» (5).

Не только Эсхиль посвященъ былъ въ вѣдѣніе Бога; но и Софокль такъ изображаетъ величіе единаго Творца вселенной, единаго Бога:

(3) Т.-е. мысли о единомъ Богѣ, которая всюду господствовала прежде, нежели явилось многобожіе и идолопоклонство.

(4) Это указываетъ на предшествующія слова: «долгъ человѣколюбиваго или лучше боголюбиваго просвѣщать.....»

«Единъ по истинѣ, единъ есть Богъ, который создалъ небо и «великую землю, лазуревыя волны моря и порывистые вѣтры. Но »многіе смертныя, заблуждаясь сердцемъ, въ-свое утѣшеніе среди «несчастій сдѣлали идоловъ боговъ изъ камня или дерева, изъ «слоновой кости или золота. Такимъ-то богамъ мы приносимъ «жертвы, посвящаемъ торжественныя собранія, и въ этомъ по- «ставляемъ свое благочестіе» (6)!

И Филемонъ, столь обильный въ изложеніи старины, также не чуждъ познанія объ истинѣ, какъ видно изъ его словъ:

«Какимъ, скажи мнѣ, должно почитать Бога? Онъ тотъ, кото- «рый все видитъ, а самъ не видимъ» (7).

Приведу также свидѣтельство Орфея, который ввелъ триста шестьдесятъ боговъ, но въ книгѣ подъ заглавіемъ «завѣщаніе» раскаялся въ своемъ заблужденіи и вотъ что написалъ:

«Музей! Скажу истину, чтобы прежнія внушенія мои не лиши- «ли тебя блаженной жизни. Взирай на божественное Слово, къ «нему стремись, направляя свое сердце и умъ; иди путемъ пра- «вымъ и знай одного Царя міра. Онъ единъ самобытный; Имъ «однимъ все сотворено; во всемъ Онъ живетъ и никто изъ смерт- «ныхъ не видитъ Его, а самъ Онъ всѣхъ видитъ. Онъ послѣ «добра посылаетъ смертнымъ зло и войну, приводящую въ ужасъ, «и скорби, причиняющія слезы. Нѣтъ другаго кромѣ великаго «Царя. Но Его не вижу я: ибо облако скрываетъ Его отъ взора «смертныхъ. У всѣхъ нихъ очи слабы, чтобы видѣть правителя «всего Зевса. Онъ утвердился на вершинѣ мѣднаго неба, на золо- томъ престолѣ и попираетъ землю ногами; десницу Свою Онъ простираетъ до предѣловъ океана; вокругъ его трясутся огром- ныя горы, рѣки и глубина яснаго лазуреваго моря (8).

(6) Эти слова приводятся также у Климента алекс. (Strom. V. II. 132.) и у Евсевія (праер. evang. XIII, 13). Они, по мнѣнію ученыхъ, не принадлежатъ Эсхилу трагику.

(6) См. Увѣщ. къ Эллин. гл. 18.

(7) Эти стихи приводитъ и Климентъ алекс. (protrept c. 6. 64), приписывая ихъ Эврипиду. Они также подложны. См. Мейнекія. Menandri et Philemonis reliquiae (Berol. 1823).

(8) См. увѣщ. къ Эллин. гл. 15.

Такъ говорить Орфей, будто своими глазами видѣлъ величіе Бога. Согласно съ нимъ говорить и Пиннагоръ:

«Если кто скажетъ: «я Богъ кромѣ единаго», тотъ долженъ со-
«творить міръ, подобный этому, и сказать: «это—мой», и не толь-
ко создать и сказать «мой», но и Самъ обитать въ созданномъ:
тогда (можно сказать, что) онъ созданъ имъ.

3. Что Богъ единый будетъ также судить васъ за дѣй-
ствія, совершенныя вами въ жизни, и за ваше незнаніе о
божественномъ, это могу доказать посредствомъ вашихъ
же собственныхъ свидѣтелей. И сперва приведу слова Со-
фокла:

«Придетъ, придетъ то время, когда золотоцвѣтнй эфиръ от-
«кроетъ обильныя сокровища огня: тогда пожирающее пламя съ
«яростію истребитъ все земное и небесное. Тогда все погибнетъ;
«во всякой глубинѣ изсякнетъ вода, на землѣ не будетъ твердаго
«мѣста и въ ея пламени не будутъ витать пернатыя стаи. Мы
«знаемъ, что два пути ведутъ въ адъ,—одинъ путь праведныхъ, а
«другой—путь нечестивыхъ. Потомъ все будетъ возстановлено,
«что прежде разрушено» (*).

Еще Филемонъ говорить:

«Думаешь ли ты, Никостратъ, что умершіе, которые во время
«жизни своей наслаждались всякимъ удовольствіемъ, схоронятся
«въ землѣ, такъ-что навсегда скроются отъ божества? Есть око
«правды, которое все видитъ. Если одна участь достанется и пра-
«ведному и нечестивому, то ступай кради, воруй, обманывай,
«возмущай. Но не обманывайся: есть и въ адѣ судъ, который со-
«творитъ Богъ, владыка всего, коего имя страшное я не осмѣ-
«люсь и назвать» (*).

(*) Эти стихи приводятся безъ имени автора у Климентя Алекс. (Strom.
V. 14: 122) и у Евсевія (Hær. evanq. XIII. 13). По мнѣнію Гроція (Ex-
cerpt. ex tragœd. et. comœd. græc), они принадлежатъ не древнему, а
позднѣйшему Софоклу.

(*) Эти стихи приписываютъ Дионису Климентю Алекс. (въ указ. мѣстѣ) и
Евсевію (тамъ же).

Эврипидъ говорить:

«Богъ даетъ долгій срокъ жизни съ тѣмъ, чтобы потребовать «отчетъ: смертный, который дѣлая всякій день зло, думаетъ «укрыться отъ Бога, питаетъ напрасную надежду, — среди его «обольщенія внезапно постигаетъ день правосудія. Смотрите вы, «которые думаете, что нѣтъ Бога: вы безразсудно впадаете въ «двойное заблужденіе. Есть, есть Богъ. Если кто живетъ счаст- «ливо среди своихъ неправдъ, пусть воспользуется временемъ; «ибо онъ нѣкогда получить праведное возмездіе» (11).

4. Богъ не умилостивляется возліянiями и куренiями злодѣевъ, но праведно опредѣляетъ каждому изъ нихъ наказанiя. Объ этомъ опять приведу свидѣтельство Филемона:

«Если кто, Памфилъ, приноситъ жертву—множество быковъ, «козловъ или другихъ подобныхъ животныхъ, или дары, посред- «ствомъ искусства приготовленные, хламиды золотыя и пурпуро- «выя или украшенія изъ слоновой кости и смарагда, и думаетъ «такими приношеніями снискать благоволеніе Бога, тотъ заблуж- «дается и думаетъ легкомысленно. Должно быть человѣкомъ чест- «нымъ, не растлѣвать дѣвъ и не прелюбодѣйствовать, не дѣлать «ради корысти воровства и убійства, не смотрѣть съ завистію на «чужое, не желать жены другаго, ни его дома или богатства, ни «его дочери или рабы, ни коней, быковъ или прочаго скота. Не «пожелай, Памфилъ, даже иглы или пояса другаго. Ибо Богъ при- «сутствуя близъ тебя видитъ тебя: Онъ услаждается дѣлами пра- «ведными и ненавидитъ неправду; Онъ устрояетъ, чтобы трудолю- «бивый, днемъ и ночью воздѣлывающій землю, возвышался въ «своемъ благосостояніи. Приноси Богу жертвы въ праведности, «блистая не хламидами, но сердцемъ. Услышавъ громъ не бѣги «прочь, если чиста твоя совѣсть; ибо Богъ присутствуетъ близъ «тебя и взираетъ на тебя» (12).

Еще (13) Платонъ говорить въ Тимей: «кто попытался бы

(11) Эти стихи приводятся, у Климента и Евсевія (въ указ. мѣст.).

(12) См. у Климента Алекс. и Евсевія (въ указ. мѣст.).

(13) Ученые предполагаютъ здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ повидимому должна быть [выражена мысль о превосходствѣ Божеской мудрости и силы предъ человѣческою.

изслѣдовать это на дѣлѣ, тотъ показалъ бы свое незваніе различія человѣческой и божеской природы; потому что Богъ все соединяетъ въ одно и единое можетъ разложить на многое, достаточно (бладая и знаніемъ и могуществомъ; а изъ людей никто не имѣетъ нынѣ и ввсегда не будетъ имѣть на то силы».

5. Что касается до тѣхъ, которымъ приписываютъ вѣкторые святое и совершенное имя и которые по суетному преданію почитаются, какъ боги, то вотъ какъ Менадръ говоритъ о нихъ въ своемъ «всадникѣ»:

«Не нравится мнѣ богъ, странствующій по дорогамъ въ сопровожденіи старухи или вторгающійся въ дома посредствомъ дощечки (14). Истинный Богъ долженъ оставаться у себя и пещисъ «о тѣхъ, которые чтутъ Его» (15).

Тотъ же Менадръ говоритъ въ «жрицѣ»:

«Ни одинъ богъ не спасаетъ одного человѣка отъ ярости другаго; ибо если человѣкъ посредствомъ кимваловъ можетъ какого «нибудѣ бога увлечь, куда хочетъ, то значить онъ могущественнѣе бога. Это, Рода,—продѣлки дерзости и корыстолюбія, изобрѣтенныя для своихъ выгодъ безстыдными людьми на посмѣяніе «наше» (16).

Въ комедіи «ненавистный» Менадръ опять излагаетъ свое мнѣніе о тѣхъ, которые приняты въ число боговъ, или лучше онъ разоблачаетъ ихъ ничтожество:

«Еслибъ я увидѣлъ это, ожилъ бы душою; а теперь... но гдѣ, «Гетта, найдти боговъ столь справедливыхъ?»

Въ «закладѣ» онъ же говоритъ:

И у боговъ, кажется, есть неправедный судъ».

(14) Т. е. богъ рукотворенный, идолъ, который то носится внѣ, то вводится въ дома.

(15) Тоже мѣсто приводится у Климентя алекс. (protr. с. 7. 75). См. Мейнекия: Menandri et Philem. reliqq.

(16) См. Клим. алекс. (Protr. с. 7. 75). Комикъ здѣсь обличаетъ жрецы Цибелы.

Писатель трагическій Эврипидъ говоритъ въ «Орестѣ»:

«Фебъ повелѣлъ мнѣ убить мать: онъ не знаетъ, что хорошо и «справедливо. И мы служимъ богамъ, каковы бы ни были эти «боги. Видишь ли Аполлона, который съ своего трона посреди «земли даетъ смертнымъ свои рѣшительныя изреченія и котораго «слушаемся, что бы онъ ни сказалъ? По его-то слову я убилъ ро- «дившую меня. Его почитайте нечестивымъ и умертвите: онъ «сдѣлалъ преступленіе, а не я. Что же мнѣ было дѣлать? Не мо- «жетъ ли богъ разрѣшить мнѣ преступленіе, которое слагаю на «него?»

Онъ же въ трагедіи «Ипполитъ»:

«Нѣтъ, не справедливо судять такъ боги»

и въ «Іонѣ»:

«Что мнѣ заботиться о дочери Эрехтея? Мнѣ нѣтъ никакого «дѣла до нея. Я пойду въ храмъ, чтобы почерпнуть тамъ воды «въ золотые сосуды и окропить ею... Но мнѣ надо обратиться «съ упреками къ Фебу. Чтѣ онъ дѣлаетъ? Насилуетъ дѣвв, пре- «даетъ дѣтей, тайно рождаемыхъ отъ него, небрежетъ объ уми- «рающихъ. Не будь таковъ ты, если ты владычествуешь,—посту- «пай добродѣтельно. Боги наказываютъ между смертными того, «кто худъ. Какая же справедливость, когда вы пишете законы «для смертныхъ, а сами виновны въ неправдѣ? Если бы тебѣ, «Посидону, и Зевсу, владыкѣ неба, пришлось дать отчетъ смерт- «нымъ за ваши преступныя любодѣнія, то для заглаженія не- «правдъ вашихъ вы были бы принуждены опустошить свои храмы. «Вы безразсудно предаетесь удовольствіямъ и беззаконствуете. «Не слѣдуетъ насъ людей называть худыми, если подражаемъ «примѣрамъ боговъ,—а скорѣе тѣхъ, которые научили этому».

И въ «Архелатѣ»:

«Часто, сынъ мой, боги обманываютъ людей».

И въ «Беллерофонтѣ»:

«Если боги дѣлаютъ зло, они не суть болѣе боги».

И еще тамъ же:

«Кто-нибудь скажетъ, что есть боги на небѣ? Нѣтъ ихъ, нѣтъ; «а кто думаетъ иначе, пусть не повторяетъ глупо стараго заблуж- «денія. Постотрите на самоѣ дѣло, не полагаясь на мои только «слова. Представьте тираннію, котарая многихъ лишаетъ жизни,

«отнимаетъ имущества, вѣроломно опустошаетъ города. И тѣ, «которые совершаютъ такія преступленія, гораздо счастливѣе «людей, мирно проводящихъ дни свои въ благочестіи. Я знаю «многіе малые города благочестивые къ богамъ, которые порабо- «щены большимъ городамъ нечестивымъ, бывъ побѣждены мно- «гочисленностію войска. Я думаю, если кто изъ васъ будетъ мо- «литься богамъ, оставаясь въ праздности и не будетъ трудомъ «рукъ своихъ приобрѣтатъ чѣмъ бы жить, то бѣдствія и злосча- «стія обрушатся на него».

И Менандръ говоритъ въ «Дифилѣ»:

«Того, кто всегда является владыкою всего и отцемъ, того только чтятъ, какъ виновника и создателя столькихъ благъ».

Онъ же въ «Рыбакахъ»:

«Мой богъ—тотъ, кто питаетъ меня».

А такой не требуетъ щедрыхъ даровъ отъ нуждающагося. Тотъ же Менандръ въ «Братяхъ»:

«Съ добрыми людьми всегда есть Богъ, т.-е. умъ, какъ дума- ютъ мудрѣйшіе».

И въ «Игροкахъ на флейтѣ»:

«Все—храмъ для добраго разума; ибо Богъ говоритъ ему чрезъ умъ».

Поэтъ трагическій ⁽¹⁷⁾ говоритъ во «Фрикѣ»:

«Если благочестивый имѣетъ одинаковую участь съ нечести- «выми, то что хорошаго въ томъ, когда и прекраснѣйшій Зевсъ «не печется о правдѣ?»

Въ «Филоктетѣ»:

«Смотрите, какъ и богамъ годится богатство: тотъ возбуждаетъ «удивленіе, кто имѣетъ въ храмѣ больше золота; что же и тебѣ «мѣшаетъ пользоваться прибыткомъ и уподобляться богамъ?»

Наконецъ въ «Гекубѣ»:

«Зевсъ, чтобы ты ни былъ, ибо я знаю тебя только по имени,— «необходимость ли природы или умъ смертныхъ,—я буду тебѣ мо- «литься».

(17) Эврипидъ.

6. Итакъ вотъ въ чемъ выражается добродѣтель и умъ, любящій мудрость: въ томъ, чтобы стремиться къ соединенію и утверженію въ себѣ самомъ разума и блаженства и избирать по свойственной человѣку свободѣ лучшее и не почитать владыками міра подобострастныхъ людямъ, такъ какъ они оказываются даже ниже людей. У Гомера Демодокъ называетъ себя самоучкою, и будучи смертнымъ, говорить: «Богъ вдохнулъ ему пѣсни» (18). Эскулапъ и Аполлонъ учатся врачебному искусству у центавра Хирона: весьма новая вещь—боги учатся у человѣка!! Что сказать о Діонисѣ, котораго поэтъ называетъ яростнымъ, или о Гераклѣ, котораго онъ представляетъ несчастнымъ (19)? Что сказать мнѣ о Марсѣ и Афродитѣ, представителяхъ любви и дѣйства, и какой выводъ изъ всего этого сдѣлать въ подкрѣпленіе моего разсужденія? Если бы кто не зная дѣйствій боговъ, о которыхъ упомянуто, сталъ подражать имъ, то самые худые люди почли бы его чуждымъ человѣческаго образа жизни, а если кто узнаетъ ихъ, то найдетъ вполне справедливымъ избѣгнуть наказаній, указывая на то, что не преступленіе—подражать божескимъ дѣяніямъ. Будетъ ли кто порицать дѣла боговъ,—тогда уничтожить онъ и имена ихъ, извѣстныя по такимъ дѣламъ, и не прикроетъ ихъ никакими красивыми и сладкими рѣчами (20). Надобно прилѣпиться къ истинному и неизмѣнному имени (единого Бога), которое проповѣдуется не моимъ только голосомъ, но и

(18) Одисс. XXII. 347. Но здѣсь говоритъ Фемій, а не Демодокъ.

(19) Гомеръ въ Илиадѣ: VI. 132 и V. 404.

(20) Указывается на попытки объяснить преступныя дѣйствія боговъ, какъ символы явленій природы, напр. разумѣя подъ соитіями Юпитора и Юноны соединеніе земли и воздуха. Маранъ.

тѣми, которые вводятъ васъ въ первоначальное образова-
ніе ⁽²¹⁾, дабы праздно проведши время этой жизни не от-
дать намъ Судіи отчета не только какъ невѣдающимъ не-
бесной славы, но и какъ неблагодарнымъ.

⁽²¹⁾ Т. е. поэтами, изученіе которыхъ входило въ составъ образова-
нія у Грековъ и римлянъ.

ОТРЫВОКЪ О ВОСКРЕСЕНІИ.

ОБЪ ОТРЫВКЪ „О ВОСКРЕСЕНІИ.“

Отрывокъ «о воскресеніи» (*περί αναστάσεως*) найденъ былъ въ парижскомъ кодексѣ такъ называемыхъ паралельныхъ мѣстъ св. Іоанна Дамаскина, гдѣ онъ приводится съ именемъ св. Іустина философа и мученика. Въ десяти главахъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, содержится защита христіанскаго догмата о будущемъ воскресеніи человѣческаго тѣла противъ возраженій язычниковъ и гностиковъ. Вскорѣ по обнаруженіи этого отрывка (*), вопросъ о томъ, можно ли признать его подлиннымъ сочиненіемъ Іустина, породилъ разногласныя мнѣнія, которыя остаются и донынѣ. Между тѣмъ, какъ одни ученые—Тильмонъ, Маранъ, Мёлеръ и особенно Гербигъ (**), отвергали подлинность его, другіе—Грабе, Земишъ и Отто старались защитить мнѣніе о происхожденіи его отъ св. Іустина.

Въ пользу послѣдняго мнѣнія говорятъ кромѣ Іоанна Дамаскина и другія довольно уважительныя свидѣтельства внѣшнія. Правда, Евсевій и Іеронимъ въ перечнѣ писаній св. Іус-

(*) Онъ былъ изданъ Галлуа въ его «Vita et documenta Justini phil. et Martyris. 1622.

(**) Гербига—Comment. crit. de scriptis quae sub nomine Justini circumferuntur. 1833.

тина не приводятъ его сочиненія о воскресеніи. Отто предполагаетъ, что этотъ трактатъ Іустина есть отрывокъ изъ его сочиненія противъ ересей; но сему противорѣчить заглавіе отрывка у Дамаскина, и кромѣ того 1-я глава его носитъ характеръ вступленія къ отдѣльному сочиненію (*). За то св. Меодій патарскій († 311) въ своемъ утраченномъ нынѣ сочиненіи о воскресеніи ссылался на изреченіе Іустина о томъ же предметѣ, котораго нѣтъ въ извѣстныхъ твореніяхъ этого апологета (**); а Прокопій газскій († 527) въ толкованіи на 3-ю гл. Бытія прямо приписываетъ Іустину трактатъ о воскресеніи (***) . Хотя приводимыя ими мѣста не находятся въ сохранившемся до насъ отрывкѣ, но они могли быть въ тѣхъ отдѣлахъ сочиненія, которыя опущены Дамаскинымъ. Кромѣ того въ воззрѣніяхъ автора отрывка не только нѣтъ ничего, что противорѣчило бы подлиннымъ сочиненіямъ св. Іустина, но есть даже мысли, обличающіе близкое средство съ ними: таковы напр. о томъ, что чудеса Христовы имѣли цѣлюю подтвердить воскресеніе мертвыхъ (гл. 4; см. Разг. гл. 69), также о происхожденіи человѣческаго тѣла изъ малой капли сѣмени, какъ доказательствѣ возможности воскресенія силою Божія всемогущества (гл. 5; см. I Апол. гл. 19).

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

(*) См. ниже переводъ гл. I и примѣч.

(**) Фотія Biblioth. cod. 234.

(***) Грабе—Specileg. Patrr. t- II.

ОТРЫВОКЪ О ВОСКРЕСЕНІИ⁽¹⁾

1. Слово истины свободно и самовластно; оно не хочет подлежать испытанію посредствомъ доводовъ, не допускаетъ предъ слушателями изслѣдованія путемъ доказательствъ. Ибо его благородство и достовѣрность требуетъ, чтобы вѣрили тому, кто послалъ его. Слово же истины посылается отъ Бога; посему и свобода его не надменна. Возвѣщаемое свободно, оно справедливо хочетъ, чтобы не требовали доказательствъ предлагаемаго ученія, потому что и нѣтъ иныхъ доказательствъ помимо самой истины, которая есть Богъ. Ибо всякое доказательство сильнѣе и достовѣрнѣе доказываемаго, такъ какъ то, что сперва не было признаваемо, прежде нежели было представлено доказательство, — съ приведеніемъ его получаетъ достовѣрность и утверждается въ своемъ значеніи. Сильнѣе же и достовѣрнѣе истины нѣтъ ничего, такъ что требующій на нее доказательства походить на того, кто относительно являющагося чувствамъ сталъ бы требовать доказательства того, что оче-

(¹) У Іоанна Дамаскина (Sacrae Parallela), этотъ отрывокъ приводится съ слѣдующимъ надписаніемъ: изъ сочиненія св. Іустина философа и мученика о воскресеніи (Ex tōi peri anastaseōs.)

видно. Критеріемъ того, что понимается разсудкомъ, служить ощущеніе, а для ощущенія нѣтъ иного критерія, кромѣ самого ощущенія. Какъ теперь то, что постигаемъ разсудкомъ, мы возводимъ къ ощущенію и имъ повѣряемъ, справедливо или ложно утверждаемое нами, и не дѣлаемъ дальнѣйшей повѣрки, довѣряя самому ощущенію; такъ и ученія, касающіяся міра и человѣка, мы подчиняемъ истинѣ и сообразно съ нею судимъ, худы ли они или нѣтъ, основныя же положенія истины ничѣмъ другимъ не повѣряемъ, вѣря самой истинѣ. Истина же есть Богъ, Отецъ всего, который есть совершенный умъ. Сынъ Его Слово пришелъ къ намъ во плоти, показуя Себя и Отца, и далъ намъ въ Себѣ самомъ воскресеніе изъ мертвыхъ и послѣ того жизнь вѣчную. Это—Исусъ Христосъ, Спаситель нашъ и Господь; въ Немъ-то заключается доказательство и достовѣрность Его самого и всего. Посему тѣ, которые Ему слѣдуютъ, зная Его вѣруютъ въ Него, какъ въ доказательство, и въ Немъ успокоиваются. Но такъ-какъ противникъ ⁽²⁾ не перестаетъ нападать на многихъ и разными способами злоумышляетъ—противъ вѣрующихъ, чтобы отвести ихъ отъ вѣры, а противъ невѣрующихъ, чтобы не стали они вѣровать: то, мнѣ кажется, необходимо и намъ, вооруженнымъ неуязвимыми словами вѣры, воевать съ нимъ ради немощныхъ.

2. Проповѣдники ложнаго ученія говорятъ, что нѣтъ воскресенія плоти; ибо невозможно, чтобы она, подвергшись тлѣнію и разрушенію, возстановилась въ томъ же видѣ. Далѣе, не только невозможно, говорятъ они,—но и бесполезно сохраненіе плоти, и порицаютъ ее, выставляя ея недостатки, и въ ней одной полагаютъ причину грѣховъ,

(2) Т. е. сатана.

такъ-что, по словамъ ихъ, если воскреснетъ плоть, то вмѣстѣ съ тѣмъ возстанутъ и ея недостатки. И они сплетаютъ такіе софизмы: если плоть возстанетъ, то возстанетъ она всецѣло и со всѣми членами или несовершенно. Если она имѣетъ возстать не всецѣло, — это показываетъ безсиліе Бога, такъ-какъ Онъ однѣ части могъ сохранить, а другіе — нѣтъ. Если же плоть будетъ имѣть всѣ части и члены, то не нелѣпо ли это приписывать ей послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, когда Спаситель сказалъ: «не женятся, ни выходятъ замужъ, но будутъ какъ ангелы на небѣ» (3)? Ангелы, говорятъ они — не имѣютъ плоти, не ѣдятъ, не совокупляются; поэтому не будетъ воскресенія плоти. Говоря это и тому подобное, они стараются разбить вѣрующихъ. А есть такіе, которые говорятъ, что и Іисусъ явился только духовно, а не во плоти, и представлялъ видъ только плоти, — стараясь такимъ образомъ лишитъ плоть обѣтованія (3). Итакъ, сперва разрѣшимъ, что кажется имъ неудобопонятнымъ; потомъ же приведемъ доказательства на то, что плоть сохранится.

3. Они говорятъ: если тѣло воскреснетъ всецѣло и будетъ имѣть всѣ члены, то необходимо должны быть и отпращиванія членовъ — зачатіе матки, изліяніе сѣмени въ мужскомъ членѣ и прочее тому подобное. — Пусть это одно будетъ основаніемъ разсужденія: какъ-скоро докажется его ложность, то падетъ и все умозаключеніе ихъ. Конечно вѣрно то, что члены дѣйствующіе совершаютъ тѣ отпращиванія, которыя мы здѣсь видимъ; но нельзя съ несомнѣнностію утверждать, чтобъ они совершали ихъ необходимо по своему первоначальному устройству. Для поясненія ска-

(3) Мѡ. XXII, 30. Марк. XII, 25.

заннаго разсмотримъ слѣдующее. Отправленіе матки есть зачатіе, а мужскаго члена изліяніе сѣмени. Хотя они и будутъ въ состояніи совершать эти дѣйствія, но поэтому не необходимо, чтобы они дѣйствовали по первоначальному своему устройству, ибо видимъ, что многія женщины не зачинаютъ, какъ бесплодныя, хотя и имѣютъ матки: такимъ образомъ существованіе матки не связано необходимо съ зачатіемъ. И не бесплодныя, но расположенныя къ дѣвству удерживаются отъ соитія однѣ съ самого начала, а другія съ извѣстнаго времени. Равнымъ образомъ и мужчины, мы видимъ, соблюдаютъ дѣвство одни съ первой юности, другіе же—съ извѣстнаго времени, такъ-что разрываютъ бракъ—незаконный по причинѣ похоти, съ нимъ соединяющейся (*).

Находимъ также и животныхъ нерождающихъ, хотя имѣющихъ матки, каковы—мулы, между которыми и самцы не рожаютъ. Такимъ образомъ воздержаніе отъ соитія какъ между людьми, такъ и между безсловесными встрѣчается намъ даже прежде будущаго вѣка. И Господь нашъ Іисусъ Христосъ не по другому чему родился отъ дѣвы, какъ для того, чтобы упразднить рожденіе отъ незаконной похоти и показать начальнику зла, что и безъ человѣческаго соитія возможно для Бога образованіе человѣка. И по рожденіи Онъ въ другихъ отношеніяхъ, т.-е. въ пищѣ, питіи и одеждѣ, велъ жизнь плотскую, но не дѣлалъ только того, что относится къ соитію; одни похотѣнія плоти—необходимыя Онъ воспринялъ, а другихъ не необходимыхъ не допустилъ. Ибо плоть, когда лишается пищи, питія и одежды, повреждается, будучи же лишена соитія не предписаннаго закономъ, не терпитъ никакого зла. Кромѣ того,—что уничтожится брачное соитіе

(*) Т. е. воскресенія и новой жизни.

будущемъ вѣкѣ, предсказалъ (Господь), сказавшій: « сыны вѣка сего женятся и выходятъ за-мужъ, сыны же будущаго вѣка ни женятся, ни посягаютъ, но будутъ какъ ангелы на небѣ » (6). Итакъ да не удивляются чуждые вѣры, если плоть, и нынѣ уже оставляющая эти дѣла, будетъ свободна отъ нихъ въ будущемъ вѣкѣ.

4. Такъ, говорятъ они. Значить, если возстанетъ плоть, то возстанетъ такую же, какую умретъ: если умретъ кто съ однимъ глазомъ, то и возстанетъ одноглазымъ, хромой—хромымъ, лишенный другаго какого-либо члена и воскреснетъ такимъ же. — О, по истинѣ ослѣпшіе очами сердца! Развѣ не видѣли они, что на землѣ слѣпые прозирали, хромые ходили по Его слову? Все это дѣлалъ Спаситель, во первыхъ для того, чтобы исполнилось сказанное о Немъ чрезъ пророковъ: « слѣпые прозираютъ, глухіе слышать » и проч. (7), во вторыхъ—для удостовѣренія, что въ воскресеніи плоть возстанетъ всецѣлою. Ибо если Онъ на землѣ исцѣлялъ немощи плоти и возстановлялъ цѣлость тѣла,—тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это въ воскресеніи, такъ-что плоть возстанетъ полною и всецѣлою. Такимъ именно образомъ разрѣшается то, что казалось у нихъ необъяснимымъ.

5. Далѣе, изъ отвергающихъ воскресеніе плоти одни признаютъ его невозможнымъ, другіе говорятъ, что недостойно Бога воскресеніе плоти — ничтожной и презрѣнной, иные же утверждаютъ, что она вовсе не имѣетъ обѣтованія. Прежде всего противъ тѣхъ, которые почитаютъ невозмож-

(5) Иные (Маранъ и Грабе) толкуютъ эти слова такъ: разрываютъ не законный бракъ, совершенный изъ похоти.

(6) Лук. XX, 34—36.

(7) Исаія XXXV, 5; сн. Мѡ. XI, 5.

нымъ для Бога воскресеніе плоти, мнѣ кажется, надо поставить на видъ то, что они сами не видятъ, что на словахъ называютъ себя вѣрующими, а на дѣлѣ оказываются невѣрующими и даже хуже невѣрующихъ. Ибо всѣ народы, почитающіе идоловъ, убѣждены, что для нихъ все возможно, какъ и поэтъ ихъ Гомеръ говоритъ:

..... боги все могутъ
И легко.... (9)

прибавивъ слово *легко*, чтобы показать величіе силы боговъ, а они являются болѣе невѣрующими (чѣмъ язычники). Если язычники приписывали всемогущество идоламъ, богамъ своимъ, которые «имѣютъ уши и не слышатъ, имѣютъ глаза и не видятъ» (9), которые суть демоны, по словамъ Писанія: «боги народовъ—демоны» (10); тѣмъ болѣе мы, содержащіе превосходную и истинную вѣру, должны вѣровать нашему Богу, когда имѣемъ доказательства,—и во первыхъ въ происхожденіи перевозданнаго, такъ-какъ онъ сотворенъ Богомъ изъ земли, а это служитъ достаточнымъ доказательствомъ могущества Божія. Вотъ-рыхъ размышляющіе должны обратить вниманіе на преемственное другъ отъ друга происхожденіе людей и тѣмъ болѣе удивляться сему, что изъ малѣйшей капли влаги образуется такое живое существо. Конечно еслибы это (воскресеніе плоти) было обѣщано и не являлось на дѣлѣ, то оно болѣе другаго не заслуживало бы вѣры, но достовѣрность его свидѣлствуется исполненіемъ. Примѣры воскресенія представилъ намъ Спаситель;

(9) Одисс. X, 306.

(9) Псал. 113, 5. 6.

(10) Псал. 95, 5.

впрочемъ о нихъ скажемъ немного послѣ. Теперь же мы доказываемъ возможность воскресенія, и просимъ извиненія у чадъ церкви въ томъ, что пользуемся доводами по-видимому внѣшними и заимствованными отъ міра: (это дѣлаемъ) во первыхъ потому, что ничто, и самый міръ, не внѣ Бога, такъ какъ онъ есть твореніе Его, вовторыхъ потому, что обращаемъ свою рѣчь къ невѣрующимъ. Если бы мы говорили къ вѣрующимъ, то довольно было бы сказать, что мы вѣруемъ, а въ настоящемъ случаѣ необходимо вести дѣло посредствомъ доказательствъ. Вышеприведенные доводы достаточно доказываютъ возможность воскресенія плоти, но такъ какъ невѣрующіе слишкомъ заражены невѣріемъ, то представимъ болѣе понудительное доказательство, не отъ вѣры, которой они чужды, но отъ невѣрія—матери ихъ, т.-е. отъ основаній, представляемыхъ міромъ. Ибо если такимъ образомъ докажемъ имъ, что возможно воскресеніе плоти, то они достойны будутъ великаго безчестія, когда не могутъ послѣдовать ни указаніямъ вѣры, ни доводамъ отъ міра.

6. Исследователи міра, называемые мудрецами, говорятъ, что вселенную составляютъ—одни, какъ Платонъ—матерія и Богъ, другіе, какъ Эпикуръ — атомы и пустота, иные, какъ наар. Стойки—четыре стихіи огонь, вода, воздухъ и земля. Достаточно упомянуть о наиболѣе господствующихъ мнѣніяхъ. Платонъ говоритъ, что все создано Богомъ изъ матеріи и по Его промысленію, Эпикуръ съ своими послѣдователями утверждаетъ, что все произошло изъ атома и пустоты по какому-то случайному порыву естественнаго движенія тѣлъ, а стойки все производятъ изъ четырехъ стихій при посредствѣ дѣятельности Божіей. При такомъ разногласіи ихъ, у нихъ есть нѣкоторыя общія положенія, всѣми

ими признаваемыя: первое—то, что сущее не может ни произойти изъ ничего, ни разрѣпиться въ ничто и исчезнуть, а другое,—что есть стихіи неразрушимыя. изъ которыхъ происходитъ всякая вещь. Если это такъ,—по началамъ всѣхъ ихъ окажется возможнымъ возстановленіе плоти. Ибо если по Платону существуютъ матерія и Богъ,—та и другой неразрушимы: Богъ занимаетъ мѣсто художника или образователя, а матерія служитъ какъ бы глиною, воскомъ или чѣмъ-нибудь такимъ. Произведеніе, образованное изъ матеріи—статуя или фигура, подлежитъ разрушенію, а самая матерія—глина, воскъ или другой какой видъ вещества—неразрушима. Такъ художникъ образуетъ изъ глины или воска и живо выражаетъ образъ животнаго: если потомъ разрушится его произведеніе, то ему не невозможно смѣшавъ и вновь составивъ то же вещество, сдѣлать такое же изображеніе. Итакъ по Платону Богъ, самъ неразрушимый, притомъ имѣющій матерію неразрушимую, можетъ по разрушеніи образованнаго изъ нея произведенія опять возобновить тотъ же составъ и сдѣлать такую же вещь, какая была прежде. По мнѣнію стоиковъ тѣло происходитъ изъ смѣшенія четырехъ стихій и по разложеніи его на эти стихіи онѣ остаются неразрушимы; по сему возможно четырехъ стихіямъ, получивъ такое же смѣшеніе и сочетаніе по Божію распоряженію, вновь составить то же тѣло, какое онѣ составляли прежде, подобно тому, какъ если кто сдѣлаетъ смѣшеніе изъ золота, серебра и мѣди, потомъ захочетъ разрушить его, такъ—что каждый металлъ будетъ отдѣльно, то можетъ, если захочетъ, опять сдѣлать изъ нихъ тотъ же составъ, какой онѣ прежде сдѣлалъ. Также по Эпикуру атомы и пустота неразрушимы, и изъ атомовъ, въ извѣст-

номъ порядкѣ и положеніи соединившихся, образуются прочія сочетанія и самое тѣло, которое по времени разрушившись разлагается на тѣ же атомы, изъ которыхъ оно произошло. Такъ какъ атомы неразрушимы, то нѣтъ ничего невозможнаго имъ сойтись и соединиться въ томъ же порядкѣ и положеніи и потомъ составить такое же тѣло, какое прежде было изъ нихъ, подобно тому, какъ если мозаическій художникъ сдѣлаетъ изъ камней образъ животнаго, и когда потомъ они распадутся отъ времени или по волѣ художника, то онъ имѣя тѣ же кусочки, можетъ собрать и расположивъ въ подобномъ порядкѣ сдѣлать такое же изображение животнаго. Ужели же Богъ не можетъ отдѣлившіеся другъ отъ друга члены плоти опять совокупить и сдѣлать тѣло тождественное прежде созданному Имъ? Такимъ образомъ достаточно доказано мною возможность воскресенія плоти на основаніи понятій язычниковъ. Если же по понятіямъ невѣрующихъ не оказывается невозможнымъ воскресеніе плоти, то не еще ли болѣе оно возможно по понятіямъ вѣрующихъ? ⁽¹¹⁾.

7. Далѣе слѣдуетъ говорить противъ тѣхъ, которые унижаютъ плоть и говорятъ, что она недостойна воскресенія и небеснаго жительствова, потому что, во-первыхъ, сущность ея есть земля, во-вторыхъ, она полна всякаго грѣха, такъ что принуждаетъ и душу грѣшить вмѣстѣ съ нею. Такіе люди кажется не знаютъ всего дѣла Божія, не знаютъ ни первоначальнаго происхожденія и созданія человѣка, ни того, для чего создано все существующее въ мірѣ. Развѣ Слово не говоритъ: «сотворимъ человѣка по образу нашему и по

⁽¹¹⁾ Какъ бы сокращеніе этой главы предлагаетъ Аѳинагоръ (Suppl. р. Chr. с. 36).

подобію»? О какомъ человѣкѣ Оно говорить? Очевидно, — о плотяномъ. Ибо Слово говоритъ: «и взялъ Богъ персть отъ земли и создалъ человѣка» (12). Ясно, что человѣкъ, созданный по образу Божію, былъ плотяный. Потомъ не нелѣпо ли говорить о плоти, созданной Богомъ по Его образу, что она безславна и ничего не стоитъ? (13) Что плоть есть вещь почтенная предъ Богомъ, это видно во-первыхъ изъ того, что она создана Имъ, такъ какъ изображеніе пріятно ваятелю и живописцу; это же можно цювать и, изъ прочаго творенія міра, ибо то, для чего создано остальное, пріятіе всего для Создавшаго. — Такъ, говорятъ они: но плоть грѣховна, такъ-что и душу принуждаетъ она грѣшнить вмѣстѣ съ нею. Напрасно же они обвиняютъ плоть и, на нее одну возлагаютъ грѣхи той и другой, Ибо какъ плоть можетъ сама по себѣ грѣшнить, если не будетъ начинанія и вызова къ тому со стороны души? Какъ въ парѣ воловъ, если они выдутъ изъ ярма и разлучатся, между собою, ни одинъ изъ нихъ отдѣльно не можетъ пахать, такъ и душа и, тѣдо, по разрушеніи союза, ничего не могутъ сами, по себѣ дѣлать. Если же и одна только плоть грѣховна, то ради ея одной пришелъ Спаситель, какъ Онъ говоритъ: «Я не пришелъ призвать праведныхъ, но грѣшниковъ» (14). Итакъ, если плоть, какъ доказано, почтенна предъ Богомъ и превосходитъе всѣхъ тварей, то она по справедливости должна быть Имъ сохранена.

8. Теперь должно опровергнуть тѣхъ, которые говорятъ,

(12) Быт. I, 26; II, 7.

(13) Такія же мысли, кромѣ Аѳинагора, излагаетъ Тертуллианъ (de resurr. carn. с. 5—7).

(14) Марк. II, 17.

что хотя плоть есть преимущественное дѣло Божіе и пріятнѣе Ему предъ всѣми тварями, однако не имѣетъ она обѣтованія воскресенія. Но не нелѣпо ли то, чтобы созданное съ такимъ тщаніемъ и болѣе всего прочаго почтенное Создатель презрѣлъ до того, что оно обратилось бы въ ничто? Ваятель и живописецъ, если желаютъ, чтобы сдѣланные ими изображенія оставались для ихъ собственной славы, возобновляютъ ихъ, когда онѣ попортятся: а Богъ ужели такъ небрежетъ о Своемъ созданіи, что оно приходитъ въ ничтожество,—не заботясь о возстановленіи его бытія? Мы называемъ напрасно трудившимся того, кто построивъ домъ потомъ раврушилъ бы его или когда онъ разрушился пренебрегалъ бы имъ, будучи въ состояніи возстановить его: Бога же развѣ не обвинили бы мы, что Онъ понапрасну дѣлалъ? Но не таковъ Нелѣбный, не безуменъ Умъ вселенной. Пусть смолкнутъ невѣрующіе, если сами неспособны вѣровать. Богъ призвалъ плоть къ воскресенію, и общаетъ ей жизнь вѣчную. Ибо благовѣствуя спасеніе человѣка, Онъ общаетъ и плоть спасти. Что такое человѣкъ, какъ не животное разумное, состоящее изъ души и тѣла? Развѣ душа сама по себѣ есть человѣкъ? Нѣтъ—она душа человѣка. А тѣло развѣ можетъ быть названо человѣкомъ? Нѣтъ,—оно называется тѣломъ человѣка. Если же ни та, ни другое въ отдѣльности не составляютъ человѣка, но только существо, состоящее изъ соединенія той и другаго, называется человѣкомъ ⁽¹⁵⁾, а Богъ человѣка призвалъ къ жизни и воскресенію: то Онъ призвалъ не часть, но цѣлое, то-есть душу

⁽¹⁵⁾ Такая же мысль почти буквально повторяется у св. Иринея (adv. haer. V. c. b. § 1). См. еще Афинаг. (de resurg. c. 15) и Тертулл. (de resurg. carn. c. 34; adv. Marc. IV. c. 37).

и тѣло. Ибо не нелѣпо ли, тогда-какъ то и другое въ бытіи своемъ связаны во-едино, сохранять одну, а другое—нѣтъ? Поелику, какъ доказано, нѣтъ невозможнаго, чтобы плоть была восстановлена къ бытію, то что за различіе,—чтобы душа сохранилась, а плоть нѣтъ? Или почитаютъ Бога завистливымъ? Но онъ благъ и желаетъ всѣмъ спастись, и не только душа и съ нею плоть слышали Его и проповѣдь Его и увѣровали во Христа Іисуса, но обѣ онѣ были омыты, обѣ дѣлали правду (16). Не звучитъ ли это представлять Бога неблагодарнымъ или несправедливымъ, если Онъ хочетъ одну сохранить, а другую нѣтъ, тогда-какъ обѣ онѣ вѣруютъ въ Него?—Такъ, говорятъ они. Но душа нетлѣнна, ибо она часть и дыханіе Божіе, и посему Ему угодно сохранить Свое и сродное, а плоть тлѣнна и не отъ Него, какъ душа. Итакъ какая благодарность Ему? И какое обнаруженіе Его могущества и благости, если Онъ сохранить то, что по природѣ своей сохранимо и есть часть Его? Такое существо само по себѣ можетъ оставаться цѣлымъ, такъ-что тотъ, кто сохраняетъ душу, не великое дѣлаетъ; ибо ей принадлежитъ неразрушимость, такъ-какъ она есть часть Его, будучи дыханіемъ Его. Но не слѣдуетъ благодарность тому, кто сохраняетъ свое, ибо это значитъ сохранять себя самого. Кто сохраняетъ часть себя самого, тотъ самъ собою сохраняетъ себя, дабы не остаться лишеннымъ той части. Такое дѣло не есть дѣло благаго. Ибо никто не назоветъ благимъ человѣка, который дѣлаетъ что-либо доброе своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это дѣлаютъ и самыя дикія звѣри, которыя если бы имъ нужно было даже умереть

(16) Сн. Ирин. adv. haer. II. с. 29. § 1. Тертулл. de resurr. carn. с. 8.

за дѣтей своихъ, охотно этому подвергаются. Но если кто тоже самое сдѣлаетъ для рабовъ, то по справедливости можетъ назваться благимъ. Посему и Спаситель училъ насъ «любить враговъ», иначе «какая намъ благодарность?»—сказалъ Онъ (17). Такимъ образомъ Онъ показалъ намъ, что доброе дѣло—любить не только рожденныхъ отъ насъ, но и постороннихъ. И что Онъ заповѣдалъ намъ, то Самъ гораздо прежде исполнилъ.

Немного спустя (18).

9. Если Ему ни на что не нужна была плоть, то зачѣмъ и исцѣлялъ ее? И что всего важнѣе, Онъ воскрешалъ мертвыхъ (19). Для чего? Не для того ли, чтобы показать, каково будетъ воскресеніе? Какъ же Онъ воскрешалъ мертвыхъ? Души ли ихъ или тѣла? Очевидно, тѣ и другія вмѣстѣ. Если бы воскресеніе было только духовное (20), то Самъ воскресши долженъ былъ отдѣльно показать тѣло лежащее, от-

(17) Лук. VI, 27, 32.

(18) Такъ Іоаннъ Дамаскинъ приводитъ отрывокъ изъ этого сочиненія. Въ опущенномъ мѣстѣ, какъ предполагаютъ, содержалось доказательство истины *воплощенія* Христова. Далѣе слѣдуютъ положительныя основанія ученія о воскресеніи плоти, заключающіеся 1) въ томъ что Христосъ другихъ воскрешалъ и Самъ воскресъ въ той плоти, которая страдала (гл. 9); 2) въ самомъ понятіи о воскресеніи и 3) въ цѣли пришествія Христова (гл. 10).

(19) Тоже раскрывается у Иринея (adv. haer. V. с. 12—13) и Тертуліана (de resurg. carn. с. 38). См. разг. съ Триф. гл. 69.

(20) Авторъ здѣсь имѣетъ въ виду гностиковъ, которые допуская безсмертіе души и не будучи въ состояніи отвергнуть ясное ученіе Писанія о воскресеніи, на вопросъ: что же воскреснетъ? прибѣгали къ иносказательному изъясненію слова «воскресеніе» и разумѣли подъ нимъ исходъ души изъ тѣла и переходъ изъ здѣшней жизни къ высшему вѣденію. См. у Тертул. de resurg. с. 19,

дѣльно душу существующую. Но этого Онъ не сдѣлалъ, а воскресилъ тѣло, въ Себѣ самомъ подтверждая обѣтованіе жизни. Для чего же Онъ возсталъ въ пострадавшей плоти, какъ не для того, чтобы показать воскресеніе плоти? И желая удостовѣрить въ этомъ, когда ученики Его невѣровали, что Онъ истинно возсталъ тѣломъ, когда они видѣли и сомнѣвались,—Онъ сказалъ имъ: «Еще ли не вѣруете? Видите, это—Я» (21). И предоставилъ имъ осязать Себя и показалъ знаки гвоздей на рукахъ. И когда вполне познали, что это Онъ и въ тѣлѣ находится предъ ними, пригласили Его ѣсть съ ними, чтобы и чрезъ это несомнѣнно убѣдиться, что Онъ истинно воскресъ тѣлесно. Тогда Онъ вкусилъ меда и рыбы. Такимъ образомъ показавъ имъ, что истинно есть воскресеніе плоти, Онъ желая показать—такъ-какъ по Его словамъ (22) «на небѣ житіе наше»—и то, что невозможно плоти взойти на небо, вознесся предъ глазами ихъ на небо, какъ былъ во плоти. Итакъ если кто послѣ всего сказаннаго потребуеть еще доказательствъ воскресенія, тотъ ничѣмъ не отличается отъ Саддукеевъ, потому что воскресеніе плоти есть «сила Божія» (23) и выше всякаго сужденія, бѣдучи подкрѣпляемо вѣрою, и видимо въ дѣлахъ.

Намного спустя.

10. Воскресеніе относится къ плоти умершей, но духъ не умираетъ. Душа находится въ тѣлѣ, а бездушное не живетъ, тѣло, съ удаленіемъ души, не существуетъ. Ибо тѣло

(21) Лук. XXIV, 38, 39.

(22) Сн. Иоанн. XIV, 2, 3. Филипп. III, 20.

(23) См. Мѡ. XXII, 29, гдѣ Христосъ говоритъ саддукеямъ, что они не вѣдаютъ писаній, ни силы Божіей.

есть жилище души, а душа жилище духа. Эти три сохраняются въ тѣхъ, которые имѣютъ покровенную надежду и твердую вѣру въ Бога. Итакъ разсматривая основанія, закладывающіяся въ міръ, мы не находимъ невозможнымъ возстановленіе плоти, съ другой стороны, Спаситель, во всемъ Евангеліи показываетъ сохраненіе нашей плоти: послѣ сего зачѣмъ намъ принимать противное вѣрѣ и гибельное ученіе и безразсудно обращаться вспять, когда услышимъ, что душа безсмертна, а тѣло тлѣнно и неспособно къ тому, чтобы снова ожить? Это и прежде познанія истины слышали мы отъ Пифагора и Платона. Если бы тоже говорилъ Спаситель и возвѣщалъ спасеніе одной только души: то что новаго Онъ принесъ бы намъ сверхъ Пифагора и Платона, со всемъ хоромъ ихъ? А теперь Онъ пришелъ благовѣствовать новую и неслыханную надежду. Подлинно новое и неслыханное дѣло то, что Богъ обѣщаетъ не соблюсти нетлѣнному нетлѣніе, но даровать нетлѣніе тлѣнному. Но начальникъ зла, не будучи въ состояніи исказить иначе это ученіе, выслалъ своихъ апостоловъ, вводящихъ злыя и пагубныя ученія, избравъ ихъ изъ тѣхъ, которые распяли нашего Спасителя: они послали имя Спасителя, но творили дѣла пославшаго ихъ, и чрезъ нихъ самое имя Его подверглось хуленію. Если плоть не возстанетъ, то зачѣмъ ее обуздываемъ и не позволяемъ ей предаваться похотямъ, зачѣмъ не подражаемъ, какъ говорится, врачамъ, которые, имѣя отчаяннаго больного чело-вѣка, который не можетъ выздороветъ, позволяютъ ему исполнять всѣ его пожеланія? Они знаютъ, что онъ умретъ. Это же дѣлаютъ тѣ, которые ненавидятъ плоть и лишаютъ ее, сколько отъ нихъ зависить, наслѣдія: посему-то они безчестятъ ее, какъ имѣющую быть трупомъ. Если же врачъ

нашъ Христосъ, отвлекая отъ нашихъ похотей, предписываетъ плоти нашей свойственный ей цѣломудренный и воздержный образъ жизни, то ясно, что Онъ соблюдаетъ ее отъ грѣховъ, какъ имѣющую надежду спасенія, подобно тому, какъ врачи людямъ больнымъ, имѣющимъ надежду спасенія, не дозволяютъ удовлетворять ихъ прихотямъ.

ТАТІАНЪ И ЕГО АПОЛОГІЯ.

О ТАТІАНЪ И ЕГО АПОЛОГІИ.

Татіанъ — второй писатель-апологетъ христіанства, имя котораго послѣ св. Іустина сохранилось до насъ вмѣстѣ съ его «рѣчью противъ Эллиновъ» (*).

Свѣдѣнія о жизни Татіана скудны и большею частію заимствуются изъ его апологій; а свидѣтельства современныхъ и позднѣйшихъ писателей очень немного пополняютъ пробѣлы, оставленные имъ самимъ. Отечествомъ своимъ онъ называетъ Ассирію (Рѣчь прот. Элл. гл. 42). Если Климентъ александрійскій (**), Епифаній (***) и другіе указываютъ вмѣсто-того на Сирію, то справедливо можно объяснить это не только легкостью замѣны одного слова другимъ, но и тѣмъ, что Сирія была главнымъ поприщемъ позднѣйшей и болѣе извѣстной дѣятельности Татіана. Когда родился

(*) Литература, относящаяся къ Татіану и его трудамъ: *Тенцеля*—de Justino Martyre, Athenagora, Theophilo Antiocheno, Tatiano 1686; *Нурри*—disfertation in Tatiani Assyrii opera; *Марана* — prolegomena къ его изданію апологетовъ (въ *Cursus Patrologiae—Миня*); изъ новѣйшихъ *Даниеля*—Tatianus der Apologet. 1837.

(**) Клим. Strom. III, 12. § 81.

(***) Епиф. aqv. haer. I. 1.

Татіанъ, объ этомъ не говорятъ ни самъ онъ, ни другіе писатели. Если предположить, что онъ послѣ путешествій своихъ по различнымъ странамъ прибылъ наконецъ въ Римъ не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду, а это прибытіе его послѣдовало еще при жизни св. Іустина (150—166 г.), то съ вѣроятностію можно полагать время его рожденія въ концѣ первой или началѣ второй четверти II-го вѣка по Р. Х. Съ раннихъ лѣтъ жизни, любознательный умъ Татіана стремился усвоить все, что входило въ составъ греко-римскаго образованія и особенно въ кругъ занятій риторовъ или софистовъ: миеологию и литературу, философію и исторію. По обычаю тогдашнихъ риторовъ, онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ обширной римской имеріи, посѣщалъ славнѣйшія школы Востока и Запада, изучалъ образованность, нравы, обычаи и религіозные обряды различныхъ народовъ Азіи и Европы, и своими многосторонними познаніями пріобрѣлъ себѣ почетное имя между образованными людьми (гл. 1.).

Но не суетной славы рителя искала его душа, а строгой, нравственно возвышающей истины, рѣшенія выснихъ вопросовъ о Богѣ и мірѣ: для этой цѣли онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ религію народовъ, и даже принялъ посвященіе въ таинства грековъ, вѣроятно элевзинскія (гл. 29). Плодомъ такихъ изученій было горькое разочарованіе. Миеологія съ ея непристойными нелѣпостями, которыхъ не могло прикрасить и аллегорическое истолкованіе миеовъ, богослуженіе съ лицемѣриемъ жрецовъ и безнравственностію народа, искусство, поработенное плоти и распутству, философія полная противорѣчій и разногласій, съ равнодушіемъ или даже пренебреженіемъ къ истинѣ и правдѣ, тщеславіемъ и корыстолюбіемъ ея учителей и учениковъ: вотъ что представилось слово-пытливому духу Татіана. Съ такими впечатлѣніями и опытами онъ прибылъ наконецъ въ Римъ и въ этомъ

средоточіи матеріальнихъ и духовныхъ интересовъ тогдашняго міра онъ встрѣтилъ въ поразительномъ соединеніи всю ложь, нестроеніе, безобразіе коренныхъ стихій и направленій духовной жизни язычества. Глубоко пораженный въ благороднѣйшихъ и священнѣйшихъ требованіяхъ своего духа, Татіанъ пришелъ въ раздумье, погрузился въ самого себя и спрашивалъ, гдѣ же найти истину, въ которой душа его жаждала мира для себя (гл. 29).

Среди тщательныхъ исканій истины въ руки Татіана попались христіанскія книги Свящ. Писанія. Тотчасъ на него подѣйствовала безыскусственность рѣчи, простота писателей, удобопонятность ученія о твореніи міра, предвѣденіе будущаго, превосходство нравственныхъ предписаній и возвышенность догмата объ единомъ Богѣ. Далѣе Татіанъ увидѣлъ высоко-нравственную жизнь христіанъ, чуждую корыстолюбія и тщеславія (гл. 11), особенно цѣломудріе и возвышенный характеръ христіанскихъ женщинъ (гл. 33 и 34), единомысліе въ вѣрѣ, согласіе съ нею въ жизни (гл. 26 и 32) и готовность скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ вѣры (гл. 4); наконецъ убѣдившись, что священныя писанія христіанъ гораздо древнѣе всѣхъ самыхъ древнихъ памятниковъ эллинской образованности, Татіанъ рѣшился отъ нея перейти къ «варварской мудрости» христіанства. Обращеніе его послѣдовало, вѣроятно, въ Римѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Іустиномъ и былъ его ученикомъ или слушателемъ, какъ говоритъ св. Ирмей (*adv. haer. 1, 28*). Трудно опредѣлить, сколько онъ обязанъ былъ своимъ обращеніемъ именно Іустину, но изъ словъ самого Татіана (гл. 31) можно видѣть не только глубокое уваженіе его къ этому христіанскому философу, но и особенно тѣсныя отношенія между ними, по которымъ оба они терпѣли гоненія, оба подвергались опасностямъ особенно со стороны циника Кресцента.

Подобно Іустину, онъ также подвизался въ распространеніи и защищеніи христіанскаго ученія и можетъ-быть преествовалъ ему въ должности наставника основаннаго имъ училища въ Римѣ. Родонъ, писавшій опроверженіе ученія Маркіона, самъ называетъ себя ученикомъ Татіана (Евс. Ц. Ист. V, 13).

Послѣ мученической смерти св. Іустина Татіанъ недолго оставался въ Римѣ. Онъ отправился на востокъ, въ Сирію, и по своему рѣзкому, склонному къ крайностямъ, аскетическому характеру, впалъ въ гностическія лжеученія. Дальнѣйшая внѣшняя судьба его и кончина совершенно неизвѣстны. Время его смерти полагаютъ около 175 года.

Главнѣйшія заблужденія Татіана, по показаніямъ Иринея, Ипполита, Климента александрійскаго и другихъ церковныхъ писателей, состояли въ томъ, что онъ допускалъ невидимыя зоны, подобно Валентину (Ирин.), объяснял слова въ книгѣ Бытія: «да будетъ свѣтъ», какъ просьбу диміурга къ высшему Богу (Климентъ и Оригенъ), отрицалъ возможность спасенія Адама, какъ главы непослушанія (Ирин. Иппол.), отвергалъ бракъ, почитая его блудодѣяніемъ (Ирин.), осуждалъ употребленіе мяса и вина (Иерон. Епиф. Теодоритъ), и поэтому былъ, если не основателемъ, какъ полагаетъ Евсевій, то однимъ изъ значительныхъ представителей секты энкратитовъ. Иеронимъ (Comment Galat. с. 6) приписываетъ сверхъ того Татіану докетическій образъ мыслей о плоти Христа (*).

Что касается литературной дѣятельности Татіана, то Евсевій и Иеронимъ говорятъ, что онъ написалъ очень много

(*) См. *Ирин.* adv. haer. 1, 28; *Ипполит.* Refutat. haer. VIII, 16; *Климент.* Strom. III. Ecl. proph.; *Ориг.* de Oratone § 13; *Тертулл.* de jejun. 15 и de praescr. haer. 52; *Епифан.* haer. 46; *Теодорит.* haeret. fab. 1, 20. Кромѣ того у Евс. и Иерон. въ указанныхъ мѣстахъ.

книгъ (Евс. Ц. Ист. VV, 16 и 29; Іером. catal. 29). Но изъ нихъ дошла до насъ только его апологія христіанства, а прочія извѣстны намъ только по заглавіямъ или очень небольшимъ отрывкамъ. Самъ Татіанъ говоритъ, что онъ написалъ сочиненіе «о животныхъ» (гл. 15), и какъ видно изъ связи его словъ, въ немъ разсуждалъ не только о безсловесныхъ существахъ, но и о человѣкѣ (*). Климентъ александрійскій (Strom, III, 12) приписываетъ ему книгу «о совершенствѣ по ученію Спасителя.» Евсевій (V, 13) упоминаетъ, что онъ трудился надъ «книгою вопросовъ» (*πρωβλημάτων*), въ которой изъяснялись темныя и трудныя мѣста Св. Писанія; и еще составилъ сводъ евангелій, и далъ ему имя *δια τεσσαρων* (по четыремъ). Свойства и составъ этого послѣдняго весьма замѣчательнаго труда доннынъ составляетъ предметъ спора между учеными, по недостатку точныхъ и обстоятельныхъ показаній древнихъ церковныхъ писателей (**). Еще во время Θεодорита (+458) существовало значительное количество Татіанова діатессарона и вотъ что сообщаетъ о немъ Θεодоритъ (haer. fab. 1, 20). Татіанъ составилъ евангеліе названное діатессаронъ, опустивши родословія Христа и другія мѣста, показывающія, что Господь по плоти происходилъ отъ сѣмени Давідова. Этимъ евангеліемъ пользовались не только послѣдователи Татіана, но и православные христіане, какъ книгою весьма удобною, не зная лукавства этого свода. Самъ Θεодоритъ нашель болѣе 200 экземпляровъ его въ церквахъ своего округа (Кира), отобралъ ихъ и замѣнилъ каноническими евангеліями четырехъ евангелистовъ.

(*) Кроме того Татіанъ намекаетъ на другое сочиненіе (гл. 16) и объщаетъ (гл. 40) книгу -противъ тѣхъ, которые разсуждали о божественныхъ дѣлахъ.-

(**) См. Даниеля Tatian der Apologet, и Земиша, Tatiani Diatessaron. Vratisl. 1856.

Но лучше и полезнее всех, произведений Татиана, — как говорить Евсевий (IV, 29) — его апология христианства, подь заглавиемъ: «Рѣчь противъ эллиновъ». Она была написана вскорѣ по обращеніи его къ вѣрѣ Христовой, когда онъ еще не уклонился къ гностическимъ лжеученіямъ. Это видно изъ того, что онъ говоря о матеріи (гл. 5 и 6) приписываетъ сотвореніе ея истинному Богу, утверждаетъ воскресеніе тѣлъ человѣческихъ и воплощеніе Сына Божія (гл. 21), говоритъ, что нѣтъ ничего худаго въ твореніи, какъ оно вышло изъ рукъ Божіихъ (гл. 17), и ясно признаетъ свободу воли человѣческой и зло почитаетъ злоупотребленіемъ этой способности (гл. 11): положенія совершенно противоположныя гностическимъ началамъ.—При всей видимой нестройности по своей внѣшней формѣ, апология Татиана представляетъ раскрытіе одной главной мысли о рѣшительномъ превосходствѣ христіанской религіи предъ язычествомъ. Защищая христіанство апологетъ очень часто превращаетъ свою рѣчь въ нападеніе на противниковъ своихъ. Съ первыхъ же словъ онъ открываетъ свою рѣчь обличеніемъ эллиновъ за то, что они гордятся своею образованностію, своими искусствами, науками и учрежденіями: все, что они имѣютъ по этой части, не ихъ изобрѣтеніе, но заимствовано отъ другихъ не-эллинскихъ народовъ, и многое притомъ искажено ими (гл. 1); эллинскіе философы также не представляютъ ничего достойнаго уваженія, будучи подвержены различнымъ порокамъ, спорамъ и несогласіямъ между собою (2—3). Поэтому нѣтъ основанія ненавидѣть христіанъ за то, что они оставляютъ эллинизмъ, и во всемъ будучи покорны законному правительству, чтутъ единаго истиннаго Бога и скорѣе готовы умереть, нежели отвергнуться Его (гл. 4).

Послѣ такого вступленія Татианъ раскрываетъ въ первой части своей рѣчи (5 — 30 гл.) внутреннее достоинство христі-

анской религии и превосходство ея предъ язычествомъ какъ въ отношеніи къ догматамъ такъ и къ нравственности и ея внѣшнимъ проявленіемъ. Для сего онъ излагаетъ христіанское ученіе о единомъ Богѣ, невидимомъ и непостижимомъ, Творцѣ видимаго и невидимаго, и о Словѣ, рожденномъ изъ Его существа прежде созданія всего, о сотвореніи міра, ангеловъ и человѣка, ихъ паденіи, о способѣ возстанія падшаго человѣка, о воскресеніи тѣла. За тѣмъ въ противоположность высоко-нравственной жизни христіанъ изображаетъ разныя стороны жизни эллинской, какъ плодъ и выраженіе религіознаго сознанія — публичныя зрѣлища съ актерами, борцами и гладіаторами, мелочность философовъ и грамматиковъ, и проч., и наконецъ объясняетъ переходъ свой въ христіанство. Во *второй* части апологетъ доказываетъ историческими свидѣтельствами языческихъ писателей глубочайшую древность христіанской религии, поставляя въ сравненіе Моисея съ одной стороны, а съ другой Гомера и предшествующихъ поэтовъ (31—41). Въ заключеніи (42) онъ объясняется о самомъ себѣ, своей родинѣ, прежнемъ образѣ мыслей и о сознательномъ принятіи новаго ученія, которому онъ ненамѣренъ измѣнить.

Апология Татіана была въ великомъ уваженіи въ древнія времена христіанства, несмотря на то, что онъ помрачилъ славу своего имени заблужденіями, въ которыя впалъ въ позднѣйшій періодъ своей жизни. Ею пользовались какъ образцомъ, изъ нея приводили отрывки въ своихъ сочиненіяхъ Аѳинагоръ, Климентъ александрійскій, Тертуллианъ, Евсевій и друг. Въ ней писатель является христіаниномъ, свободнымъ отъ чисто-гностическихъ мнѣній; но вмѣстѣ человѣкомъ весьма образованнымъ, хорошо знакомымъ со всѣми отраслями греческой литературы, въ которомъ съ обширною ученостію соединяется остроуміе и способность метко вы-

ставить слабыя стороны языческой жизни. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ глубоко развращенной среды современнаго ему общества и представителей его интересовъ и стремленій, Татіанъ не умѣлъ сохранить спокойное безпристрастіе и строгое уваженіе къ истинѣ. Справедливо нападая оружіемъ порицанія и насмѣшки на языческое многобожіе, публичныя игры и зрѣлища, пустоту философія того времени, особенно въ лицѣ циниковъ, и пр., онъ беспощадно относится ко всему прошлому греческаго народа, не признаетъ за нимъ никакихъ заслугъ, оспариваетъ славу благороднѣйшихъ людей древности (напримѣръ, Платона), которымъ платили дань уваженія другіе апологеты христіанства, особенно учитель Татіана св. Іустинъ.

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

ТАТІАНА

РЪЧЬ ПРОТИВЪ ЭЛЛИНОВЪ.

1. Не будьте, эллины, враждебно расположены къ варварамъ ⁽¹⁾ и не питайте ненависти къ ихъ ученіямъ. Ибо, какое изъ вашихъ учрежденій получило начало не отъ варваровъ ⁽²⁾? Славнѣйшіе изъ Телмиссянъ ⁽³⁾ изобрѣли искусство предсказывать по снамъ; Карійцы — искусство предузнавать по звѣздамъ, Фригійцы и древнѣйшіе изъ Исаврянъ по полету птицъ, Кипряне по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Астрономію изобрѣли Вавилоняне, магію Персы, геометрію Египтяне, письмена Финикіяне. Поэтому перестаньте называть своими изобрѣтеніями то, что переняли отъ другихъ. Орфей научилъ васъ поэзіи и пѣнію; онъ же ввелъ у васъ посвященіе въ таинства. Тусканцы изобрѣли пластику; лѣтописи Египтянъ научили васъ составленію исторій.

(1) Подъ варварами разумѣются здѣсь всѣ племена и народы, не принадлежащіе къ образованной греческой націи, — какъ народы восточные вообще (Персы, Египтяне и пр.), такъ въ особенности Евреи вмѣстѣ съ христіанами.

(2) Подобное см. у Климента александр. (Strom. t. c. 16.), у Θεοδοριτα (de cur. and. affect. lib. 1) и Грѣг. Назіана. (Orat. 3).

(3) Жители Телмисса, города карійскаго, въ 60 стадіяхъ отъ Галикарнасса, были знамениты своими предсказаніями.

А отъ Марсія и Олимпа вы приняли искусство играть на флейтѣ: они оба Фригійцы, оба изъ поселянъ, открыли гармонію звуковъ на этомъ инструментѣ. Тирренцы изобрѣли игру на трубѣ, Циклопы обработываніе мѣди; писать письма выдумала, по свидѣтельству Гелланника, женщина нѣкогда бывшая царицею Персовъ, которой имя было Атосса. Итакъ оставьте это высокоуміе и не хвалитесь своимъ краснорѣчіемъ; вы, когда сами хвалите себя, употребляете пристрастныхъ защитниковъ. Необходимо, чтобы тѣ, которые приписываютъ себѣ подобную славу, если только они мудры, ожидали свидѣтельства отъ другихъ, и чтобы были согласны между собою и въ произношеніи словъ. А только у васъ однихъ употребляется въ разговорахъ не одна и та же рѣчь: не одно и то же нарѣчіе у Дорійцевъ и Аттиковъ, и Еолийцы говорятъ не такъ, какъ Іонійцы. Когда такое разногласіе существуетъ между тѣми, у которыхъ не слѣдовало бы ему быть, то не могу рѣшить, кого я долженъ называть эллиномъ. Притомъ, что всего безразсуднѣе,—вы гордитесь звъ выраженіями несродными вамъ, и нерѣдко употребляя слова иностранныя, сдѣлали языкъ свой смѣшаннымъ. Поэтому я отказался отъ вашей мудрости, хотя весьма славился въ ней. Вотъ какъ говоритъ комикъ о вашихъ мудрецахъ: «Это безплодныя виноградныя лозы, болтуны, собраніе ласточекъ; искажители искусства» (*). Ревнители этой мудрости кричатъ во все горло и каркаютъ подобно воронамъ. И въ самомъ дѣлѣ, краснорѣчіе вы употребляете на неправду и клевету; за деньги продаете свободу вашего слова и часто, что нынѣ признаете справедливымъ, то въ другое время представляете зломъ. Поэзія служитъ у васъ къ тому, чтобы изо-

(*) Аристофан. Ран. 92.

бражать битвы, любовныя похожденія боговъ и растлѣнность души.

2. Что хорошаго приобрѣли вы отъ философствованія? кто изъ отличившихся въ немъ былъ чуждъ тщеславія? Діогенъ, который хвастался своею бочкою и хвалился воздержаніемъ, съѣлъ неваренаго полипа, и пораженный болѣзнію внутренностей, умеръ жертвою невоздержанія. Аристиппъ, ходившій въ пурпурной одеждѣ, согласно своему убѣжденію, велъ распутную жизнь. Платонъ философъ былъ проданъ Діонисіемъ за обжорство (5). Аристотель, который неразумно положилъ предѣлъ Провидѣнію и ограничилъ счастье тѣми предметами, которые ему нравились, вопреки долгу наставника, слишкомъ льстилъ Александру, забывши, что онъ еще юноша; и этотъ ученикъ, вполне согласно съ уроками Аристотеля, заключилъ друга своего (6) какъ льва или леопарда, и такъ возилъ его съ собою за то, что тотъ не захотѣлъ воздавать ему поклоненія. Точно также онъ слѣдовалъ наставленіямъ учителя, когда показывалъ на пирахъ мужество и храбрость и пронзилъ копьемъ самого дорогаго друга своего (7), а послѣ того плакалъ и лишалъ себя пищи, подъ предлогомъ печали, чтобы не подвергнуться ненависти близкихъ своихъ. Смѣшны для меня и нынѣшніе послѣдователи его ученія; между тѣмъ какъ утверждаютъ, что Провидѣніе не простирается на подлунныя вещи, они будучи ближе къ землѣ, чѣмъ луна, и находясь ниже ея орбиты, берутъ на самихъ себя

(5) Татіанъ, а также Тертуліанъ (Apoloq. с. 46) и другіе изъ писателей церкви, по невѣденію повторяютъ клевету на Платона, пущенную его врагами. См. *Acta Platons Leben u. Schriften*; также *Карцова* въ его изданіи Твореній Платона въ русскомъ переводѣ.

(6) Каллисеева.

(7) Крита.

попеченіе о томъ, что оставлено Провидѣніемъ. По ученію Аристотеля не могутъ быть счастливы тѣ, которые не имѣютъ ни красоты, ни богатства, ни здоровья тѣлеснаго. ни знатности. И такіе-то люди пусть считаются философами.

3. Не могу одобрить Гераклита, который будучи только самому себѣ обязанъ своимъ знаніемъ и гордясь этимъ, говорилъ: « Я изслѣдовалъ себя. » Не похвалю и того, что онъ скрылъ свою поэму ⁽⁸⁾ въ храмѣ Артемиды для того, чтобы въ послѣдствіи выдать ее за таинственное произведеніе; и какъ знающіе это утверждаютъ, трагикъ Эврипидъ часто ходившій въ то мѣсто и читавшій тамъ, спустя немного передалъ тщательно для потомства мракъ Гераклита. Но смерть послѣдняго обличила его невѣжество. Ибо когда онъ сдѣлался боленъ водяною, то, дѣйствуя въ отношеніи къ медицинѣ также какъ въ философіи, обложилъ себя испражненіемъ быковъ; когда навозъ окрѣпъ и стянулъ все тѣло, то онъ отъ разрыва умеръ. Нечего также слушать и Зенона, который учитъ, что чрезъ сожженіе тѣ же люди опять воскреснутъ на такіе же подвиги, именно: Анить и Мелить для обвиненія, Бузирисъ для умерщвленія своихъ гостей, Геркулесъ для возобновленія геройскихъ подвиговъ. Онъ въ этомъ ученіи о сожженіи вводитъ больше людей нечестивыхъ, чѣмъ праведныхъ, потому что одинъ только былъ Сократъ, одинъ Геркулесъ, и другихъ подобныхъ людей было немного, а напротивъ очень мало. А злыхъ людей найдется гораздо больше, чѣмъ добрыхъ. По его также мнѣнію Богъ есть виновникъ зла и пребываетъ въ нечистыхъ мѣстахъ, въ червяхъ

⁽⁸⁾ Т. е. сочиненіе Гераклита «О естествѣ» (*περὶ ἀσσεως*). По темнотѣ его, и самъ авторъ еще у древнихъ получилъ прозваніе «темнаго» (*σχεττικος*). На это сочиненіе Татіанъ намекаетъ немного послѣ, называя его «мракомъ Гераклита.»

и въ дѣлающихъ непотребное. Хвастовство Эмпедокла обличили огненныя изверженія въ Сициліи, потому что онъ не будучи богомъ готовъ былъ обмануть, будто онъ Богъ (9). Смѣюсь надъ бабьими сказками Терекида, Пинеагора, принявшаго его мнѣніе, и Платона, который былъ въ этомъ его подражателемъ, хотя нѣкоторые не хотятъ этого признать (10). Кто одобритъ открытыя брачныя соитія Кратеса, или лучше кто не оставитъ безумную ярость языка подобныхъ ему философовъ и не обратится къ изслѣдованію того, что по истинѣ хорошо? Посему не должны привлекать васъ торжественныя собранія философовъ, которые вовсе не философы, которые противорѣчатъ сами себѣ и болтаютъ, что каждому придетъ на умъ. Много и у нихъ распрей; одинъ другаго ненавидитъ, спорятъ между собою во мнѣніяхъ, и по своему тщеславію избираютъ себѣ высшія мѣста. Въмѣсто того, чтобы предупредительно раболѣпствовать царственнымъ лицамъ или льстить начальникамъ, надлежало, чтобы они ожидали, пока важныя особы сами придутъ къ нимъ.

4. Зачѣмъ вы, эллины, какъ въ кулачномъ бою, хотите возбудить противъ насъ общественныя власти? За что я подвергаюсь ненависти, какъ самый преступный человекъ, если не хочу пользоваться учрежденіями нѣкоторыхъ? Велитъ ли царь платить подати? я готовъ. Велитъ ли господинъ служить и повиноваться? я признаю себя рабомъ. Ибо человека нужно почитать почеловѣчески; но бояться должно только Бога, Котораго нельзя видѣть человѣческими глазами и выразить никакимъ искусствомъ. Если мнѣ велятъ отвергнуть—

(9) Онъ бросился въ пылающую Этну и тѣмъ какъ будто бы хотѣлъ достигнуть того, чтобы подумали, что онъ исчезъ и взять на небо; но выброшенная изъ горы обувь его показала противное. *Маркъ*.

(10) Разумѣется здѣсь ученіе о метемпсихозѣ или переселеніи душъ.

ся Его, въ этомъ только не послушаюсь и скорѣе умру, чѣмъ покажу себя лжецомъ и неблагодарнымъ. Богъ нашъ не получилъ начала во времени, потому что Онъ одинъ безначаленъ и Самъ есть начало всего. «Богъ есть Духъ» ⁽¹¹⁾ не живущій въ матеріи ⁽¹²⁾, но Создатель вещественныхъ духовъ и формъ матеріальныхъ, Онъ невидимъ и неосязаемъ, ибо Онъ самъ виновникъ вещей чувственныхъ и вещей невидимыхъ. Его мы познаемъ чрезъ твореніе Его, и невидимое могущество Его постигаемъ чрезъ дѣла Его ⁽¹³⁾. Не хочу поклоняться творенію, созданному Имъ для насъ. Солнце и луна для насъ сотворены; какъ же я буду поклоняться слугамъ своимъ? Какъ я признаю за боговъ деревья и камни? Духъ, проникающій матерію, ниже божественнаго Духа; и такъ какъ онъ уподобляется душѣ, не достоинъ почести одинаковой съ совершеннымъ Богомъ. Кромѣ того мы не должны умилять неизяснимаго Бога посредствомъ какихъ-либо даровъ; ибо Онъ ни въ чемъ не нуждается и потому не долженъ быть нами преклоняемъ, какъ нуждающійся. Но я изложу яснѣе наше ученіе.

5. Богъ былъ въ началѣ: а начало есть, какъ мы приняли, разумная сила ⁽¹⁴⁾. Господь всего, будучи основаніемъ всего, прежде сотворенія міра былъ одинъ; поелику же Онъ

⁽¹¹⁾ Сн. Іоан. IV, 24.

⁽¹²⁾ Апологетъ не отрицаетъ здѣсь вездѣприсутствіе и вседѣйственность Бога, но спорить противъ пантеистическаго ученія стоиковъ, которые представляли Бога подобнымъ душѣ, живущей въ тѣлѣ, и проникающимъ всѣ матеріальныя явленія природы.

⁽¹³⁾ Сн. Римл. 1, 20.

⁽¹⁴⁾ Выраженіе «въ началѣ» (*in archē*) означаетъ бытіе Божіе до сотворенія міра; а непосредственно затѣмъ употребленное слово «начало» указываетъ на начало въ смыслѣ принципа или основанія бытія, которое есть разумная, духовная сила (*λογική δύναμις*), а не что-либо физическое или вещественное.

есть сила и основаніе видимаго и невидимаго, то вмѣстѣ съ съ Нимъ было все; съ Нимъ существовало, какъ разумная сила, и само Слово, бывшее въ Немъ. Волею Его простаго существа произошло Слово, и Слово произошло не напрасно (15)—оно становится перворожденнымъ дѣломъ Отца. Оно, какъ мы знаемъ, есть начало міра. Родилось же Оно чрезъ сообщеніе, а не чрезъ отсѣченіе. Ибо что отсѣчено, то отдѣляется отъ первоначала. А что произошло чрезъ сообщеніе и приняло свободное служеніе, то не уменьшаетъ того, отъ кого произошло. Какъ отъ одного факела зажигается много огней, и притомъ свѣтъ перваго факела не уменьшается отъ зажженія многихъ факеловъ: такъ и Слово, происшедшее отъ могущества Отца, не лишило Родителя Слова. Вотъ и я говорю, а вы слушаете, но отъ передачи слова я бесѣдующій не лишюсь слова, но произнося звуки я хочу привести у васъ въ порядокъ ту матерію, которая прежде была безъ порядка. И какъ Слово, въ началѣ рожденное, въ свою очередь произвело нашъ міръ, создавши Самъ себѣ вещество, такъ и я, по подражанію Слову, будучи возрожденъ и просвѣщенъ познаніемъ истины, благоустрою смѣшеніе сродной матеріи Матерія не безначальна, какъ Богъ, и не имѣетъ власти равной съ Богомъ, какъ безначальная; но она получила начало и не отъ кого-нибудь другаго произошла, а произведена единымъ Творцемъ всего.

6. Посему мы вѣруемъ, что по окончаніи всего будетъ воскресеніе тѣлъ—не такъ какъ учать стояки, по мнѣнію ко-

(15) Выраженіе «волею Его простаго существа» не заключаетъ въ себѣ позднѣе явившейся аріанской мысли, а даетъ видѣть въ рожденіи Сына Божія или Слова не дѣйствіе физической, какъ бы вещественной необходимости, а духовное, какъ актъ воли въ безусловнo-духовномъ существѣ Божіемъ.

торыхъ послѣ нѣкоторыхъ періодовъ времени одни и тѣ же существа всегда являются и погибають безъ всякой пользы, — но однажды, по исполненіи нашихъ вѣковъ, и единственно ради возстановленія однихъ человѣковъ для суда. Судъ же производить надъ нами не Миносъ, не Радамантъ, прежде смерти которыхъ будто бы ни одна душа, какъ баснословятъ, не была судима, — но Самъ Богъ Творецъ будетъ судьбою. Хотя вы назовете насъ пустословами и болтунами, но для насъ это не важно, потому что мы вѣруемъ вслѣдствіе вотъ какихъ основаній. Какъ я, не существуя прежде рожденія, не зналъ, кто я былъ, а только пребывалъ въ сущности плотскаго вещества, а когда я, не имѣвшій прежде бытія, родился, то самымъ рожденіемъ удостовѣрился въ своемъ существованіи; такимъ же точно образомъ я родившійся, чрезъ смерть переставая существовать и быть видимымъ, опять буду существовать, по подобію того, какъ нѣкогда меня не было, а потомъ родился. Пусть огонь истребитъ мое тѣло, но міръ приметъ это вещество, разсѣвшееся подобно пару; пусть погибну въ рѣкахъ или моряхъ, пусть буду растерзанъ звѣрями, но я сокроюсь въ сокровищницѣ богатаго Господа. Человѣкъ слабый и безбожникъ не знаетъ, что сокрыто; а Царь Богъ, когда захочетъ, возстановитъ въ прежнее состояніе сущность, которая видима для Него одного.

7. Небесное Слово, Духъ (16) получившій бытіе отъ Отца и Слово родившееся отъ разумнаго могущества, по примѣру Отца родившаго Его, сотворило человѣка—во образъ безсмертія, дабы какъ Богъ безсмертенъ, такъ и человѣкъ, по-

(16) Духъ здѣсь означаетъ вообще духовное существо.

лучившій причастіе божества, имѣлъ также и безсмертіе. Впрочемъ Слово, прежде сотворенія человѣковъ, создало ангеловъ. Тотъ и другой видъ творенія созданы свободнымъ и не по естеству добрымъ, ибо это принадлежитъ одному Богу, а люди могутъ дѣлаться добрыми по свободному опредѣленію воли своей, такъ что нечестивый по справедливости будетъ наказанъ, потому что сдѣлался худымъ чрезъ себя, и праведникъ по достоинству получитъ похвалу за добрыя дѣла, потому что онъ по свободѣ своей не преступалъ воли Божіей. Таково дѣло по отношенію къ ангеламъ и человѣкамъ. Слово же, по своему могуществу имѣя въ Себѣ предвидѣніе того, что имѣеть произойти, не по опредѣленію судьбы, но отъ свободнаго произволенія избирающихъ, предсказывало будущія событія, остававливалло зло запрещеніями, и похвалою поощряло тѣхъ, которые пребывали въ добрѣ. И когда люди послѣдовали одному (ангелу), который по своему первородству былъ мудрѣе прочихъ, и приняли его за Бога, хотя онъ возсталъ противъ закона Божія, то могущество Слова отлучило отъ общенія съ Собою, какъ начальника безумія, такъ и послѣдователей его. Вслѣдствіе этого сотворенный по образу Божію оставляется высшимъ духомъ ⁽¹⁷⁾ и дѣлается смертнымъ, а тотъ первородный за свое преступленіе и безразсудство сталъ демономъ; вмѣстѣ съ нимъ и тѣ, которые подражали ему и увлеклись его мечтаніями, составили полкъ демоновъ и по причинѣ свободной воли преданы своему безумію.

8. Эти послѣдніе сдѣлали людей жертвою своею отступничества. Они, показавши людямъ порядокъ расположенія

⁽¹⁷⁾ Т.-е. духомъ, какъ высшимъ началомъ души, которое есть образъ и подобіе Божіе.

звѣздъ, какъ играющіе въ кости, ввели судьбу, которая чужда справедливости, ибо судья ли кто или подсудимый, такими сдѣлались по опредѣленію судьбы; убійцы и убиваемые, богачи и бѣдняки — порожденія той же судьбы, и всякое рожденіе, какъ на сценѣ, доставляетъ наслажденіе тѣмъ, которые, какъ говорить Гомеръ.

Смѣхъ несказанный воздвигли... ⁽¹⁶⁾

Какъ не признать смертными (боговъ), которые смотрятъ на единоборцевъ и каждый покровительствуетъ своему (изъ единоборцевъ), или того, кто женится, растлѣваетъ отроковъ, и дѣлаетъ блудъ, кто смѣется и сердится, кто убѣгаетъ и получаетъ рану? Ибо они своими дѣйствіями, которыми открыли себя людямъ, каковы они, — возбуждаютъ и людей подражать имъ. И сами демоны вмѣстѣ съ вождемъ своимъ Зевесомъ, не подчинены ли также судьбѣ, такъ какъ они поработились тѣмъ же страстямъ, какимъ и люди? Кромѣ того какъ почитать тѣхъ, у которыхъ величайшее разногласіе во мнѣніяхъ? Говорятъ, что Рея, называемая у жителей фригійскихъ горъ Цибелю, узаконила отсѣченія постыдныхъ членовъ изъ-за Атиса, котораго она любила; напротивъ, Афродитѣ нравились брачныя совокупленія; Армеида — волшебница, Аполлонъ — врачъ. Аѳина и Эскулапъ раздѣляли между собою капли крови послѣ отсѣченія головы у Горгоны, любовницы Нептуна, отъ которой произошли Пегасъ конь и Хризаоръ: этими каплями крови Эскулапъ возвращалъ здоровье, а другая посредствомъ той же крови сдѣлалась челоуѣкоубійцею и производительницею войнъ. Мнѣ кажется, аѳиняне, не желая унижить этой бо-

(16) Гом. Илиад. I, 599 и Одисс. VIII, 326.

гнии, приписали землѣ сына, рожденнаго отъ совокупленія съ Гефестомъ, чтобы не думали, что Минерва Гефестомъ лишена дѣвства, какъ Аталанта—Мелеагромъ. Ибо Гефестъ совершенно хромой, дѣлавшій кольца и серьги, этими женскими украшеніями сумѣлъ обольстить неимѣвшую матери и сиротствующую дѣвочку (19). Посидонъ управляетъ кораблями, Марсъ любитъ войны, Аполлонъ музыкантъ, Діонисъ дѣлается тираномъ Фивянъ, Кроносъ цареубійцею. Зевесъ совокупляется съ дочерью и она отъ него родить. Объ этомъ свидѣлствуютъ элевзинскія таинства, драконъ таинственный (20) и Орфей, который говоритъ: затворите двери для непосвященныхъ (21). Плутонъ похищаетъ Прозерпину и его дѣянія дѣлаются мистеріями; Деметра оплакиваетъ дочь и аэиане этимъ прельщаютъ нѣкоторыхъ (22). Въ храмѣ Аполлона есть мѣсто, называемое Омфалъ, которое почитается гробницею Діониса. Я хвалю тебя, Дафна, за то, что ты, побѣдивши невоздержность Аполлона, обличила его прорицательное искусство, такъ какъ это искусство не помогло ему угадать, что находится около тебя. Пусть скажетъ мнѣ стрѣлометатель (Аполлонъ), какъ Зефиръ убилъ Гіацинта. Зефиръ побѣдилъ его, и хотя трагикъ-поэтъ говоритъ: «вѣтерокъ, драгоцѣннѣйшая колесвица боговъ», но Аполлонъ былъ побѣжденъ слабымъ вѣтеркомъ и потерялъ своего любимца (23).

(19) Т.-е. Аэину или Менерву, которая родилась изъ головы Юпитера.

(20) Т.-е. употреблявшійся въ элевзинскихъ таинствахъ: подъ видомъ дракона Зевсъ соблазнилъ свою дочь Прозерпину.

(21) См. увѣщаніе къ Эллин. гл. 15

(22) Плачь Деметры (или Цереры) послужилъ поводомъ къ установленію мистерій у аэианъ, которые посвящаемымъ въ нихъ обѣщали разныя блага.

(23) Зефиръ въяніемъ своимъ обратилъ пущенный Аполлономъ дискъ на голову его любимца Гіацинта.

9. Вотъ какковы демоны. Они-то избрѣли судьбу. Основаніемъ къ этому для нихъ послужило помѣщеніе животныхъ на небѣ. Ибо они удостоили небесной почести животныхъ, съ которыми жили по низверженіи съ неба, пресмыкающихся, плавающихъ въ водахъ, четвероногихъ, живущихъ на горахъ,—для того, чтобы думали, что и они пребываютъ на небесахъ, и чтобы посредствомъ расположенія звѣздъ убѣдить, что жизнь на землѣ, чуждая разума, согласна съ разумомъ; такимъ образомъ гнѣвлявъ ли кто или терпѣливъ, воздерженъ или невоздерженъ, богатъ или бѣденъ кто, такимъ бываетъ отъ назначенія тѣхъ, которые располагаютъ рожденіемъ; ибо распредѣленіе Зодіака есть дѣло боговъ. Если свѣтъ одного изъ нихъ, такъ говорятъ, сильнѣе, то онъ отнимаетъ славу у прочихъ; и кто побѣжденъ нынѣ, опять можетъ быть побѣдителемъ. Они съ удовольствіемъ занимаются семью планетами какъ игроки въ кости. Но мы выше судьбы, и вмѣсто блуждающихъ демоновъ знаемъ одного Господа неизмѣннаго; и не подчиняясь судьбѣ, отвергаемъ и ея законоположителей. Скажи мнѣ, ради Бога, Триптолемъ ли посѣялъ пшеницу и послѣ печали облагодѣтельствовалъ аѳинянь? Почему же Деметра прежде потери дочери не благодѣтельствовала людямъ? На небѣ показываютъ собаку, дочь Эригоны, также Скорпіона, помощника Атеиды, Хирона, Центавра, дѣву Аргою, пополамъ разсѣченную, и Каллисту медвѣдицу. Какимъ же образомъ небо оставалось не украшеннымъ прежде нежели они произвели вышеупомянутыя дѣянія? Кому не покажется смѣшнымъ созвѣздіе Дельтотонъ, помѣщенное между звѣздами, потому ли, что какъ думаютъ нѣкоторые, оно имѣетъ одинаковую фор-

му съ островомъ Сицилію (²⁴), или по первой буквѣ Зевеса (Διός), какъ думаютъ другіе? Почему же Сардинія или Кипръ не почтены на небѣ? Или почему фигуры буквъ именъ братьевъ Зевеса, получившихъ въ удѣлъ царства, не помѣщены между звѣздами? Какимъ образомъ связанный и изгнанный изъ своего царства Кроносъ поставляется распорядителемъ судьбы? Какъ дарить царства онъ, который самъ уже не царствуетъ? Итакъ оставьте эту болтовню и не нарушайте справедливости напрасною ненавистію къ намъ.

10 Въ мифологіи говорилось о превращеніи нѣкоторыхъ людей,—у васъ и боги превращаются. Рея дѣлается деревомъ, Юпитеръ дракономъ (для ъбольщенія) Прозерпины, сестры Фаэтона яблоками; Латона ничтожнымъ животнымъ, отъ чего островъ, называемый нынѣ Делось, нѣкогда назывался Ортигія (²⁵). Скажи пожалуйста, богъ дѣлается лебедемъ, принимаетъ видъ орла, и содержа у себя Ганимеда виночерпиемъ, предается гнусной связи съ нимъ? Зачѣмъ мыѣ почитать боговъ, которые любятъ дары и сердятся, если не получаютъ ихъ? Пусть они управляютъ судьбой, я не хочу поклоняться блуждающимъ звѣздамъ. Что это за волосъ Вереники? Гдѣ были ея звѣзды прежде, нежели она умерла? (²⁶) Какимъ образомъ Антиной, красивый юноша, по смерти помѣщенъ на лунѣ? Кто возвелъ его туда? Вѣрно кто-нибудь, подкупленный наградою, причислилъ его къ богамъ подобно тому, какъ нѣкоторые были подкуплены для

(²⁴) Т.-е. форму тригольника, какъ греч. буква дельта.

(²⁵) Что авторъ говоритъ о Латонѣ, то Аполлоторъ и Гигинъ приписываютъ сестрѣ ея Астеріи, которая будто бы превратилась въ перепела (δρυις).

(²⁶) Вскорѣ по смерти Вереники волосъ ея былъ причисленъ къ звѣздамъ.

того, чтобы вопреки совѣсти и съ оскорбленіемъ боговъ свидѣтельствовать, что цари вознеслись на небо? Зачѣмъ вы святотатствуете въ отношеніи къ Богу? Зачѣмъ вы обезображиваете Его твореніе? Ты закалаешь овна и ему же поклоняешься; телець есть на небѣ, а ты убиваешь подобнаго ему (на землѣ). Такъ называемый Енгонасій ⁽²⁷⁾ подавляетъ вредное животное, и удостоивается чести орель, пожирающій Прометея, создателя человѣка. Хорошъ Цикнь, хороши сыновья Зевеса, похитители дочерей Левкиппа ⁽²⁸⁾; еще лучше ихъ Елена, которая, оставивши бѣлокураго Менелая, ушла за чалмоноснымъ и покрытымъ золотомъ Парисомъ. Справедливъ и Софронъ, который поселилъ эту блудодѣйцу въ елисейскія поля. Но эта дочь Тиндара не включена въ число бессмертныхъ и Эврипидъ справедливо представляетъ ее убиваемою Орестомъ.

11. Итакъ, какимъ образомъ я могу допустить рожденіе по судьбѣ, когда вижу такихъ распорядителей ея? Не хочу царствовать, не желаю быть богатымъ, отказываюсь отъ военачальства, ненавижу блудъ; не замышляю плавать на кораблѣ ради ненасытной жадности, не вступаю въ борьбу для полученія вѣнцовъ; я свободенъ отъ безумнаго честолюбія, презираю смерть, я выше всякаго рода болѣзни, печаль не свѣдаетъ моей души. Если я рабъ, сношу рабство; если свободенъ, не хвастаюсь благородствомъ своимъ. Я вижу, что одно и то же солнце для всѣхъ, что одна смерть постигаетъ всѣхъ, живетъ ли кто въ удовольствіяхъ или въ бѣдности. Богатый съѣтъ и бѣдный пользуется тѣмъ же по-

⁽²⁷⁾ Т.-е. Гераклесъ (*δ' ἐν ὑβασί καὲνημένος*): онъ опираясь на правое колено, лѣвою ногою подавляетъ голову дракона.

⁽²⁸⁾ Поллуксъ и Касторъ.

сѣвомъ. Богачи умирають, такой же исходъ жизни имѣють и нищіе. Богатые нуждаются въ очень многомъ, хотя пользуются довѣренностію и честію; а бѣдный и умѣренный легче достигаетъ того, чего онъ желаетъ для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбія? Что за судьба, что ты умираешь всякій разъ, какъ предаешься похотямъ? Умири для міра, отвергнувъ его безуміе; живи же для Бога, и познавъ Его отвергни древнее рожденіе. Мы сотворены не для того, чтобы умирать, но умираемъ по своей винѣ. Свободная воля погубила насъ; бывши свободными, мы сдѣлались рабами, продали себя чрезъ грѣхъ. Богомъ ничего худаго не сотворено,—мы сами произвели зло; а кто произвелъ его, можетъ снова отвергнуть его.

12. Мы знаемъ два вида духовъ, изъ которыхъ одинъ называется душою, а другой выше души, и есть образъ и подобіе Божіе. Тотъ и другой духъ находился въ первыхъ человѣкахъ, такъ что они съ одной стороны состояли изъ вещества, съ другой были выше его. Дѣло вотъ въ чемъ. Ясно, что устройство міра и все твореніе произошло изъ вещества, самое же вещество сотворено Богомъ; вещество было грубо и необразовано прежде, чѣмъ раздѣлились элементы, а по раздѣленіи ихъ сдѣлалось украшеннымъ и благоустроеннымъ. Итакъ, небо и звѣзды на немъ состоятъ изъ вещества, и земля со всѣми предметами, находящимися на ней, имѣетъ такой же составъ, такъ что все имѣетъ одинаковое происхожденіе. Не смотря на то есть нѣкоторое различіе между вещественными тварями: одна прекраснѣе другой, а другая прекрасна сама по себѣ, но уступаетъ ей, какъ болѣе прекрасной. Такъ, строеніе тѣла представляетъ одинъ составъ

и имѣеть одну и ту же причину своего происхожденія; не смотря на то есть между частями его различіе по достоинству: иное—глаза, иное—уши, иное украшеніе волосяное, составъ внутренностей, мозговъ, костей и нервовъ; но при такомъ различіи частей тѣла въ общемъ составѣ его находится величайшая гармонія. Подобнымъ образомъ и міръ, заключающій въ себѣ болѣе или менѣе прекрасныя произведенія могущества Творца, по волѣ Его получилъ вещественный духъ ⁽²⁹⁾. Въ этомъ можетъ ясно убѣдиться тотъ, кто не отвергаетъ съ гордостію Божественныхъ откровеній, въ разныя времена изложенныхъ письменно, которыя дѣлають читающихъ ихъ любезными Богу. Итакъ демоны—такъ вы ихъ называете—которыя составлены изъ вещества и получили отъ него духъ, сдѣлались невоздержными и безнравственными; одни изъ нихъ обратились къ болѣе чистому веществу, а другіе избрали болѣе низкое и по подобію его расположили жизнь свою. Имъ-то вы, эливы, покланяетесь,—существамъ, которыя произошли изъ матеріи и уклонились отъ надлежащаго порядка. Они въ своемъ безуміи увлеклись гордостію и возмутившись покусились восхитить себѣ божество. Господь же всего попустилъ быть имъ въ обольщеніи до тѣхъ поръ, пока міръ окончится разрушеніемъ, придетъ Судія и всѣ люди, которыя, несмотря на препятствія отъ демоновъ, стремились къ познанію совершеннаго Бога, въ день суда получатъ полнѣйшую похвалу за свои подвиги.—Итакъ есть духъ въ звѣздахъ, духъ въ ангелахъ, духъ въ растеніяхъ, духъ въ человѣкахъ, духъ въ животныхъ; и хотя онъ одинъ и тотъ же, но имѣеть въ себѣ различія. Спѣшите къ намъ

⁽²⁹⁾ Или жизненный духъ, который находится, въ разной степени во всѣхъ тваряхъ, но который не то, что Духъ Божій; см. выше гл. 4.

желающіе научиться, ибо не расчитываемъ ни на краснорѣчія, ни на вѣроятныя доказательства, ни на софистическіе извороты, но пользуемся словами Божественнаго происхожденія. Вы не отвергаете скиенянина Анахарсиса и не считаете низкимъ учиться у тѣхъ, которые слѣдуютъ законоположенію варваровъ. Примите наши догматы по крайней мѣрѣ такъ, какъ вы принимаете (астрономическія) предсказанія Вавилонянъ, послушайте нашихъ словъ, какъ вы слушаете пророчествующаго дуба ⁽³⁰⁾. Последнее, о чемъ мы упомянули,—продѣлки изступленныхъ демоновъ; а наше ученіе такъ высоко, что міръ не можетъ объять его.

13. Душа сама по себѣ не бессмертна, элины, но смертна. Впрочемъ она можетъ и не умирать. Душа, не знающая истины умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ, а послѣ при концѣ міра воскресаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и получаетъ смерть чрезъ нескончаемыя наказанія. Но если она просвѣщена познаніемъ Бога, то не умираетъ, хотя и разрушается на время. Сама по себѣ она есть ни что иное, какъ тьма, и нѣтъ въ ней ничего свѣтлаго. Къ этому относятся слова: «тьма не объяла свѣта» ⁽³¹⁾. Ибо не душа сохранила духъ, но сама имъ сохранена, и свѣтъ объялъ тьму. Слово есть Божественный свѣтъ, а тьма—душа чуждая вѣдѣнія. Посему если она живетъ одна, то уклоняется къ веществу и умираетъ вмѣстѣ съ плотію; а когда она соединена съ божественнымъ духомъ, то не лишена помощи, но восходитъ туда, куда возводитъ ее духъ. Ибо жилище духа на небѣ, а душа имѣетъ земное происхожденіе. Въ началѣ духъ обиталъ вмѣстѣ съ душею, но потомъ оставилъ ее, потому что она не захотѣла слѣдовать ему.

⁽³⁰⁾ Т.-е. прорицанія додонскаго оракула.

⁽³¹⁾ Іоан. 1, 5.

Хотя она удержала въ себѣ нѣкоторыя искры могущества его, но отдѣлившись отъ него, не могла созерцать вышнихъ вещей; ища Бога, она по заблужденію вымыслила многихъ боговъ, послѣдуя ухищреніямъ демоновъ. Духъ Божій не во всѣхъ присутствуетъ, но пребываетъ только въ нѣкоторыхъ, праведно живущихъ людяхъ, и соединясь съ ихъ душею, посредствомъ откровеній возвѣстилъ и прочимъ душамъ о сокровенныхъ вещахъ. И души, повинующіеся мудрости, привлекли къ себѣ родствавшаго имъ Духа, а не покорныя и отвергнувшія служителя пострадавшаго Бога (²²) показали себя болѣе богоборцами, нежели богочтителами.

14. Таковы и вы, эллины; на словахъ болтливы, а умомъ глупы: вы признали владычество многихъ, а не одного, и рѣшились послѣдовать демонамъ, какъ будто они могущественны. Какъ разбойникъ будучи безчеловѣченъ, обыкновенно одерживаетъ верхъ надъ подобными себѣ дерзостию своею; такъ и демоны, дошедшіе до крайней степени обы, обольстили невѣдніемъ и пустыми вымыслами души ваши, отлученныя отъ Духа Божія. Имъ не легко умереть, потому что не имѣютъ плоти; но они живя творятъ дѣла смерти, и сами умираютъ всякій разъ, когда научаютъ грѣху своихъ послѣдователей. И то, что въ настоящее время составляетъ ихъ преимущество, именно что они не умираютъ, подобно людямъ, останется съ ними и тогда, когда будутъ подвергнуты мученіямъ: они не будутъ причастниками вѣчной жизни, и вмѣсто смерти не получаютъ блаженнаго безсмертія. Какъ мы, которыхъ смерть нынѣ такъ легко постигаетъ, послѣ нея получимъ безсмертіе съ блаженствомъ, или мученіе съ безсмертіемъ, такъ и демоны, которые насто-

(²²) Т.-е. Господа Иисуса Христа, коего служителемъ называется Св. Духъ, приготовлявшій чрезъ пророчества путь грядущему Спасителю.

ящую жизнь употребляютъ для грѣха и даже во время жизни своей умираютъ, опять будутъ имѣть безсмертіе такое же, какое имѣли, когда жили, и будутъ раздѣлять участь тѣхъ людей, которые добровольно исполняли все, что во время жизни ихъ предписывали имъ демоны. У людей не меньше ли видовъ грѣха бываетъ по причинѣ краткости ихъ жизни, чѣмъ у вышеупомянутыхъ демоновъ, которые много грѣшатъ въ продолженіе безконечнаго времени?

15. Итакъ намъ должно теперь искать снова то, что потеряли, соединить свою душу съ святымъ духомъ и вступить въ союзъ съ Богомъ. Душа человѣческая не проста, но состоитъ изъ многихъ частей; она образована такъ, чтобы могла проявляться посредствомъ тѣла, ибо душа никогда не является безъ тѣла, и плоть не воскресаетъ безъ души. Человѣкъ не есть, какъ опредѣляютъ тѣ, которые кричатъ на подобіе вороновъ ⁽⁵³⁾, животное (только) разумное, способное имѣть умъ и знаніе; по ихъ ученію и самыя бессловесныя окажутся способными имѣть умъ и знаніе. Но одинъ человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе: разумію не того человѣка, который дѣлаетъ, что свойственно животнымъ, но того, который, ставши выше человѣчества, приблизился къ самому Богу. Впрочемъ объ этомъ я подробнѣе изложилъ въ книгѣ «о животныхъ». А теперь главнымъ образомъ слѣдуетъ сказать о томъ, что въ чемъ состоитъ образъ и подобіе Божіе. Что не можетъ быть сравниваемо, то ничто иное есть, какъ самое сущее, а что сравнивается, то есть только подобіе. Совершенный Богъ безплотенъ, а человѣкъ есть плоть. Душа есть связь плоти; а плоть есть вмѣстилище души.

(53) Какихъ философовъ разумѣетъ здѣсь авторъ—невидно, но вѣроятно—стоиковъ.

какъ постигаетъ его болѣзнь. Иногда даже бурюю злобы своей потрясаютъ весь составъ тѣла нашего; но поражаемые словомъ силы Божіей со страхомъ удаляются и больной исцѣляется.

17. Касательно симпатій и антипатій, о которыхъ учить Демокритъ, что сказать мнѣ кромѣ того, что по пословицѣ человекъ изъ Абдеры говоритъ глупо? Какъ тотъ другъ Геркулеса, отъ котораго получилъ названіе этотъ городъ, былъ съѣденъ, какъ говорятъ, конями Діоміда: такъ и этотъ философъ, который гордился дружбою съ волхвомъ Останомъ, въ день конца міра будетъ преданъ на пожраніе вѣчному огню. И вы если не оставите смѣхъ, будете преданы тѣмъ же мученіямъ, какимъ волхвы. Посему эллины, послушайте меня проповѣдующаго какъ будто съ высокаго мѣста, не смѣйтесь и не обращайтесь вашего неразумія на провозвѣстника истины. Болѣзнь не уничтожается чрезъ антипатію и бѣсноватый не излѣчивается привѣсками изъ кожицы. Но демоны нерѣдко приходятъ къ людямъ: и кто боленъ и мучится любовью или ненавистію и желаніемъ мести, беретъ ихъ себѣ въ помощники. Вотъ какую продѣлку они употребляютъ. Какъ начертанія буквъ и составленныя изъ нихъ слова не могутъ сами по себѣ показать содержащейся въ нихъ мысли, но люди установили для себя знаки своихъ мыслей и изъ извѣстнаго сочетанія ихъ узнаютъ то, для означенія чего установленъ и самый порядокъ буквъ; такъ точно ни различные корни, ни употребленіе нервовъ и костей, сами по себѣ ничего не производятъ; но служатъ средствомъ для лукавства демоновъ, которые опредѣлили, для чего каждое изъ нихъ годно. Какъ скоро они увидятъ, что люди готовы принять ихъ помощь,—тотчасъ овладѣваютъ они и

порабощаютъ ихъ себѣ. Что хорошаго помогать блуду? Хорошо ли содѣйствовать нѣкоторымъ въ ненависти? Прилично ли врачеваніе бѣсноватыхъ приписывать веществу, а не Богу? Они коварно удаляютъ людей отъ богопочтенія, заставляя ихъ вѣрить въ травы и корни. Еслибы Богъ сотворилъ ихъ для такого употребленія, какое изъ нихъ дѣлаютъ люди, то Онъ былъ бы виновникомъ зла. Богъ сотворилъ все въ хорошемъ видѣ; но безнравственность демоновъ воспользовалась тѣмъ, что есть въ мірѣ, для дѣланія зла; и это есть доказательство ихъ злобы, а не дѣло (Бога) совершеннаго. Какимъ образомъ я при жизни былъ бы не золъ, а по смерти, когда я ничего не дѣлаю, мои остатки, которые не двигаются и даже не чувствуютъ, будутъ производить нѣчто возбуждающее чувство? Какъ можетъ оказать помощь другому во мщеніи тотъ, кто умеръ несчастнѣйшею смертію? Еслибы онъ это могъ, то гораздо болѣе постарался бы прогнать отъ себя собственнаго врага; ибо кто можетъ помогать другимъ, тотъ гораздо болѣе въ состояніи отомстить за себя.

18. Медицина и все, что относится къ ней, представляетъ такое же коварство (⁴⁰). Если кто врачуется веществомъ, имѣя вѣру въ него, тѣмъ болѣе онъ уврачуется, если прибѣгнетъ къ Богу. Какъ яды суть вещественныя составы, такъ и цѣлительныя средства такой же природы. Хотя мы отвергаемъ худшее вещество, но нѣкоторые часто покушаются лѣчить посредствомъ соединенія худыхъ веществъ съ другимъ и пользуются зломъ для пріобрѣтенія добра. Но какъ тотъ, который обѣдалъ съ разбойникомъ, хотя бы

(⁴⁰) Авторъ говоритъ здѣсь о медицинѣ, поколику она была соединена съ суевѣріемъ или невѣріемъ и отвращала отъ Бога, виновника природы и цѣлительной силы веществъ.

самъ не былъ разбойникъ, получаетъ наказаніе за то, что пировалъ съ нимъ, такъ точно тотъ, кто самъ не худъ, но сообщается съ зломъ и употребляетъ его для полученія мнимаго добра, за общеніе съ зломъ будетъ наказанъ Богомъ-Судіею. Почему вѣрующій дѣйственности вещества не хочетъ вѣровать Богу? Почему не обращаешься къ могущественнѣйшему Господу и предпочитаешь лѣчить самого себя также, какъ собака лѣчится травою, олень эхидною, свинья раками рѣчными, левъ обезьянами? Зачѣмъ ты боготворишь то, что находится въ мірѣ? Для чего тебя за излѣченіе ближняго называютъ благодѣтелемъ? Повинуйся силѣ слова. Демоны не исцѣляютъ людей, но хитростію своею берутъ ихъ въ плѣнъ къ себѣ. Достойный великаго удивленія Іустинъ сказалъ, что демоны подобны разбойникамъ. Какъ послѣдніе обыкновенно берутъ въ плѣнъ живыми нѣкоторыхъ людей, а потомъ за выкупъ возвращаютъ ихъ роднымъ; такъ и тѣ, которыхъ почитаютъ за боговъ, вселясь въ тѣла какихъ-либо людей и потомъ посредствомъ сновидѣній ввухивши мысль о своемъ присутствіи, велятъ такимъ людямъ выдти на народъ, и, насытившись мірскими вещами въ виду всѣхъ, отлетаютъ отъ больныхъ и возвращаютъ имъ прежнее здоровье, уничтоживъ болѣзнь, которую сами они произвели.

19. Впрочемъ, вы, которые не имѣете понятія объ этомъ, учитесь у насъ, знающихъ все это. Вы говорите о презрѣніи смерти и проповѣдуете о воздержаніи. Но философы ваши такъ далеки отъ воздержанія, что нѣкоторые ежегодно получаютъ отъ римскаго царя шестьсотъ золотыхъ монетъ не для какого-нибудь полезнаго дѣла, но для того, чтобы они не даромъ носили отпущенную бороду. И Крес-

центъ, который свилъ себѣ гнѣздо въ великомъ городѣ ⁽⁴¹⁾, превосходилъ всѣхъ въ педерастіи и былъ весьма сребролюбивъ. Этотъ презритель смерти такъ боялся ея, что старался причинить смерть, какъ зло, Іустину, а также и мнѣ, за то, что онъ, проповѣдуя истину, обличалъ философовъ въ сластолюбіи и лжи. Какихъ философовъ онъ преслѣдовалъ, кромѣ васъ однихъ? Если вы говорите, что не должно бояться смерти, и въ этомъ согласны съ нашимъ ученіемъ, то не ищите смерти, какъ Анаксархъ, ⁽⁴²⁾ по безумной любви къ славѣ отъ чловѣковъ, но будьте презрителями смерти влѣдствіе познанія Бога. Прекрасно устроенъ міръ, но худо живутъ въ немъ; приходится видѣть, какъ тѣ, которые не знаютъ Бога, осыпаются похвалами и рукоплесканіями, подобно какъ въ общественныхъ собраніяхъ. Что такое ваши прорицанія? Почему прельщаетесь ими? Потому что они служатъ страстямъ, господствующимъ въ мірѣ. Ты хочешь вести войну и обращаешься къ Аполлону, совѣтнику убійствъ. Хочешь похитить дѣвицу, — и желаешь, чтобы демонъ помогаль тебѣ въ этомъ. Ты боленъ самъ отъ себя, и хочешь, чтобы при тебѣ присутствовали боги, подобно тому, какъ Агамемномъ былъ окруженъ десятью совѣтниками. Какая-то женщина, напившись воды, приходитъ въ изступленіе, и отъ ладана дѣлается безумною, а ты говоришь, что она пророчествуетъ. Аполлонъ былъ былъ проривидецъ будущаго и наставникъ прорицателей, но самъ обманулся насчетъ Дафниса. Скажи, пожалуста, дубъ прорицаетъ и птицы предвѣщаютъ будущее, — а ты ниже живот-

⁽⁴¹⁾ Т.-е. въ Римѣ. О Кресцентѣ, врагъ христіанъ и особенно Іустина и самаго Татіана, см. св. Іустина Апол. II, гл. 3.

⁽⁴²⁾ Объ Анаксархѣ говоритъ Лаертій (de vita philos. IX. с. 10); см. Тертул. Apolog. с. 50.

ныхъ и растений? Хорошо бы тебѣ сдѣлаться деревомъ про-
рицающимъ или лежать подобно птицамъ. Кто тебя дѣлаетъ
корыстолюбивымъ, тотъ и пророчествуетъ тебѣ о приобрѣте-
ніи богатства; кто возбуждаетъ возмущенія и войны, тотъ
и предсказываетъ о побѣдѣ на войнѣ. Если будешь выше
страстей, то будешь презирать все находящееся въ мірѣ.
Если мы—люди съ такими убѣжденіями, то не преслѣдуйте
насъ ненавистію, но оставьте демонокъ и послѣдуйте еди-
ному Богу: «все Имъ (сотворено) и безъ Него ничего не
сотворено.» (43) Если и есть вредоносное въ тваряхъ, это
произошло вслѣдствіе грѣха нашего. Я постараюсь доказать
это: только вы слушайте, и вѣрующей уразумѣть.

20. Когда лѣчишься лѣкарствами,—это я по снисхожденію
допускаю тебѣ,—ты все-таки долженъ успѣхъ приписывать
Богу. Міръ доселѣ привлекаетъ насъ къ себѣ, и я по слабо-
сти обращаюсь къ веществу. Духъ совершенный окрилялъ
душу; когда она грѣхомъ прогнала его, онъ улетѣлъ, какъ
птенецъ, и она упала на землю. Лишившись небснаго со-
житія, она возжелала общенія съ низшимъ. Демоны лиши-
лись прежняго своего жилища, прародители изгнаны: пер-
вые низвержены съ неба, а послѣдніе изгнаны изъ земли,
только не изъ здѣшней, но изъ той, которая превосходитъ
Итакъ мы должны желать прежняго состоянія и бросить все,
что этому препятствуетъ. Небо не безгранично, оно имѣетъ гра-
ницы и заключено въ предѣлахъ. Далѣе сего есть міръ высшій,
который не знаетъ переменъ погоды, производящихъ различ-
ныя болѣзни, но имѣетъ благораствореніе воздуха, по-
стоянный день и свѣтъ недоступный для здѣшнихъ людей.
Землеописатели, сколько доступно было человѣку, составили

(43) Иоан. 1, 3.

описаніе странъ, но не зная, что сказать о странахъ дальнѣйшихъ, которыхъ не могли видѣть, они въ извиненіе своего незнанія ссылались на приливы и отливы морскія, на то, что моря наполнены травами или пломъ, на недоступность странъ по причинѣ сильнаго жара или холода или льда. Мы же чего не знаемъ, узнали чрезъ пророковъ, которые твердо вѣрили, что небесный духъ получитъ вмѣстѣ съ душою одѣяніе смертности ⁽⁴⁴⁾ и предвозвѣщали то, чего прочія души не знали. И всякій, кто нагъ, можетъ пріобрѣсть это украшеніе и возвратиться къ прежнему средству.

21. Мы не безумствуемъ, эллины, и не вздоръ говоримъ, когда проповѣдуемъ, что Богъ родился въ образѣ человека. Вы порицаете насъ, но сравните свои басни съ нашими рассказами. Минерва, говорятъ, приняла видъ Деифоба изъ-за Гектора, Аполлонъ долговолосый въ угожденіе Адмету пасъ кривоногихъ быковъ: жена Юпитера пришла старухой къ Семелѣ. Допуская такія вещи, какъ можете вы смѣяться надъ нами? Вашъ Эскулапъ умеръ, и тотъ, который въ Теспіяхъ обезчестилъ въ одну ночь пятьдесятъ дѣвицъ, умеръ среди пожирающаго пламени, въ которое самъ бросился. Прометей, прибывшій къ Кавказу, понесъ наказаніе за свое благодѣяніе оказанное людямъ. Зевсъ, по вашему, завистливъ, и посредствомъ сновидѣнія обманулъ людей съ намѣреніемъ погубить ихъ ⁽⁴⁵⁾. Посему, въ виду вашихъ собственныхъ сказаній принимайте насъ, по крайней мѣрѣ, какъ передающихъ сказанія подобныя вашимъ. Но мы не имѣемъ ничего вѣрнаго, а ваши рассказы чистый вздоръ. Если вы

⁽⁴⁴⁾ Т.-е. духъ снова соединится съ душою и ея тѣломъ по воскресеніи.

⁽⁴⁵⁾ См. Илиад. II, 6—12.

говорите о рожденіи боговъ, то этимъ признаете ихъ смертными. Почему Гера теперь не родить? Состарѣлась ли она или нѣтъ вѣстника, который бы васъ извѣстилъ объ этомъ?⁽⁴⁶⁾ Послушайтесь меня, эллины, и не объясняйте иносказательно ни басенъ, ни боговъ вашихъ. Допустивши это, вы уничтожите своихъ боговъ. Ваши боги или нечестивы, если они таковы, какими представляете ихъ, или если обратить ихъ въ естественныя явленія⁽⁴⁷⁾, они уже не то, что вы говорите. Но поклоняться стихіямъ я и самъ не буду, и другихъ склонять къ тому не стану. Метродоръ Лампсакійскій въ книгѣ о Гомерѣ очень неразумно все обращалъ въ аллегорію. Онъ говорилъ, что Гера, Аѳина и Зевсъ не то, чѣмъ представляютъ ихъ люди, воздвигающіе имъ храмы и жертвенники, но что они суть части природы и сочетанія стихій ея. Вы должны будете сказать, что и Гекторъ, Ахиллесъ, Агамемнонъ и всѣ прочіе эллины и варвары вмѣстѣ съ Еленою и Парисомъ принадлежать къ той же природѣ и введены для сложности, потому что никто изъ нихъ не существовалъ. Но я говорилъ это только условно, а въ самомъ дѣлѣ наше познаніе о Богѣ неприлично сравнивать съ мнѣніями тѣхъ, которые погрузились въ вещество и нечистоту.

22. И какія у васъ учрежденія? Кто не осмѣетъ ваши торжественныя собранія, учреждаемыя на общественный счетъ, которыя установлены въ честь злыхъ демоновъ и обращаютъ людей къ постыднымъ дѣламъ? Я не разъ видалъ одного человѣка, и при видѣ его удивлялся, а потомъ

⁽⁴⁶⁾ См. подобн. у Аѳинагора (Leg. pro Chv. с. 18) и у Теофила (ad Aut. II, с. 5).

⁽⁴⁷⁾ Т.-е. посредствомъ аллегорическаго истолкованія. См. увѣщ. къ Эллин. гл. 2.

чувствовалъ презрѣніе, потому что онъ по наружности представлялъ ложно то, чего нѣтъ у него внутри. Я видѣлъ, какъ онъ пышничалъ и вполнѣ предавался нѣгѣ, то сверкалъ глазами, то размахивалъ руками и неистовствовалъ съ грязнымъ лицомъ, то представлялъ Афродиту, то Аполлона. Онъ одинъ является обличителемъ всѣхъ боговъ, представителемъ суетвѣрія, порицателемъ геройскихъ подвиговъ, изобразителемъ убійствъ, наставникомъ блуда и корыстолюбія, учителемъ разврата, поводомъ къ смертнымъ приговорамъ ⁽⁴⁸⁾, и при всемъ томъ всѣ его хвалятъ. Но я отвергъ всю ложь его, его нечестіе, его занятія и наконецъ самого этого человѣка. А васъ увлекаютъ подобные люди, и вы порицаете тѣхъ, которые не раздѣляютъ вашихъ чувствъ. Я не хочу развѣвать ротъ (отъ удивленія), когда многіе поютъ, не хочу, чтобы тотъ, кто дѣлаетъ кривлянія и неестественныя движенія, возбудилъ во мнѣ такія же страсти. Что удивительнаго или прекраснаго совершается у васъ? Посредствомъ носа производятъ постыдныя звуки, дѣлаютъ неприличныя движенія, на сценѣ учатъ какъ блудодѣйствовать, и это видятъ сыновья и дочери ваши. Хороши у васъ аудиторіи, гдѣ рассказываются срамныя дѣла ночныя, гдѣ улаждаютъ слушателей произношеніемъ гнусныхъ рѣчей. Достойны похвалы и поэты ваши лжецы, которые фигурными словами обольщаютъ слушателей.

23. Я видѣлъ людей, которые озабочены упражненіемъ тѣла и обременены своєю дородностію: имъ предлагаютъ

⁽⁴⁸⁾ Нерѣдко сценическія представленія вели къ осужденію знаменитыхъ людей: такова напр. судьба Сократа, коего Аристофанъ представилъ въ своихъ «Облакахъ». Но особенно впоследствии на языческихъ зрѣлищахъ пробуждалась въ черни жажда крови христіанъ. См. Тертулл. de spectac. с. 27.

награды и вѣнцы, ихъ вызываютъ учредители игръ, не къ прекрасному подвигу, но къ тому, чтобы затѣять споръ и ссору, и кто сильнѣе дерется, тотъ получаетъ вѣнецъ. И это еще меньшее изъ золъ; а о большихъ кто можетъ говорить безъ возмущенія? Нѣкоторые предавшись праздности, изъ-за мотовства продаютъ себя на смерть: бѣдный продаетъ себя, — богатый покупаетъ убійцу. Свидѣтели сидятъ, а гладиаторы бьются одинъ на одинъ безъ всякой причины, и никто не приходитъ на помощь. Это ли у васъ хорошія дѣла? Высшій между вами по достоинству собираетъ войско человекоубійцъ и хвалится тѣмъ, что онъ питаетъ разбойниковъ; выходятъ отъ него разбойники и всѣ вы сходитесь на зрѣлище, какъ судія нечестія отчасти учредителя зрѣлища, отчасти и самыхъ единоборцевъ. И тотъ, кто не присутствовалъ при убійствѣ, скорбитъ, что ему не было суждено быть зрителемъ злодѣйскихъ, безбожныхъ и преступныхъ дѣйствій. Вы убиваете животныхъ, чтобы ѣсть мясо, и покупаете людей, чтобы доставить душѣ пищу изъ человѣческаго тѣла и питаете ее самымъ безбожнымъ пролитіемъ крови. Разбойникъ убиваетъ, чтобы получить что-нибудь, а богатый покупаетъ единоборцевъ для убійства.

24. Какую пользу принесетъ мнѣ тотъ, кто въ трагедіи Эврипида бѣспуется и разыгрываетъ лице матереубійцы Алкмеона, кто обезобразилъ свой видъ, страшно разѣваетъ ротъ, носится съ мечемъ, немствова кричитъ и является въ окровавленной одеждѣ? Прочь отъ меня басни Акусилая; прочь отъ меня такого же рода стихи Менандра. За чѣмъ я буду удивляться баснословному игроку на флейтѣ? За чѣмъ мнѣ, надобно Аристоксену, дѣлать изысканія о Фивянинѣ

Антигенидъ (49)? Уступимъ вамъ эти пустыя дѣла. А вы или повѣрите нашему ученію, или также оставьте насъ при нашихъ вѣрованіяхъ.

25. Что удивительнаго и великаго дѣлаютъ ваши философы? Они оставляютъ одно плечо непокрытымъ, отпускаютъ длинные волосы, отращаютъ бороду, носятъ звѣринныя ногти; они говорятъ, что ни въ чемъ не нуждаются; но какъ Протей (50) нуждаются въ кожевникѣ для сумы, въ портномъ для одежды, въ дровосѣкѣ для палки, въ богачахъ и въ поварѣ для своей прожорливости. Человѣкъ, подражающій собакамъ! ты не знаешь Бога, и уклоняешься къ подражанію животнымъ; ты публично кричишь съ важностію человѣка небѣднаго, и самъ за себя мстишь: когда не получаешь, то ругаешься, и философія дѣлается у тебя искусствомъ наживаться. Ты слѣдуешь ученію Платона, и вотъ эпикурейскій софистъ открыто возстаетъ на тебя. Опять, ты хочешь слѣдовать Аристотелю, и тебя ругаетъ какой-нибудь послѣдователь Демокрита. Пифагоръ говоритъ, что онъ былъ нѣкогда Евфорбомъ, (51) и въ своемъ ученіи (о переселеніи душъ) преемствовалъ Ферекиду; Аристотель же колеблетъ безсмертіе души. Вы, которые рѣзко переходите отъ одного ученія къ другому противоположному и несогласны между собою, вооружаетесь на тѣхъ, которые согласны (52).

(49) Антигенидъ — знаменитый игрокъ на флейтѣ; Аристоксентъ — писатель, который не только занимался философіей, но составилъ и сочиненія по части инструментальной музыки.

(50) Протей — циникъ Перегринъ, послѣ принявшій прозваніе Протея. Авторъ здѣсь изображаетъ философовъ — такъ называемыхъ циниковъ.

(51) Евфорбъ — храбрый троянецъ, который сперва ранилъ Патрокла а потомъ былъ убитъ Менелаемъ. (Гом. Иліад. XVI, 806). Пифагоръ, который допускалъ переселеніе душъ, утверждалъ, что онъ былъ сперва этимъ Евфорбомъ.

(52) Т.-е. противъ христіанъ.

Нѣкоторые говорятъ, что Богъ есть тѣло, а я говорю, что Онъ безтѣлесенъ; говорятъ, что міръ неразрушимъ; а я утверждаю, что разрушится; говорятъ, что сожженіе міра бываетъ въ разныя времена; а я говорю, что это будетъ одинъ разъ; судіями признаютъ Миноса и Радаманта, а я самого Бога; безсмертіе приписываютъ одной душѣ, а я и тѣлу вмѣстѣ съ душою. Чѣмъ мы вредимъ вамъ, эллины? Почему вы ненавидите, какъ самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ, тѣхъ, которые сѣдуютъ слову Божию. Мы не ѣдимъ человѣческаго мяса ⁽⁵⁵⁾: вы лжесвидѣльствуете, когда говорите такъ; а у васъ Пелопсъ дѣлается ужиномъ для боговъ, хотя былъ любимцемъ Посидона, Кроносъ пожираетъ дѣтей и Зевсъ поглощаетъ Митиса.

26. Перестаньте величаться чужими словами и, подобно галкѣ, украшаться не своими перьями. Если каждый городъ возьметъ отъ васъ собственное свое изреченіе, то ваши софизмы потеряютъ силу. Вы изслѣдуете, что такое Богъ, но не знаете, что въ васъ есть; и, разиня ротъ на небо, падаете въ ямы. Ваши книги, подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ — бочкѣ Данаидъ. Что вы раздѣляете время, называя одно прошедшимъ, другое настоящимъ, а иное будущимъ? Какимъ образомъ будущее можетъ настать, когда существуетъ настоящее? Но какъ плователи на морѣ, когда корабль несетя по водамъ, по неопытности думаютъ, что горы бѣгутъ (а не корабль ихъ), такъ и вы не замѣчаете, что вы сами проходите, а вѣкъ стоитъ, пока угодно Сотворившему его. Зачѣмъ меня обвиняете, когда излагаю свое ученіе, зачѣмъ спѣшите ниспровергнуть всѣ мои убѣжденія? Не такъ же ли

⁽⁵⁵⁾ См. Іустина Апол. I, гл. 16. Это обвиненіе было взводимо на христіанъ по ложному истолкованію таинства Евхаристіи.

вы родились какъ и мы, и приняли участіе въ томъ же порядкѣ міра? Зачѣмъ вы присвоиваете мудрость только себѣ, тогда какъ вы не имѣете ни другаго солнца, ни другаго восхода звѣздъ, ни лучшаго происхожденія, ни даже смерти, отличной отъ другихъ людей? Грамматики положили начало вашему пустословію; вы, раздѣляя мудрость, удалили себя отъ истинной мудрости и имена частей ея приписали людямъ. Бога же вы не знаете; и споря между собою, сами ниспровергаете другъ друга. Поэтому всё вы ничто; хотя присвоиваете себѣ даръ слова, но разсуждаете, какъ слѣпой съ глухимъ. Къ чему у васъ строительныя орудія, тогда какъ не умѣете строить? Къ чему ваши рѣчи, когда сами вы далеки отъ дѣлъ, ибо въ счастіи надмѣваетесь, а въ неудачахъ упадаете духомъ? Ваши дѣйствія несообразны съ разумомъ; ибо въ собранія вступаете съ пышностію, а съ ученіемъ своимъ прячетесь въ углахъ? Посему-то, когда мы узнали, что вы таковы, —мы оставили васъ, и уже не трогаемъ вашего, но слѣдуемъ слову Божію. Зачѣмъ ты, скажи мнѣ, поднимаешь войну изъ-за буквъ? Зачѣмъ, какъ въ кулачномъ бою, скрадываешь произношеніе ихъ заикаясь подобно аеинянамъ, тогда какъ тебѣ приличнѣе говорить ближе къ природѣ? Если ты, не будучи аеиняниномъ, говоришь по-аттически, то скажимъ тебѣ, почему не говоришь по-дорически? Почему одно для тебя вредяется слишкомъ грубымъ, а другое болѣе пріятнымъ для разговоровъ?

27. Если привлекаетъ тебя образованность ихъ, то почему ты вооружаешься на меня, если я принимаю такія мнѣнія, которыя мнѣ нравятся? Не нелѣпо ли, что насъ ненавидятъ безъ всякаго изслѣдованія и по несправедливому предубѣжденію, тогда какъ разбойника не наказываютъ по одному

только обвиненію прежде чѣмъ тщательно изслѣдуется справедливость его (54). Диогоръ былъ аѳинянинъ, но вы его наказали за то, что издѣвался надъ таинствами аѳинскими; и однако читаете его фригійскія книги (55), а насъ ненавидите. Вы сохраняете толкованія Льва и не терпите обличеній отъ насъ; вы имѣете у себя мнѣнія Апціона о богахъ египетскихъ, а насъ изгоняете, какъ крайнихъ безбожниковъ. У васъ показываютъ гробницу Зевса олимпійскаго, хотя нѣкто говорить, что Критяне лгутъ (56). Собраніе множества боговъ есть ничто. И хотя Эпикуръ, презритель ихъ, отправлялъ священныя обязанности къ нимъ (57), но я не буду скрывать предъ правителями то понятіе, какое я имѣю о Богѣ и Его владычествѣ надъ всѣмъ. Зачѣмъ ты совѣтуешь мнѣ лгать насчетъ моего вѣрованія? Ты говоришь, что презираешь смерть; зачѣмъ же убѣждаешь меня избѣгать ея хитростію? У меня не оленья сердце, а ваши рѣчи походятъ на болтовню Ѳерсита. Какъ я повѣрю тому, кто говоритъ, что солнце есть огненная масса, а луна (другая) земля (58)? Это словопреніе а не раскрытіе истины. Не безразсудно ли вѣрить разсказамъ о Геркулесѣ въ книгахъ Геродота, въ которыхъ говорится о высшей землѣ, съ которой будто бы упалъ левъ, убитый Геркулесомъ? Что пользы въ аттической рѣчи, философскихъ соритахъ, силлогистическихъ доказательствахъ, въ измѣреніи

(54) См. Іуст. I Апол. гл 4: Аѳинаг. (Suppl. p. Chr) и Тертулл. (Apol. 2).

(55) Т.-е. книги, въ которыхъ Диогоръ излагаетъ исторію Цибелы и другихъ божествъ, принятыхъ Эллинами изъ Фригии, съ тѣмъ, чтобы отвратить людей отъ ихъ богопочитанія. Кромѣ Диогора, упоминается ниже Левъ Пеллей и Апціонъ граматикъ, которые отвергали боговъ признавая ихъ за людей или за физическія явленія.

(56) Критяне хвастались, что у нихъ находится гробница Зевса.

(57) Т.-е. не смѣлъ открыто предъ толпою отвергать боговъ.

(58) Авторъ намекаетъ на Анаксагора.

земли, расположені звѣздъ и обращеніи солнца? Заниматься подобными вопросами свойственно человѣку, который налагаетъ на себя мнѣнія, какъ законы.

28. Поэтому я отвергъ и ваши законоположенія. Долженъ быть одинъ и общій для всѣхъ образъ жизни. А теперь, сколько городовъ, столько законодательствъ, такъ что одни почитаютъ гнуснымъ то, что, по мнѣнію другихъ, прекрасно. Такъ эллины признаютъ незаконнымъ брачное сожителство съ матерью, а у персидскихъ маговъ это почитается прекраснымъ установленіемъ; педэрастія осуждается варварами, но она пользуется особымъ преимуществомъ у Римлянъ, которые стараются собирать стада мальчиковъ, на подобіе коней пасущихся.

29. Когда я увидѣлъ все это, когда ознакомился съ мистеріями, изслѣдовалъ различные виды богопочтенія, совершаемые людьми женоподобными и гермафродитами, когда и у Римлянъ нашелъ, что Зевсъ Латіаръ услаждается человѣчскою кровью и человѣкоубійцами, что Артемида недалеко отъ великаго города занимается подобными же дѣяніями, и что въ другихъ мѣстахъ тотъ или другой демонъ служитъ причиною злодѣйствъ: тогда я углубился въ самого себя и изслѣдовалъ, какимъ образомъ могу найти истину. Въ то время, какъ умъ мой разсматривалъ все лучшее, я напалъ на однѣ книги варварскія, которыя древнѣе эллинскихъ ученій, и столь божественны, что не могутъ быть сравниваемы съ ихъ заблужденіями; и я повѣрилъ этимъ книгамъ, по простотѣ ихъ рѣчи, безыскусственности писателей, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣденію будущаго, превосходству правилъ и наконецъ по ученію объ единомъ Властителѣ надъ всѣмъ. Итакъ душа моя, вразумленная Богомъ, поняла,

что одні книги влекутъ за собою осужденіе, а другія разрушаютъ рабство, находящееся въ мірѣ, освобождаютъ насъ отъ многихъ начальниковъ и безчисленныхъ тирановъ и даютъ намъ то, чего—не скажу, чтобы мы не получили прежде, но что получивши, не сохранили по заблужденію.

30. Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія заблужденія, какъ дѣтскія бредни. Природа зла, какъ извѣстно, сходна съ природою самыхъ малыхъ сѣмянъ; ибо хотя зло отъ малаго съ нашей стороны повода усиливается, за то можно опять его разрушить, если мы вѣруемъ словамъ Божиимъ и сами не разсѣваемся. Богъ предлагаетъ намъ нѣкое скрытое сокровище: когда мы раскапываемъ его, то покрываемся пылью, но за то мы упрочиваемъ за собою обладаніе имъ. Кто владѣетъ всею этимъ сокровищемъ, тотъ приобрѣлъ драгоцѣннѣйшія богатства. Эти слова относятся къ нашимъ единомысленникамъ. Что же сказать вамъ, эллины, кромѣ того, чтобы вы не порицали лучшихъ себя, и если кто называется варваромъ, не находили въ этомъ повода къ презрѣнію. Ибо если хотите, вы можете найдти причину, почему одни не въ состояніи понимать языка другихъ; и если вы желаете изслѣдовать наше ученіе, то я предложу легкое для васъ и пространное объясненіе.

31. Думаю, что теперь кстати доказать, что наша философія древнѣе ученій эллинскихъ. Предѣлами у насъ будутъ Моисей и Гомеръ, потому что они оба жили въ древнѣйшія времена; послѣдній древнѣе всѣхъ поэтовъ и историковъ, а первый родоначальникъ всей мудрости у варваровъ. Итакъ возьмемъ ихъ для сравненія, и мы найдемъ, что наше ученіе древнѣе не только образованности эллиновъ,

но и самаго изобрѣтенія письменъ. Сошлюсь не на своихъ писателей, но воспользуюсь эллинскими. Первое было бы неудачно, потому что вы не примете ихъ; а послѣднее представляется удивительнымъ, когда я сражаясь съ вами вашимъ же оружіемъ, заимствую у васъ доказательства неподозрѣнные вами. О поэзіи Гомера, его происхожденія и времени, когда онъ процвѣталъ, изслѣдовали слѣдующіе древнѣйшіе писатели: Θεογενъ Регинскій, бывшій въ царствованіе Камбиза, — Стезимбротъ Тасскій, Антимахъ Колофонскій, Геродотъ Галикарнасскій и Діонисій Олинскій; послѣ нихъ Эфоръ Кумскій, Филохоръ Аѳинскій, Мегаклидъ и Хамелеонъ — перипатетики; потомъ грамматика: Зенодотъ, Аристофанъ, Каллимахъ, Кратесъ, Эратосѳенъ, Аристархъ и Аполлодоръ. Изъ числа ихъ Кратесъ говоритъ, что Гомеръ жилъ прежде возвращенія Гераклидовъ, спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны; по Эратосѳену спустя сто лѣтъ отъ взятія Трои, по Аристарху около Іонійскаго переселенія, бывшаго спустя сто сорокъ лѣтъ послѣ Троянскихъ событій, по Филохору — послѣ Іонійскаго переселенія при архонтѣ аѳинскомъ Архиппѣ, спустя сто восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны. Аполлодоръ говоритъ, что Гомеръ жилъ спустя сто лѣтъ послѣ Іонійскаго переселенія, то есть, спустя двѣсти сорокъ лѣтъ послѣ Троянской войны. Нѣкоторые говорили, что онъ былъ за девяносто лѣтъ до Олимпіадъ, то есть спустя триста семнадцать лѣтъ послѣ взятія Трои; другіе полагали время его жизни еще позднѣе и говорили, что Гомеръ былъ современникомъ Архилоха, — а Архилохъ жилъ около двадцать третьей Олимпіады, во времена Гигеса Лидянина, въ пятисотыхъ годахъ послѣ Троянской войны. Того, что мы ска-

зали вкратцѣ о времени жизни вышеупомянутаго поэта т. е. Гомера и о разногласіи писателей, говорившихъ о немъ, достаточно для тѣхъ, которые могутъ внимательно изслѣдовать эти свидѣтельства. Можно бы конечно доказать и ложность мнѣній о самыхъ происшествіяхъ. У кого не согласна хронологія, у того и исторія не можетъ быть истинной. Не отъ того ли бывають ошибки въ счисленіи времени, что излагають неистинное?

32. Но у насъ нѣтъ пустаго стремленія къ славѣ, ни разногласія во мнѣніяхъ. Мы отдѣлились отъ общепринятаго и земнаго ученія, мы повинujemyся заповѣдямъ Божиимъ, слѣдуетъ закону Отца нетлѣнія и отвергли мнѣнія человѣческія; не одни богатые у насъ философствуютъ, но и бѣдные даромъ пользуются ученіемъ; ибо все, что исходитъ отъ Бога такъ высоко, что нельзя заплатить за нихъ дарами мірскими. Мы допускаемъ всѣхъ кто хочетъ слушать, будетъ ли онъ старикъ или юноша; и всякому вообще возрасту у насъ воздается честь; впрочемъ распутство отъ насъ далеко. И мы не лжемъ, говоря это. Прекрасно было бы, если бы преклонилось ваше упорство въ невѣріи; но если и не будетъ этого, все-таки наша вѣра останется твердою опираясь на Божию свидѣтельствѣ. Вы смѣтаетесь, но нѣкогда восплачете. Не глупо ли, что вы удивляетесь Нестору, который усиливается сравняться съ юношами въ битвахъ, тогда какъ онъ съ трудомъ отсѣкаетъ по старческой слабости упряжь у коней; а смѣтаетесь надъ тѣми, которые у насъ борются съ старостію и размышляютъ о дѣлахъ Божественныхъ? Кто не будетъ смѣяться надъ вами, когда вы говорите объ Амазонкахъ, Семирамидѣ и нѣкоторыхъ другихъ воинственныхъ женщинахъ, а нашихъ дѣвицъ пори-

цаете? Ахиллесъ былъ юноша и однако вѣрять, что онъ имѣлъ много благородства; Неоптолемъ былъ также молодъ, но храбръ; Филоктетъ былъ слабъ, но божество нуждалось въ немъ для взятія Трои. Каковъ былъ Өерситъ? Но онъ начальствовалъ надъ войскомъ и не подвергался бы порицанію за свою остроконечную и лысую голову, еслибы не имѣлъ глупости болтать безъ мѣры. Желających у насъ философствовать мы не испытываемъ по лицу, и не судимъ по наружности о приходящихъ къ намъ. Ибо мы думаемъ, что крѣпость духа можетъ быть у всѣхъ, хотя бы они были слабы тѣлами. Ваши же сужденія исполнены зависти и великой глупости.

33. Поэтому я рѣшился посредствомъ вещей, которыя вы сами уважаете, доказать разумность нашихъ учрежденій и безразсудство вашихъ. Послушайте, до чего доходить пустота у эллиновъ,— вы, которые говорите, что мы занимаемся пустяками среди женщинъ и юношей, среди дѣвицъ и старухъ и насмѣхаетесь надъ нами за то, что мы не съ вами. Произведенія искусствъ заключаютъ въ себѣ много вздора, хотя уважаютъ ихъ болѣе беговъ вашихъ; относительно женщинъ вы ведете себя непристойно. Лизиппъ сдѣлалъ изъ мѣди статую Праксиллы, которая ничего полезнаго не сказала въ стихахъ своихъ, Менестратъ—Леархиды, Силаніонъ—блудницы Сапфы, Навкидъ—Эрвины Лезбосской, Воискъ—Миртиды, Кефизодотъ—Миры-Византской, Гомфъ—Праксигориды и Амфистрадъ Клиты. Что сказать о статуяхъ Аниты, Телезиллы и Мистиды? Эвтикрать и Кефизодотъ сдѣлали статую первой, Никерать второй, Аристодотъ третьей. Эвтикрать сдѣлалъ статую Мнесархиды Ефесянки, Силаніонъ Коринны, Эвтикрать—Θалархиды Аргос-

ской. Я упоминалъ объ этихъ женщинахъ, для того, чтобы вы не думали, что у насъ дѣлается что-нибудь странное и чтобы вы, въ виду этихъ памятниковъ, находящихся предъ глазами, не насмѣхались надъ тѣми женщинами, которыя у насъ философствуютъ. Сафо была блудница, безстыдная женщина, и сама воспѣвала свое распутство; а у насъ всѣ женщины цѣломудренны, и дѣвицы сидящія за прялками поютъ божественныя пѣсни гораздо лучше, чѣмъ эта дѣвица ваша. Посему вы должны стыдиться того, что вы ученики презрѣнныхъ женщинъ, а смѣетесь надъ женщинами, преданными нашему ученію, и надъ общественными собраніями, которыя онѣ посѣщаютъ. Что за прекрасное ученіе произвела вамъ Главкиппа, родившая чудовище, какъ показываетъ ся мѣдная статуя, сдѣланная Никератомъ Аѳиняниномъ, сыномъ Евктемона? Если она родила слона, почему же воздается ей общественная почесть? Пракситель и Геродотъ сдѣлали вамъ статую распутной Фрины, а Эвтикратъ Пантевхиды, сдѣлавшейся беременною отъ прелюбодѣя. Диномень своимъ искусствомъ передалъ потомству память Византиды, царицы Пеонской, за то, что она родила чернаго младенца. Я осуждаю и Пивагора, который представилъ Европу сидящею на быкѣ, и васъ, которые уважаете за искусство этого обличителя Зевса ⁽⁵⁹⁾. Смѣюсь и надъ искусствомъ Мирона, который изобразилъ тельца и на него возложилъ Нику, такъ какъ онъ, похитивъ дочь Агенора, получилъ награду за свое прелюбодѣйство и невоздержаніе. Геродотъ Олинскій изобразилъ Гликеру, блудницу и Аргосскую мызыкантшу. Ври-

(59) Зевсъ, превратившись въ быка, похитилъ Европу, дочь Агенора.

аксисъ поставилъ статую Пазифеѣ; вспоминая ея распутство, вы едва не желаете, чтобы и нынѣ были подобныя женщины. Какая-то Меланиппа была мудра и за это Лизистратъ сдѣлалъ ея статую; а вы не вѣрите, чтобы у васъ были мудрыя женщины.

34. Конечно весьма достоинъ чести тиранъ Фаларисъ пожиравшій грудныхъ дѣтей, котораго изображеніе сдѣлалъ Полистратъ Ампракіотъ и котораго донинѣ показываютъ какъ дивнаго мужа. Агригентинцы боялись смотрѣть на такой видъ этого людоеда; а люди, заботящіеся объ образованіи, гордятся, что видятъ его изображеніе. Не преступно ли то, что у васъ чествуется братоубійство, потому что вы смотрите на изображенія Полиника и Этеокла, тогда какъ вы должны бы зарыть ихъ вмѣстѣ съ художникомъ Пинеагоромъ? Истребляйте памятники нечестія. За чѣмъ я буду ради Периклемена, разсматривать и цѣнить какъ что-нибудь удивительное изображеніе женщины, родившей тридцать человѣкъ дѣтей? Слѣдовало бы питать отвращеніе къ той, которая принесла такъ много плодовъ невоздержанія и подобіе которой у Римлянъ представлено въ свинѣ, удостоенной за такое же дѣло священнаго служенія. Марсъ любодѣйствовалъ съ Афродитою, и Андронъ изобразилъ вамъ Гармонію, родившуюся отъ нихъ. Софронъ, написавшій пустяки и нелѣпости, болѣе прославился посредствомъ мѣдной статуи, существующей и донинѣ. Баснописца Эзопа прославили навсегда не однѣ басни, но и пластическое искусство Аристодама. И какъ вамъ не стыдно клеветать на честность нашихъ женщинъ, когда у васъ столько женщинъ — поэтовъ пустѣйшихъ и развратницъ, столько преступныхъ мужчинъ? Что хорошаго

мнѣ въ томъ, если узнаю, что Еванта родила въ Перепатъ, или если буду удивляться искусству Каллистрата, или смотреть на Нееру Калліада, которая была блудница? Лаида была распутная женщина, а Турнъ сдѣлалъ памятникъ ея распутству. Отъ чего не приводитъ васъ въ стыдъ распутство Гефестіона, хотя Филонъ искусно представилъ образъ его? Или зачѣмъ вы ради Леохара чествуете Ганимеда гермафродита, какъ-будто владѣете чѣмъ-то прекраснымъ? Пракситель также изобразилъ какую-то развратную женщину. Лучше было бы, если бы, оставивши всѣтакія вещи, вы искали того, что по истинѣ прекрасно; лучше бы, еслибы вы отказались отъ вымысловъ Филенида и Элифантида ⁽⁸⁰⁾ и не гнушались нашимъ образомъ жизни.

35. То, что мною изложено, я узналъ не отъ другихъ: я путешествовалъ по многимъ странамъ, самъ занимался въ качествѣ софиста вашими науками, изучалъ искусства и различныя изобрѣтенія, и наконецъ, живя въ Римѣ самъ видѣлъ различныя статуи туда перенесенныя вами. Я не стараюсь, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе, подтверждать свои мысли чужими мнѣніями, но излагаю то, что самъ видѣлъ и узналъ. Поэтому-то я распростился и съ римскимъ высокоомѣріемъ и съ холоднымъ аѳинскимъ краснорѣчіемъ, съ различными ученіями и принялъ нашу варварскую философію. Я началъ было излагать, какимъ образомъ она древнѣе вашихъ учрежденій, но на время отклонился отъ этого, а теперь возвращусь къ разсужденію объ ученіи нашемъ. Только не тяготитесь моими уроками и не возражайте болтовнею и пустяками, говоря: «Татіанъ выше эллиновъ, выше множества философствовавшихъ, онъ слѣдуетъ

(80) Это писатели о гнусныхъ дѣлахъ. См. Іустина 2 апол. гл. 15.

новому ученію варваровъ». Что худаго въ томъ, что чело-вѣкъ подобострастный прочимъ людямъ обличаетъ ихъ въ явномъ невѣжествѣ? Что нелѣпаго по примѣру роднаго вамъ мудреца ⁽⁶¹⁾, всегда старѣть и всему учиться?

36. Пусть Гомеръ ⁽⁶²⁾ былъ не позже троянской войны, а современникомъ ея, и даже сражался съ Агамемнономъ, пусть, если кто хочетъ, думаютъ, что онъ жилъ прежде изобрѣтенія буквъ. Окажется, что вышеупомянутый Моисей на много лѣтъ древнѣе взятія Троя, или даже жилъ гораздо прежде построенія Трои и времени Троя и Дардана. Для доказательства этого я приведу въ свидѣтели Халдеевъ, Финикіянъ и Египтянъ. И къ чему много распространяться? Тому, кто беретъ на себя трудъ убѣждать слушателей, нужно говорить о дѣлѣ какъ можно короче. Берозъ Вавилонянинъ, жрецъ вавилонскаго Бела, современникъ Александра, написавшій для Антиоха, третьяго царя послѣ Александра, исторію халдеевъ въ трехъ книгахъ и изложившій подвиги царей, говоритъ объ одномъ изъ нихъ, по имени Навуходоносоръ, который предпринялъ походъ противъ Финикіянъ и Іудеевъ. Мы знаемъ, что эта война была предсказана нашими пророками и случилась гораздо позднѣе Моисея, за семьдесятъ лѣтъ до владычества Персовъ. Берозъ весьма достовѣрный писатель: это доказы-вается тѣмъ, что Юба, писавшій объ Ассиріянахъ, гово-ритъ, что онъ узналъ исторію у Бероза; а онъ написалъ двѣ книги объ Ассиріянахъ.

37. Послѣ Халдеевъ, у Финикіянъ мы находимъ слѣ-дующее: у нихъ было три писателя: Θεодотъ, Ипсикратъ

⁽⁶¹⁾ Т.-е. Солона.

⁽⁶²⁾ Съ этой главы до конца Татианова рѣчь буквально приводится у Евсевія (Praepar. evang. с. 11).

и Мохъ. Книги ихъ переведены на греческій языкъ Хетомъ, который также тщательно написалъ жизнеописанія философовъ. Въ этихъ историческихъ книгахъ разказывается о похищеніи Европы при одномъ изъ царей, о пришествіи Менелая въ Египетъ и о происшествіяхъ при Хирамѣ, который отдалъ дочь свою въ замужество за Соломона царя Іудейскаго и доставлялъ ему всякаго рода дерево для построенія храма. О томъ же самомъ написалъ и Менандръ Пергамень. Но время жизни Хирама уже близко къ Троянской войнѣ; и Соломонъ, современникъ Хирама, жилъ гораздо позже время Моисея.

38. У Египтянъ также есть точныя историческія записки, и событія, бывшія у нихъ, описалъ Птоломей, только не царь, но жрецъ Мендеса. Онъ, разказывая о дѣяніяхъ царей, говоритъ, что Іудеи при царѣ египетскомъ Амазисѣ вышли изъ Египта, подъ предводительствомъ Моисея, въ тѣ страны, которыя они заняли. Онъ такъ говоритъ: «Амазисъ былъ современникъ царя Инаха». Послѣ него грамматикъ Апіонъ, человекъ очень ученый, въ четвертой книгѣ о Египтянахъ, а всѣхъ книгъ его пять, между прочимъ говоритъ, «что Амазисъ, современникъ Инаху Аргосскому, разрушилъ Аварисъ, какъ Птоломей Мендесскій написалъ въ своихъ лѣтописяхъ». А время, которое протекло отъ Инаха до разрушенія Трои, заключаетъ въ себѣ двадцать поколѣній и это доказывается такимъ образомъ.

39. Вотъ какіе были цари у Аргосцевъ: Инахъ, Фороней, Аписъ, Кріазисъ, Триопасъ, Аргій, Форвантъ, Кротопасъ, Стенелай, Данай, Линкей, Прить, Авась, Акризій, Персей, Стенелай, Евристей, Атрей, Тиестъ и Агамемнонъ,

въ осмнадцатый годъ царствованія коего взята Троя. Всякій разсудительныйъ человекъ долженъ тщательно замѣтить, что у Грековъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, еще не было ни одного письменнаго историческаго памятника. Ибо Кадмъ, который передалъ имъ буквы, спустя много поколѣній пришелъ въ Беотію. Послѣ же Инаха при Форонеѣ люди наконецъ перешли отъ дикой и пастушеской жизни къ болѣе свободному образу жизни. Поэтому, если Моисей былъ современникъ Инаху, то онъ древнѣе Троянской войны на четыреста лѣтъ. И это видно изъ преемства царей Аттическихъ, Македонскихъ, Птолемейскихъ и Антиохійскихъ. Посему, если знаменитѣйшія происшествія у эллиновъ были записаны и сдѣлались извѣстны послѣ Инаха, то значить, это было послѣ Моисея. Ибо Форонею, преемнику Инаха, современникомъ у Аѳинянъ былъ Огигъ, при которомъ былъ первый потопъ; а за Форбантомъ слѣдовалъ Актей, отъ котораго Атика названа Актеею. Современниками Тріопа были Прометей, Эпиметей, Атласъ, Кекропсъ и Іонъ. При Кротопѣ былъ пожаръ Фазтона и потопъ Девкаліона. Во время Стенела было царствованіе Амфиктіона, пришествіе Даная въ Пелопонесъ, основаніе Дарданіи Дарданомъ и возвращеніе Европы въ Критъ изъ Финикіи. При Линкеѣ была похищена Прозерпина, основанъ храмъ въ Элевзинѣ, введено Триптолемомъ земледѣліе, Кадмъ пришелъ въ Тивы и царствовалъ Миносъ. При Притѣ была война Евмолпа противъ Аѳинянъ. При Акризіи было пришествіе Целопса изъ Фригіи, прибытіе Іона въ Аѳины, царствованіе втораго Кекропса, подвиги Персея и Діониса, появленіе ученика Орфеева Музея. Въ царствованіе Агамемнона была взята Троя.

40. И такъ изъ сказаннаго видно, что Моисей жить ранѣе древнихъ героевъ, войнъ, демоновъ. Поелику же онъ древнѣе по времени, то ему должно вѣрить болѣе, нежели эллинамъ, которые, не признавая того, заимствовали у него ученія; ибо многіе изъ ихъ софистовъ, по своему любопытству познакомившись съ писаніями Моисея и подобныхъ ему философовъ, старались передѣлать ихъ ученіе, во первыхъ для того, чтобы думали, что они говорятъ что-нибудь свое,—во вторыхъ, для того, чтобы то, чего они не понимали, прикрыть вымышленной словесной оболочкою, придавая истинѣ видъ басни. Впрочемъ о томъ, что говорили образованные люди у эллиновъ о нашемъ законѣ и объ исторіи постановленій, сколь многіе и какіе писатели упоминали объ этомъ,—будетъ показано въ книгѣ «противъ тѣхъ, которые разсуждали о Божественныхъ дѣлахъ».

41. А теперь особенно важно со всею точностію показать, что Моисей древнѣе не только Гомера, но и писателей, древнѣйшихъ Гомера, какъ-то: Лина, Филаммона, Тамирида, Амфіона, Музея, Орфея, Демодока, Фемія, Сивиллы, Эпименида Критскаго, пришедшаго въ Спарту, Аристея Проконнескаго, написавшаго исторію Аримасповъ, Асвола Центавра, Исатида, Дримона, Евкла Кипрскаго, Ора Самосскаго и Пронапида Аѳинскаго. Линъ былъ учителемъ Геркулеса; а Геркулесъ на одно поколѣніе былъ ранѣе Троянской войны, какъ это видно изъ того, что сынъ его Тлиполемъ уже воевалъ противъ Трои. Орфей былъ современникомъ Геркулеса; ибо сочиненія, которыя выдаютъ подъ имя его, говорятъ, принадлежатъ Ономакриту Аѳинянину, жившему въ царствованіе Пизистрадитовъ около

пятидесятой Олимпіады. Ученикомъ же Орфея былъ Музей. Объ Амфіонѣ нечего говорить ученымъ, что онъ за два столѣтія жилъ до троянскихъ событій, Демодокъ и Феміи жили во время самой троянской войны; одинъ былъ у жениховъ ⁽⁶³⁾ а другой у Феаковъ. Тамиридъ и Филаммонъ жили немного прежде ихъ. Итакъ, я со всевозможною точностію, мнѣ кажется, написалъ вамъ о сочиненіяхъ въ какомъ-либо родѣ и о времени ихъ. Но, чтобы вполнѣ докончить изслѣдуемый предметъ, укажу еще тѣхъ, которые почитались мудрецами. Миносъ, который почитается первымъ во всякомъ родѣ мудрости и въ законодательствѣ, жилъ при преемникѣ Даная—Линкеѣ въ одиннадцатомъ поколѣніи послѣ Инаха Ликургъ, родившійся гораздо позже взятія Трои, далъ законы Лакедемонцамъ за сто лѣтъ до Олимпіады. Драконъ жилъ около тридцать девятой Олимпіады, Солонъ около сорокъ шестой, Пифагоръ около шестьдесятъ второй. А Олимпіады, какъ мы сказали ⁽⁶⁴⁾, установлены спустя четыреста семь лѣтъ послѣ троянскихъ событій. Послѣ этихъ доказательствъ, не стану много говорить о времени жизни семи мудрецовъ. Ибо, если древнѣйшій изъ нихъ Фалесъ жилъ около пятидесятой Олимпіады, то нѣтъ уже нужды говорить о другихъ мудрецахъ, которые жили послѣ него.

42. Вотъ что, эллины, для васъ написалъ я, Татіанъ, послѣдователь варварской философіи, уроженецъ ассирійской земли, слѣдовавшій первоначально вашему ученію, а

⁽⁶³⁾ Гом. Одис. 1, 154; VIII, 44.

⁽⁶⁴⁾ См. гл. 31,

потомъ принявшій то, которое теперь исповѣдую. Я наконецъ узналъ Бога и Его твореніе, и готовъ предстать предъ вами для изслѣдованія ученія, и не измѣню своимъ убѣжденіямъ относительно Бога.
